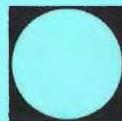

Зарубежная фантастика

Роберт Янг
ЭРИДАН

Научно-фантастический роман,
рассказы

Роберт Янг
ЭРИДАН

Ясноград «Бригантина»

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

Роберт Янг

ЭРИДАН

Научно-фантастический роман, рассказы

Перевод с английского

Ясноград «Бригантина» 2012

УДК 82.035

ББК 84.7

Я 60

Robert F. Young
ERIDAHN

Составитель *A. A. Лотарев*
Коллаж на обложке *Ирина Телегина*
Фронтиспис *Gray Morrow*

Янг, Роберт Ф.

Я 60 Эридан: Научно-фантастический роман, рассказы / Роберт Янг; [пер. с англ.]. – Ясноград: Бригантина, 2012. – 344 с., илл. – (Зарубежная фантастика).

Роман и несколько рассказов известного американского писателя-фантаста. Большинство произведений, вошедших в эту книгу, печатается на русском языке впервые.

Без объявл.

Отдел научно-фантастической прозы

ЭРИДАН

Научно-фантастический роман

Посвящается Реджи, Бонни, Эдди, Мел и Билли

ГЛАВА 1

Карпентер не верил своим глазам. Нет, молодой анатозавр под деревом гинкго – это в порядке вещей, в век ящеров и не такое встретишь. Но мальчик и девочка на ветвях? Какого мезозоя они делают в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед на водительском сиденье трицератанка, Карпентер разглядывал детей сквозь бронированное стекло кабины, замаскированной под голову гигантской рептилии. Нет, не привиделось. Мальчик и девочка столь же реальны, как и загнавший их на дерево анатозавр. Явно напуганы – лица белее меловых утесов, что далеко к северу торчат над рощами ив, дубов, саговников и гинкго, разбросанными по доисторической равнине.

Карпентера вдруг осенило. Детишки наверняка имеют отношение к тому самому ископаемому анахронизму, чье происхождение он прибыл исследовать! Правда, мисс Сэндз, свежеиспеченный хронологист Североамериканского палеонтологического бюро, не заметила в свой времяскоп никаких детей, так ведь прибор и не различает ничего мельче зауропода или холма. Нечего и удивляться, просто надо было соображать и глядеть чуть дальше своего носа. Простая логика: если здесь в эпоху ящеров обитали люди, то и ребятишек должны были иметь.

Анатозавр стоял на задних лапах, уплетая нижние побеги гинкго. Похоже, он уже забыл о детях, прячущихся на

дереве. Зато дети о нем не забыли, а появление трицератанка, выгляделвшего точь-в-точь, как рогатый динозавр вида *Triceratops elatus*, только удвоило их страх.

Не догадываясь, что сзади подкрадывается механическое чудовище, анатозавр как ни в чем не бывало хрумкал своими похожими на утиный клюв челюстями. Это был здоровенный грязно-бурый ящер, пузатый, со сплюснутой головой, мощными задними и коротенькими передними лапами. Длинный увесистый хвост помогал ему удерживать равновесие. Поскольку анатозавры не плотоядные, мальчик с девочкой, скорее всего, просто случайно оказались у него на пути.

— Вперед, Сэм! — скомандовал Карпентер бронированной машине. — Поучим-ка зверюгу хорошим манерам!

После выхода из фотонного туннеля, пробитого сквозь эпохи стационарной машиной времени Ллонки, Карпентер уже несколько часов двигался на север — черепашьим шагом, чтобы не проглядеть признаков человеческого присутствия. Он потому не сразу увязал детей с ископаемыми останками, что окаменевший скелет принадлежал взрослому мужчине. Таких скелетов больше не нашли, но это еще не повод думать, что человек здесь был один. Чтобы кости сохранились в целости миллионы лет, кто-то их должен был аккуратно похоронить, а отсюда логически следовало, что в этом районе, который в документах Бюро официально именовался Мел-16, были и другие обитатели, которым не так повезло.

Карпентер перевел Сэма на вторую передачу и пальнул из правой верхней рогопушки, целясь чуть левее бедра анатозавра. Ствол растущего чуть дальше саговника переломился с оглушительным треском. Мгновение анатозавр пялился на расколотое дерево, затем обернулся. Одного взгляда на атакующий трицератанк хватило, чтобы зверюга, вы-

тянув хвост в струнку, пустилась наутек в направлении ивой рощи.

Остановив ящероход в нескольких ярдах от гинкго, Карпентер вновь посмотрел на детей. Если раньше их лица были белее мела, то теперь стали серыми. Анатозавр и сам по себе не подарок, а тут еще – и трехрогое чудище, способное напугать до смерти любого обитателя Мела-16, за исключением разве что местного владыки, свирепого тиранозавра.

Передвинувшись на пассажирское место, Карпентер открыл дверь. В кондиционированное нутро Сэма ворвался влажный и жаркий, но невероятно свежий воздух. Карпентер спрыгнул на землю. Его красная клетчатая рубашка, коричневые брюки и черные ботинки прозвучали резким диссонансом в симфонии доисторических времен.

Дерево гинкго одиноко высилось на пологом склоне, а окружающая равнина простиралась на север до меловых утесов. С запада ее ограничивали лесистые холмы, переходящие в молодые горы, с востока – внутреннее море, невидимое за многочисленными перелесками, а с юга – широкая река, на берегу которой и располагались фотонно-полевые ворота из далекого будущего.

– Эй, можете слезать! Сэм вас не тронет.

На него уставились две пары глаз, широко распахнутых и синих-синих – таких он в жизни не видал. Их переполняло изумление, не разбавленное и каплей понимания.

– Ну же, слезайте, – поманив рукой, повторил он. – Бояться нечего.

Девочка с мальчиком повернулись друг к другу и обменивались фразами на непонятном языке. Потом, наконец, решились покинуть свой насест, сползли по стволу и прижались к нему спинами, не сводя с Карпентера глаз.

Карпентер остановился от них в нескольких футах и стал разглядывать.

Мальчик – на вид лет девяти, в темно-синей, окантованной золотом блузе с коротким рукавом и брюках в тон. Девочка – лет одиннадцати, одетая так же, только цвет ближе к небесно-голубому и брюки скорее похожи на панталоны. Трудно сказать, чья одежда в большем беспорядке, но у девочки она грязнее, видимо, из-за светлого цвета. Ботинки обоих облепила засохшая грязь. Девочка чуть выше ростом, голова гордо откинута, золотистые волосы свободно падают на плечи. Мальчик – темноволосый, коротко стриженный. Оба худые, с тонкими чертами лица. Похоже, брат и сестра.

Наконец, глядя серьезно в серые глаза Карпентера, мальчик заговорил – на том же непонятном языке. Не встретив понимания, перешел на другое наречие, но Карпентер снова покачал головой и попробовал начать беседу сам: по-английски, по-французски, по-немецки – других современных языков он не знал. Мальчик каждый раз качал головой, а девочка просто стояла с застывшим лицом, молча глядя на Карпентера.

Известные ему древние языки он опробовать не стал. Как правило, современные дети не смыслят ни в арамейском, ни в ионийском или дорийском диалектах древнегреческого. Сам он изучил их, путешествуя во времени по зданиям Ассоциации исторических исследований – дочернего подразделения Бюро. А что до этих двоих, то дети, определенно, современные. У них это просто на лбу написано. Непонятно, из какой страны и каким ветром их занесло в Мел-16, но прибыть они могли только на машине времени Ллонки и вряд ли в одиночку.

Казалось, надежда понять друг друга была потеряна окончательно, но мальчик полез в карман брюк и достал что-то вроде сережек. Одну пару закрепил на мочках ушей, а другую протянул собеседнику, явно призывая последовать своему примеру. Это были клипсы с крохотными подвеска-

ми. Когда Карпентер стал прилаживать их на уши, подвески оказались мембранными, которые плотно прилегли к ушным отверстиям, нисколько при этом не ограничивая способность слышать.

Мальчик повернулся к девочке.

– Давай, Дейдре, – сказал он по-английски. – У тебя тоже есть пара, и не одна, я знаю. Надевай.

Дейдре? Во всяком случае, имя звучало похоже.

Девочка вытащила из кармана такую же пару серег и молча прикрепила к ушам.

Карпентер заподозрил, что его разыгрывают.

– Быстро же ты освоил мой язык, – сухо заметил он.

– Да нет, я говорю на своем, – покачал головой мальчик, и Карпентер заметил, что губы его двигаются не в такт словам. – Это из-за толковушек моя речь похожа на вашу. Они действуют прямо на звуковой нерв, и вам только кажется, что язык ваш. Конечно, имена непереводимы, так что преобразуются в ближайшие по звучанию. А некоторые слова остаются как есть, потому что толковушки эффективны не на сто процентов. Почти все, что я говорю, вы слышите так, как сказали бы сами, и наоборот. У нас на Марсе такая мешанина разных наречий, что жизни не хватит их выучить. Даже в одной стране несколько языков. Так что без толковушек никак, вот их и придумали. Каждый носит при себе хотя бы две пары.

– На Марсе?

– Да, мы с Марса. С Большого Марса. Меня зовут Скип.

– Скип... а дальше? Фамилия?

Мальчик, похоже, растерялся.

– На Марсе только имена.

– А я Джим Карпентер. – Он взглянул на Дейдре, но та словно не замечала его. – Это твоя сестра?

– Да.

- Она что, немая?
- Ну, понимаете, мистер Карпентер, ей нельзя говорить с вами. Она принцесса.
- Ясно. Что ж, раз принцесса, значит, ты принц, а ведь ты со мной говоришь.
- Я другое дело. Дейдре особенная, она следующая в линии к трону Большого Марса. И еще любит задаваться.
- Дейдре сверкнула глазами, но смолчала.
- А на Земле мы потому, что нас похитили, – продолжал Скип.

«Ну надо же, – подумал Карпентер, – забраться в верхнемеловой период, чтобы спасти от уткомордого динозавра не кого-нибудь, а саму принцессу Марса, с братишкой! А добавок выясняется, что их еще и похитили!»

Однако поверить в эту историю было не труднее, чем в то, что рассказал детям он сам.

– Я землянин из 1998 года, то есть из будущего – до моего времени еще 74 051 622 года. А это Сэм, мой грузовик. – Он показал на трицератанк. – Правда, в нем больше от танка, чем от грузовика... в общем, бронированный грузовик. Сэм – это кличка. Главный двигатель у него работает от батарей, которые сам же и подзаряжает. А еще у Сэма есть свой небольшой диффузионно-фотонный блок, который позволяет совершать короткие прыжки во времени и возвращаться в точку отсчета с поправкой на время, проведенное в прошлом. В отдаленное будущее встроенный контроллер прыгать не позволяет. На бортах скрыты автоматические голокамеры. В доисторических временах я обычно собираю голограммический материал, но на этот раз задание особое: выяснить происхождение ископаемых останков человека. Новые методы позволяют палеонтологам очень точно датировать находки, с погрешностью до недели. Однако из-за последующих геологических изменений, в данном

случае, образования Скалистых гор, нельзя сказать с уверенностью, где погиб человек.

Глаза округлились даже у Дейдре, став огромными, как осенние астры.

— Обычно я отправляюсь в прошлое не один, но голограммист уволился, а я не захотел ждать замены. На съемку уйдет около двух недель. На случай, если вы не знаете: машина времени, которую придумал Ллонка, использует диффузию света. По сути, свет — это своего рода рулетка для измерения времени. Когда ее вытягиваешь, время теряет свою непрерывность, и в нем можно путешествовать — почти так же, как мы путешествуем в пространстве. Ну а Сэм меня защищает от крупных тероподов и птеранодонов. У Североамериканского палеонтологического бюро, на которое я работаю, есть и другие машины для эпохи рептилий, и еще несколько в виде млекопитающих. Но Сэм не совсем то, чем кажется. На самом деле у него нет хвоста, а вместо лап гусеничное шасси. Когда гусеницы движутся, камуфлирующее поле создает видимость шагающих лап, а когда останавливаются — неподвижных. Оно же заставляет вас видеть этот великолепный хвостище.

— Ну и ну! — покачал головой Скип. — Он явно поверил каждому слову, и даже тем, с которыми толковушки не справились. Поверила ли услышенному принцесса, осталось неясно. — Выходит, мы с нынешнего Марса, а вы с Земли будущего. Так и знал, что вы не марсианин.

— Один вопросик, Скип. Как вы умудрились забраться на дерево? Ведь для жителей Марса земная сила тяжести должна быть непривычна.

— Просто залезли, и все. А что, есть разница в силе тяжести?

— Ну да. На Марсе она всего тридцать восемь процентов от земной.

– Вы судите по Марсу будущего, мистер Карпентер, а мы с Марса нынешнего. Вероятно, со временем притяжение ослабнет.

– Так не бывает.

– Тогда не исключено, что сила тяжести на Марсе будущего больше, чем вы думаете. Вы сами его посещали, мистер Карпентер? Или кто-то из землян?

– Нет, но мы знаем, какая там сила тяжести.

– Возможно, землян ожидает сюрприз, когда кто-нибудь высадится на нашей планете.

Возразить было нечем, и Карпентер предпочел не продолжать спор. Не исключено, что дети и правда прилетели с Марса. Может, их действительно похитили.

Но похитить их могли и на Земле будущего.

Вот глупец, распинался тут о машине времени, Бюро и Сэм! Их в школе наверняка просветили насчет работы современных палеонтологов... Но откуда тогда столько удивления в глазах?

Солнце уже наполовину спустилось с доисторического небосвода, и свет его, слегка рассеянный влажной атмосферой, мягко ложился на лица Скипа и Дейдре. Только сейчас Карпентер заметил, какие впалые у них щеки и тощие руки. Если ребят и правда похитили, то явно недокармливали.

А что если они и в самом деле с Марса?

На марсиан не очень-то похожи, но как он может судить, если не знает, как выглядят марсиане?

На память пришла межпланетная станция «Маринер-9», искусственные спутники «Викинг-1», «Викинг-2» и их спускаемые аппараты. Помимо четырехгранных пирамид на плато Элизий, немного похожих на памятники материальной культуры, никаких других намеков на разумную жизнь они не нашли. Оба посадочных модуля даже не выявили наличия органики. Но ни они, ни орбитальные блоки

не доказали и отсутствия жизни на Марсе, тем более не доказали, что она не существовала там в незапамятные времена.

И потом, не стоит забывать о толковушках. У него самого на указательном пальце перстень связи, который для неискушенного глаза выглядит как дешевая бижутерия. По кругу – ряд махоньких, разных на ощупь выступов, которые позволяют дистанционно управлять Сэмом. Такой прибор – продукт высоких технологий, и все же ему далеко до пары крошечных ушных затычек, воздействующих непосредственно на слуховой нерв.

Могли детишки купить такое в дешевой лавке? Вряд ли. Судя по движению губ, тот язык, на котором говорил Скип, ничуть не напоминал английский – в отличие от прозвучавших слов.

Полной уверенности, что ребята марсиане, конечно, быть не может, но при любом раскладе он теперь в ответе за них. Вы только поглядите: стоят посреди Мела-16, как будто в Центральном парке на Манхэттене! Законная добыча для первого же голодного хищника-теропода.

– Ладно, полезайте в кабину! Там будете в безопасности.

В трицератанк Карпентер забрался первым. Затем, не утруждаясь спуском нейлонового трапа, нагнулся и за руки втащил Дейдре.

– Проходи туда, – кивнул он себе за спину.

Просторный жилой отсек за водительским сиденьем отделяла от двигателя и аккумулятора огнеупорная стена. Там имелись узкая откидная койка, прикрученный к полу столик с двумя стульями, встроенный шкаф с холодильником, мойка и электроплитка.

Дейдре как раз перелезала через спинку кресла, когда сверху донесся необычный свист. Вскинув голову, она гля-

нула сквозь лобовое стекло, и лицо ее покрылось той же мертвенно бледностью, какая была на ней, когда она сидела на дереве, спасаясь от динозавра.

— Это они! — ахнула она. — Нас нашли!

Проследив за взглядом девочки, Карпентер увидел в вечернем небе три огромных силуэта.

Птеранодоны!

Крылатые ящеры пикировали на трицератанк, словно тройка доисторических штурмовиков. Схватив Скипа за руки, Карпентер затащил его в кабину и отправил назад к сестре, после чего снова взглянул на небо. Слишком уж близко подлетели эти птеранодоны, чтобы стрелять из рогопушек. Он захлопнул пассажирскую дверь и скользнул за руль.

Атакующие явно не шутили. Первый лишь чудом разминул с Сэмом, задев правым элероном зубчатый костяной воротник трицератопса, а фюзеляж второго едва не чиркнул его по спине. Еще один вышел из пике чуть дальше остальных, и вся троица снова взмыла в небо, оставив за собой три пары выхлопных струй.

ГЛАВА 2

Карпентер недоуменно выпрямился в кресле.
Элероны? Фюзеляж? Реактивные сопла?
Ничего себе птеранодоны!

Он включил защитное поле, установив невидимый барь-
ер вокруг корпуса Сэма, потом запустил двигатель и направ-
ил огромную машину к ближайшей купе деревьев.

– Скип?

– Да, мистер Карпентер?

– Когда твоя сестра увидела птеранодонов, то сказала:
«Они нас нашли!» Кто такие «они»?

– Не знаю, кто такие птеранодоны, мистер Карпентер.
Вы имеете в виду тех троих на леталках? Это и есть наши
похитители.

– Ясно.

Сэм двигался быстро, благо плоская, почти без ухабов
равнина это позволяла. Травы еще не вступили в полную
силу, и растительный покров состоял в основном из сассаф-
раса, лавровых кустов и карликовой магнолии. Магнолии
как раз цветли, и, несмотря на все старания, у Карпентера
не всегда получалось их облезжать, так что шквал лепе-
стков то и дело осыпал лобовое стекло дождем розовых
снежинок. С пути разбегались маленькие ящерицы – голу-
бые, зеленые, желтые.

Наконец Сэм добрался до рощицы и скрылся среди де-
ревьев. Карпентер поехал черепашьим шагом. Ивовые

кроны закрывали небо.

— Похитители, о которых ты говорил, Скип... Полагаю, они тоже с Марса?

— Конечно, откуда же еще? — несколько спокойнее, чем прежде, ответил Скип. — Они похитили нас со спортивной площадки во дворце после того как разоружили охрану. Их четверо: трое мужчин и женщина. Спрятали нас здесь, в своем логове на Эридане. Есть еще пятый, он остался на Марсе забрать выкуп. Но они требуют не только выкуп. Приказали королевскому правительству раздавать пищу беднякам. Понстоящему бедных у нас нет, но похитители ненавидят власть предержащих и хотят попортить им кровь.

«Эридан» толковушки Карпентера оставили без изменений.

— Эриданом вы называете Землю?

— Нет, только ее часть. Большой Марс застолбил тут участок под колонию, а название вошло в обиход из-за всего этого зверья.

«Зоопарк». Карпентер и сам не придумал бы лучшего названия. С другой стороны, на этой стадии эволюции зоопарком можно назвать и всю планету.

— И велик ваш участок?

— Белые утесы — северная граница. На западе он тянется до самых гор, на юге — до большой реки, а на востоке — до морского побережья. Между нами и морем город Риммен. Кроме похитителей, там теперь никто не живет.

— Город? Здесь?

— Ну да, его построили лет пятьдесят назад. Он...

— Пятьдесят моих лет?

— Да, толковушки очень точно пересчитывают единицы времени. Собирались строить еще один город, но геологи выяснили, что Земля далеко не так стабильна, как думали раньше, и тектонические сдвиги, те самые, о которых вы

говорили, уже начались, поэтому продолжать не стали. А потом посыпались всякие неприятности. Колонисты посеяли сельскохозяйственные культуры, но весь урожай сожрали стада динозавров вроде того, что загнал нас с Дейдре на дерево, и таких, как Сэм. А в городе на людей стали нападать огромные птицы с кожистыми крыльями. Про море и говорить нечего. Собирались рыбачить, но когда увидели, что за жуткие чудища там живут, больше к берегу не подходили. Короче, когда парламент Большого Марса решил, что поселенцам лучше вернуться домой, те дождаться не могли, когда за ними прилетят.

– И теперь этот город – логово похитителей?

– Вероятно, уже много лет. Корабль, на котором нас сюда доставили, примерно в полукилометре от города. Его носовую часть замаскировали, чтобы Космофлот не заметил из космоса – если кому-то придет в голову искать нас с сестрой на Земле. Впрочем, парни из Космофлота слишком для этого тупые. Из-за всех этих больших рептилий похитители не ожидали, что мы с Дейдре осмелимся улизнуть, потому и охраняли спустя рукава. Достаточно было открыть ворота и выйти. Мы попытались найти корабль, чтобы послать Космофлоту сигнал, но заблудились. Ну, не то чтобы совсем, просто из болота вылез здоровущий ящер и давай гоняться за нами – мы перепугались и побежали к холмам. Потом долго-долго шли по равнине, пока не встретили того зверя со смешным клювом, и спрятались на дереве. Ну, а потом появились вы, мистер Карпентер.

Пожалуй, вопросов хватит, по крайней мере пока, решил Карпентер. С каждым ответом все труднее верить, что ребята марсиане. Настолько похожи на американских детей, что запросто сошли бы за его сына и дочь.

В конце концов, этот город, если он и впрямь тут есть, может оказаться земным городом, а похитители с детишками –

явиться из Соединенных Штатов двадцатого века. У Бюро нет монополии на путешествия во времени, и хоть устройство машины Ллонки держится в тайне, одну могли и украсть.

Впрочем, о таком случае стало бы известно.

Да еще и толковушки. Тут определенно пахнет не нашей технологией, и к тому же, если они полностью воспроизвоят речь носителя языка, Скип и должен казаться американцем.

Но сейчас основная забота отнюдь не происхождение Скипа и его сестры. С Марса они или нет, их преследует эта тройка клоунов на лжептеранодонах, от которых надо как-то избавиться.

Все это время Сэм петлял среди ив и уже достиг северной границы рощи. Остановив машину на опушке, Карпентер рассматривал кусок равнины впереди. Примерно в четверти мили виднелась еще одна купа деревьев, покрупнее.

Он взглянул вверх: птеранодонов не видно. Тишину нарушает лишь мерное урчание двигателя. Но если птеранодоны высоко, их и не услышишь, а кроны почти скрывают небо.

Что делать – оставаться под покровом рощи до темноты или перенастроить камуфлирующее поле так, чтобы Сэм слился с равниной? Есть еще вариант прыгнуть назад во времени. А может, сразу рвануть к той роще, выжав из двигателя все возможное?

Карпентер выбрал последний вариант.

– Держись, ребята! – сказал он и рывком бросил Сэма вперед.

Скр-р-р-и-и-и-и!.. Неизвестно откуда взявшийся птеранодон камнем упал с неба и врезался боком в защитное поле.

Пилот едва сумел выровнять свой аппарат. Прежде чем

он снова взмыл вверх, Карпентер успел рассмотреть бородатое лицо, глядевшее вниз из иллюминатора. «Леталкой» управляли, лежа ничком между длинными плоскими крыльями. На брюхе птеранодона виднелся бомбодержатель с тремя небольшими яйцевидными бомбами.

Тем не менее, надежда еще оставалась. Можно было перенастроить камуфлирующее поле или прыгнуть назад во времени, но и то, и другое на открытом месте означало выложить козыри, причем без особой нужды. Если уж совсем прижмет, птеранодонов собьют рогопушки Сэма. Поэтому Карпентер продолжил гонку к деревьям.

Магнолии ложились под гусеницы, обдавая трицератанк мимолетными шквалами розовых снежинок. Справа вдалеке паслось стадо рогатых ящеров, живых сородичей Сэма. В густой синеве весеннего неба черными «мессершмитами» кружили птеранодоны.

Скип перелез через спинку кресла и сел рядом с водителем. Мальчика тряслось. Глянув через плечо, Карпентер увидел бескровное лицо Дейдре.

— Эй, ребятки, чего вы так разволновались? Сэм вас защитит.

— Мы не боимся, что они нас убьют, — ответил Скип. — Мы им нужны. Если выкуп не пришлют и не выполнят другие требования, им придется послать на Большой Марс новую радиограмму с нашими голосами.

— Их бомбы для нас не проблема, пока работает защитное поле.

— Согласен, но бомбу можно сбросить перед нами, и тогда...

Казалось, один из пилотов услышал слова Скипа — лавр перед ящероходом рассыпался ворохом листьев и обломков ветвей, а на его месте появилась воронка. Раздался глухой взрыв.

Карпентеру удалось объехать яму, хотя трицератанк опасно накренился. К счастью, заросли были близко, и через несколько секунд Сэм скрылся в них. Гинкго и ивы стояли здесь реже, чем деревья в первой роще.

Сэм перешел на шаг.

– Вот что я тебе скажу, Скип. Давай-ка перебираися назад к сестре, и сообразите что-нибудь перекусить. Не знаю, к чему вы привыкли, но Сэм доверху набит всякой всячиной. Для начала поищите в шкафу такие запечатанные коробочки, в них бутерброды. Дернешь маленький клапан на крышке, и они откроются. А в холодильнике найдете высокие бутылки со звездами вокруг горлышка, там шипучка – ну, то есть, газированная вода, сладкая и с пряностями. Крышечка открывается против часовой стрелки, влево. Приятного аппетита!

Карпентер прокладывал курс через лес, выбирая места, где зелень погуще. Время от времени в просветах крон мелькали преследователи, но, конечно, пилоты не видели ящерохода. Припарковаться, что ли, здесь на ночь? Заодно спокойно поразмыслить, как быть с детьми. В самом ли деле они марсиане, или все это – тщательно спланированное надувательство.

Скип протянул через спинку кресла бутерброд с ветчиной.

– Дейдре просила вам передать, мистер Карпентер.

– Неправда! – возмутилась девочка.

– Нет, просила! Дала мне и показала на него.

– Ничего я не показывала!

– Нет, показывала!

– Принцесса, а не передашь и бутылочку газировки? – спросил Карпентер. – Рутбир, пожалуйста, коричневый твой.

Повисла тишина. Затем, перекрывая урчание двигателя,

щелкнула дверь холодильника и раздался хлопок пробки. Маленькая рука протянула бутылку рутбира.

— Спасибо, принцесса.

— Можно, я сяду впереди? — спросил Скип.

— Конечно.

Мальчик перебрался через спинку сиденья и прошептал Карпентеру на ухо:

— Дейдре тоже хочет вперед.

— Скажи, пускай залезает, — шепнул в ответ Карпентер.

— Давай к нам, Дейдре.

Голова у Сэма была больше пяти футов шириной, но на водительское сиденье из них приходилось только четыре. И все же, когда Дейдре уселась по другую руку от Скипа, осталось немало места. Оба ели бутерброды и запивали шипучкой. И куда в них только лезло? Впрочем, какая разница, не жалко. Запасов в кладовой Сэма хватило бы на две недели для пары взрослых мужчин.

Дейдре сидела в профиль к Карпентеру, а когда выглядела в боковое окошко, он видел только ее затылок. На Карпентера они не смотрела. Ну конечно, чего же еще ожидать? Он простой водитель, а она — принцесса! В Бюро он значился голографистом и неплохо зарабатывал, но по большей части только тем и занимался, что водил ящероходы и звероходы, то есть грузовики.

Однако, несмотря на ее холодность, Карпентер чувствовал себя заботливым родителем, который вывез детишек на прогулку в зоопарк.

И что за зоопарк! Ящерицы повсюду, отливают на солнце всеми цветами радуги. Из зарослей осоки выглядывает анкилозавр, но даже эта бронированная машина не решается стать Сэму поперек дороги. Длинноногий орнитомим, до смерти напуганный трицератанком, спрятался за дерево — ну вылитый страус. Два взрослых анатозавра тоже бросили

закусывать листвой, решив пообедать где-нибудь в другом месте. Струтиомим, беззубый и уж совсем неотличимый от страуса, со всех ног рванул через прогалину. А вдобавок к ящерам — и змеи, и черепахи, и странные зубастые птицы на деревьях.

Впрочем, Карпентер держал ушки на макушке, помня о тиранозаврах, — мало ли, вдруг один из этих гигантских хищников тоже решил прогуляться.

Внезапно впереди прогремел взрыв, появилась воронка. На лобовое стекло дождем посыпалась комья земли.

— Они нас заметили! — воскликнул Скип.

Объехав воронку, Карпентер направил Сэма в гущу леса. Одной рукой он вел машину, другой — держал бутерброд, а бутылку рутбира зажимал между коленей. Торопливо расправившись с бутербродом, заплом допил бутылку и поставил ее на пол. Притормозив, взглянул на запястье: почти шесть вечера, стемнеет не скоро. Он глянул на детишек. Позабыв о бутербродах и шипучке, они вглядывались сквозь выпуклое лобовое стекло в редкие клочки неба среди густой листвы.

— Кажется, самое время улизнуть от них, как думаете?

— Но как, мистер Карпентер? Сэма могут засечь даже под деревьями, а стоит выехать на открытое место, тут же окружат воронками, и вам придется отдать нас.

— Похоже, вы забыли самую важную часть моего рассказа о Сэме: он умеет прыгать во времени.

Скип сразу просиял, а Дейдре даже удостоила Карпентера взглядом. Он ухмыльнулся:

— Давайте, приканчивайте бутерброды, и выше нос!

Дейдре что-то прошептала на ухо Скипу, после чего тот сказал:

— Дейдре предлагает перескочить на пять дней назад. Тогда похитители нас ни за что не найдут, потому как их здесь

еще не было.

— И вас обоих — тоже. Мы вроде как поставим время в тупик. Мелкие парадоксы оно еще терпит, но если подкинуть такой, то, чего доброго, вычеркнет из памяти не только вас, детишки, но и меня, потому что пять дней назад я тут тоже еще не появился. К тому же на прыжки тратится уйма энергии, и автономная машина времени вроде Сэма посадит все батареи, если перескочит в прошлое дальше, чем на четыре дня. Так что ограничимся-ка мы одним часом.

Чем меньше времененная дистанция, тем сложнее расчеты для прыжка. Карпентер перевел Сэма на автопилот, доверив автоматике самостоятельно выбирать дорогу. Деревья по-прежнему росли густо: пока никакой опасности, что яшероход заметят похитители. В приборную панель был встроен компактный калькулятор, и Карпентер стал вбивать в него арифметические головоломки.

Скип подался вперед, следя за вычислениями на экране.

— Ваши цифры почти как наши, мистер Карпентер, — заметил он. — Если надо, сестра может умножать такое в уме. Дейдре, сколько будет $828\ 464\ 280$ на $4\ 692\ 438\ 921$?

— $3\ 887\ 518\ 032\ 130\ 241\ 880$, — тут же последовал ответ.

— Пожалуй, стоит пересчитать, — сухо заметил Карпентер и нажал на кнопку. На экране загорелось $3\ 887\ 518\ 032\ 130\ 241\ 880$. Он не поверил своим глазам.

— Дейдре у нас математический гений, — пояснил Скип. — А я сам больше по части механизмов. Ученые из Королевской академии наук говорят, что принцы и принцессы редко бывают гениями. По их словам члены королевской семьи обычно балбесы, хотя, конечно, это слово ученые не используют. Их небось чуть инфаркт не хватил, когда нас с Дейдре похитили.

— Думаю, вашим родителям пришлось еще тяжелее.

– Ну, в некотором роде. Если нас не вернут, придется искать нового наследника, то есть подпустить к трону кого-то из наших кузенов, что родителям совсем не понравится.

– Я имел в виду не поиски нового наследника, а то, что вы, ребята, в опасности.

– Вряд ли их это сильно заботит. Мы им, можно сказать, чужие. Даже живем в другой части дворца, и они видят нас разве что во время публичных церемоний или королевских свадеб, где должна присутствовать вся семья.

– Знаешь, – сказал Карпентер, – в ту сказку, что ты мне рассказал, и без того не верится, поэтому не делай ее еще несусветнее. Каждый заботится о своих детях, даже короли и королевы.

– Возможно, так и есть на Земле будущего, но не на нынешнем Марсе. Там никому нет дела до своих детей. Наверное, вам это кажется странным, ведь я еще не рассказал о десентиментализации. У нас в тринацать лет всех десентиментализируют. Простейшая операция на мозге, ее способен выполнить почти каждый хирург. Ученые давным-давно выяснили, что чувства – главная причина нестабильности, и цивилизацию штормит куда меньше без всяких там сантиментов вроде любви, привязанности и сострадания, которые сбивают людей с толку. Если все это убрать, человек начинает принимать спокойные, взвешенные решения, им движет только логика. Выплески ненависти время от времени случаются, но, как правило, после десентиментализации люди выбирают оптимальный путь к успеху и богатству и спокойно следуют ему. Конечно, нашим родителям не приходится думать о деньгах, но на жизнь они смотрят так же беспристрастно, как и все прочие марсиане. Они просто не способны сильно беспокоиться обо мне и Дейдре. Наше отсутствие их, ясное дело, встревожило, но чувства тут ни при чем.

Карпентер вгляделся в серьезное лицо Скипа и строгий профиль Дейдре.

– Вот оно что. Ясно.

– Это похищение больше касается правительства, чем наших родителей. Король с королевой и преемственность трона – традиция. Нельзя сказать, что королевская семья играет большую роль в управлении государством, просто так заведено. На заре нашей истории короли держали страну в кулаке, теперь же власть перешла к народу, во всяком случае, народ так считает. Просто все привыкли к королевскому дому, нужно же смотреть на кого-то снизу вверх.

– У нас на Земле есть похожее правительство, но без всякой десентиментализации.

– Она никак не влияет на потребность в королевской семье. Это своего рода идеал, символ богатства и высокого положения.

Карпентер вдруг осознал, что общается с мальчиком так, будто они с сестрой действительно марсиане. Сомнения рассеялись, сменившись полным доверием. Ясные голубые глаза Скипа не лгали, и, не мешай здравый смысл, Карпентер поверил бы его словам с самого начала.

Иногда здравый смысл может стать худшим врагом. Здравый смысл навеял Птолемею его абсурдные геоцентрические представления о Вселенной. Тот же здравый смысл руководил средневековыми врачами, когда те пускали кровь своим пациентам. И он же подкинул Колумбу идею обозвать население Сан-Сальвадора индейцами.

Итак, детишки с Марса – принц и принцесса. Их похитили, они сбежали. Что ж, так тому и быть.

Карпентер закончил подсчеты и дернул рубильник временного скачка.

– Ну, ребята, поехали!

Трицератанк на миг окутался мерцанием и чуть заметно вздрогнул. Переход произошел так плавно, что Сэм даже не сбился с шага.

ГЛАВА 3

Карпентер перевел время на наручных часах с без шести минут шесть на без шести минут пять и, отключив поиск оптимального маршрута, перешел на ручное управление. Часы на приборной панели переустановились сами. Деревья кончились, и ящероход выехал на солнечный свет.

— Ну-ка, ребята, взгляните вверх — есть там еще эти фальшивые птеранодоны?

Ребята взгляделись сквозь лобовое стекло, Скип даже напнулся, чтобы лучше видеть небо над лесом.

— Ни единого, мистер Карпентер!

Карпентер прибавил скорость:

— Нам лучше убраться задолго до того, как они здесь появятся. И лучше не оставлять следов.

Давно не знавшая дождей земля была плотной. Тицератанк двигался зигзагами, тщательно избегая буйной зелени, которую могли раздавить его гусеницы, и коварных, совсем лысых мест. В основном же растительный покров равнины хорошо пружинил и сразу за ящероходом принимал прежнюю форму. Добравшись до ручья, Карпентер около мили вел Сэма по его руслу.

Дейдре что-то прошептала Скипу на ухо, и тот спросил:

— Сестра хочет знать, как далеко может Сэм прыгнуть в будущее, если убрать ограничитель на светодиффузационной установке.

— Скорее всего, не дальше, чем в прошлое. Максимум на четыре с половиной дня, иначе накроются батареи. Но если я его заведу в фотонное поле своей точки выхода и за дело возьмется большая машина времени Ллонки из лаборатории Бюро, возможности расширятся до 74 051 622 лет и трех с половиной месяцев, плюс те семь или восемь часов, что я провел здесь. Однако для меня это будет настоящее, а не будущее, как для вас. Реальные прыжки в будущее запрещены во избежание всяких осложнений. Да и жить спокойнее, когда не знаешь, что сулит завтрашний день.

Повисло молчание. Затем Скип спросил:

— Какой в ваше время Марс?

Карпентер решил приврать:

— Мы не так уж много знаем о нем, так как не освоили межпланетные полеты.

— Наверняка совсем не тот, что теперь.

— Ну да, в конце концов, прошли миллионы лет, — сказал Карпентер. Пора было менять тему. — Ты упомянул Космический флот. Там поймут, что похитители привезли вас сюда, или не стоит даже надеяться?

— Не стоит, мистер Карпентер. У них для этого мозгов маловато.

— А если все же поймут, когда до нас доберутся?

— Как раз сейчас Земля и Марс в противостоянии — где-то в полусотне миллионов миль друг от друга. Космофлот долетел бы дней за пять или даже раньше.

— Не может быть! — поразился Карпентер.

— Марсианские корабли самые лучшие. На старте они используют антимасс-реактор, потом переключаются на ионный двигатель и разгоняются ого-го как. Если бы на полпути не приходилось начинать торможение, долетели бы еще быстрее. А у вас что, вообще нет межпланетных кораблей, мистер Карпентер?

— Мы побывали на Луне, но вряд ли это назовешь межпланетным путешествием, — ответил Карпентер.

И Луна, считай, что предел, подумал он, так как после изобретения машины времени Ллонки деньги, которые могли бы пойти на космические исследования, пошли и идут на изучение прошлого.

Теперь Сэм двигался на север, и в нескольких милях за разбросанными купами деревьев уже вырисовывались утесы. А что если развернуться, рвануть к фотонному полю у реки и увезти детишек в 1998 год? Но трицератанк могут заметить, вернись он тем же путем, и в любом случае ребят едва ли стоит забирать к себе. Все же они не американцы, хоть и похожи на сверстников из двадцатого века, и могут общаться через толковушки. Они марсиане, да еще, будто этого мало, принц и принцесса!

Несомненно, оба хорошо приспособливаются, и все же вряд ли можно ожидать, что ценности нынешней западной цивилизации — или нехватка таковых — придется им по вкусу. И потом, куда их девать в 1998 году? Отдать под опеку? Взять на воспитание самому? Он грустно улыбнулся. Как воспитывать двоих детей, если твой единственный дом — номер в отеле?

Конечно, можно купить и настоящий дом.

Но даже если так, это далеко не все. О какой школе может идти речь, даже частной, для девочки, которая умножает в уме 828424280 на 4692438921? С которой и не заговори, если ты не королевских кровей! Такой «воображале» одноклассники проходу не дадут, да еще и обзавидуются — она же втрое умнее их.

Скипу, конечно, будет попроще, но тоже нелегко.

Есть вариант взять детей с собой в 1998 год, подержать недельку-другую и вернуть в Эридан, глядишь, к тому времени Космофлот уже выследит похитителей и примчится

сюда. Однако вот Скип не верит, что его соотечественникам хватит ума, да и потом у этого плана есть недостаток куда серьезнее: слетать туда-обратно на миллионы лет обойдется в целое состояние. Отснятые голограммы послужат хоть какой-то заменой разгадке происхождения анахронизма, но если заикнуться в Бюро о новом прыжке в прошлое только ради возвращения детишек, гнев работодателя обрушится, словно град бедствий на библейского Иова. Доказывай тогда хоть до посинения, что ребята марсиане и что останки могут принадлежать бандитам, в Бюро этому поверят не больше, чем он сам вначале верил Скипу.

Уже почти полшестого. Стемнеет прежде, чем Сэм добредет до фотонного поля, а ехать в ночи по бездорожью как-то неохота. Как бы то ни было, разбираться с детьми придется завтра.

Карпентер глянул на утесы. Теперь до них было рукой подать.

– Ребятишки, как вам идея разбить лагерь на природе?

Скип посмотрел на него. Обернулась и Дейдре.

– На природе? – спросил Скип.

– Ну да. Разведем костер, изжарим еду, расстелем на земле одеяла – совсем как настоящие индейцы.

– А кто такие индейцы?

Карпентер рассказал про арапахо, чайенов, кроу и апачей, про буйолов и про безбрежные просторы прерий. Поведал о последнем бое генерала Кастера, о великих вождях Джеронимо, Сидящем Быке и Кочисе. За ними последовали индейцы востока, Деканавида и Гайавата – основатели лиги пяти ирокезских племен, шаман Красивое Озеро и четыре ветра-посланника, и трагическая участь чероки на Дороге слез. Все это время ребята не сводили с рассказчика глаз, как будто перед ними солнце, вышедшее на небосвод после долгой холодной ночи. Но потом Дейдре поймала на себе

его взгляд, и зачарованное выражение тут же исчезло с ее лица. Она снова стала надменной принцессой.

Утесы еще больше подросли, и в косых лучах солнца казались еще белее, чем прежде. Издалека они выглядели как мел, но на самом деле состояли из ракушечника. В их основании, за поясом из гинкго, Карпентер увидел грот, куда и загнал Сэма, после чего выдвинул защитное поле полу-кругом, захватив приличный кусок земли перед входом, и подстроил камуфляж под цвет скал. Теперь снаружи это место выглядело как большой каменный выступ, но поле было непроницаемым лишь с одной стороны и не мешало смотреть, что происходит за стенами укромного убежища.

Сэм потерял все свое сходство с трицератопсом. Просто здоровенный танк с высоким зубчатым гребнем над вытянутой вперед башней.

Проверив участок и убедившись, что из рептилий тут только безобидные ящерицы, Карпентер приставил Скипа с Дейдре к работе: собирать хворост. Или, точнее, приставил одного Скипа. Дейдре не пожелала опускаться до столь низменного занятия и, стоя в стороне, презрительно наблюдала за братом. Было в парне что-то от бойскаута, который старается ради знака отличия. Вокруг в изобилии валялись мертвые ветви гинкго, и вскоре Скип набрал приличную кучу. К тому времени от его сдержанности не осталось и следа.

— Мистер Карпентер, можно я разведу огонь? — прокричал он. — Можно? Можно?

— Почему бы и нет.

Уже стемнело. Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив известковые стены укрытия сначала розовым, потом желтоватым. После того как ребята помылись в жилом отсеке Сэма, Карпентер разыскал на верхней, отведенной под туалетные принадлежности полке шкафчика две расчески и вручил по одной детям. Затем

привел в порядок себя самого и стал рыться в запасах провизии, ища что-нибудь пригодное для пикниковых дел. Мисс Сэндз была снабженцем с воображением, поэтому ничего удивительного, что в холодильнике нашлись несколько десятков сосисок-гриль, а в шкафу — четыре упаковки булочек для хот-догов. Не позабыла она и про горчицу с кетчупом. Захватив с собой нож, Карпентер отнес сосиски, булочки, горчицу и кетчуп к костру и положил на плоский камень. После чего разыскал длинный прутник, заострил конец перочинным ножом и показал Скипу, как называть и обжаривать над огнем сосиски. А когда оболочка треснула, объяснил, как класть их в разрезанную булочку и намазывать горчицей и кетчупом.

— Как думаешь, твоя сестра будет?

— Не знаю, — с набитым ртом промычал Скип и, проглотив, добавил. — Ух ты!

— Сделать ей хот-дог?

— Можно.

Карпентер заточил еще один прутник, насадил сосиску и стал поджаривать над огнем. Скип уже успел прикончить первый хот-дог и готовил себе второй. Дейдре стояла в стороне, наблюдая со смесью любопытства и презрительной насмешки, причем любопытство преобладало. Осенние астры ее глаз, казалось, раскрылись еще больше. В своей измятой и грязной одежде она не очень-то напоминала принцессу, хотя старательно уложила волосы. Даже в свете костра их цвет наводил на мысли о лютиках.

Оболочка сосиски треснула. Карпентер положил ее в булочку и, намазав слоем горчицы и кетчупа, предложил Дейдре:

— Попробуй, золотце, вдруг понравится.

Сначала она словно бы не собиралась брать, но затем протянула руку за хот-догом. Карпентер отвернулся к ко-

стру сделать еще один — себе. Когда несколько минут спустя его взгляд упал на Дейдре, от ее хот-дога уже ничего не осталось, и она что-то шептала брату.

— О, ладно! — сказал Скип, отыскал еще один прутик и, заострив позаимствованным у Карпентера ножом, насадил сосиску. Насадив еще одну на собственный прутик, он протянул обе к костру. Когда на сосисках треснула оболочка, Скип положил их в булочки. Оба ребенка намазали хот-доги кетчупом и горчицей. Дейдре откусила от своего большущий кусок, и Карпентер отвернулся, чтобы скрыть от нее улыбку.

Он заострил еще один прутик себе, после чего, изжарив и съев два хот-дога, отправился в кухонный отсек Сэма. Нейлоновую лестницу Карпентер опустил еще раньше, чтобы детишки могли лазать туда и обратно. На электроплитке уже булькало какао, но для полноценного пикника кое-чего явно не хватало. Традиция есть традиция. А вдруг заботливая мисс Сэндз догадалась припаси и маршмеллоу? Так и есть! В глубине шкафа отыскался целый пакет плотных разноцветных зефирок. С ликованием Карпентер вынес свою добычу наружу, прихватив три чашки и кастрюльку с какао. Разлив напиток, он открыл пакет.

— Такого, детишки, вы еще не видывали.

Под их удивленными взглядами он насадил маршмеллоу на кончик прутика и протянул к догорающему пламени. Детишки смотрели во все глаза. Когда зефирка покрылась поджаристой коричневой корочкой, Карпентер снял ее с палочки и откусил кусочек.

— Недурно.

Скип уже последовал его примеру и теперь держал прутик над огнем. Дейдре подсела ближе к костру, ее глаза неотрывно смотрели на начавшее поддумяневаться лакомство.

Карпентер молча взял прутик, нанизал на кончик угощение и вручил ей. И вот она уже стоит рядом с братом, который поджаривает себе вторую порцию, и над костром покрываются золотисто-коричневой корочкой оба кусочка.

К тому времени, как огонь сошел на нет, превратившись в тлеющие уголья, маршиллоу смели подчистую.

— Ну что, ребятки, спали когда-нибудь под открытым небом? — спросил Карпентер.

Скип покачал головой.

— Вы, конечно же, можете переночевать и внутри Сэма. Один устроится на койке, второму я постелю на полу, а сам...

— Нет, лучше снаружи. Как индейцы, — перебил Скип. — Согласна, Дейдре?

Девочка кивнула.

Света от костра пока хватало, чтобы обойтись без большого прожектора, встроенного в стальную бронированную голову Сэма, и Карпентер отправился собирать для подстилки разбросанные по земле ветки гинкго, выбирая те, что посвежее. Затем открыл багажный отсек под полом каюты. Там хранилось столько одеял, что хватило бы на небольшую армию. Притащив к лежакам из ветвей целую охапку, он застелил каждый тремя одеялами. Затем сходил в каюту за новой партией и свернулся из двух по подушке, а еще положил по одному сверху, чтобы детишки могли укрыться.

К рассвету может сильно похолодать. Защитное поле не пропустит динозавра, но к ночному воздуху это не относится.

На лицах ребят читалась усталость, но когда Карпентер сказал, что пора закругляться, мальчик замешкался. Дейдре без слов выбрала одно из двух мест для ночлега, разулась, легла и натянула одеяло до подбородка. Скип наблюдал, как

Карпентер готовит себе постель, а когда тот уселся на одеяло, опустился рядом.

– Эй, это мое.

– Я... я еще не хочу спать.

– А с виду устал.

– Да нет.

Рычание и вопли, весь вечер раздававшиеся по ту сторону защитного экрана, внезапно сменились жутким ревом и грохотом, будто заработала гигантская асфальтодробилка. Земля задрожала, крошечные язычки пламени, кое-где еще лизавшие угли костра, взметнулись вверх.

– Судя по голосу, сам старина тиранозавр, – сказал Карпентер. – Наверное, вышел перекусить парочкой ормитомимов.

– Тиранозавр?

Карпентер ни разу не видел этого чудовища во плоти, но в предыдущих путешествиях встречал его предков аллозавра и горгозавра.

Услышав описание ящера, Скип понимающе кивнул:

– Вот еще почему колонисты так жаждали отсюда убраться. Ну и жуткие же монстры у вас тут водятся, мистер Карпентер!

– В моем времени их нет. Через несколько миллионов лет вымрут. Наверно, когда-то и на Марсе жили такие.

– Нет, никогда.

– Были же и до гуманоидов какие-то формы жизни?

Скип покачал головой.

– Нет. Будь это так, наши палеонтологи нашли бы следы. На Марсе никогда не существовало другой жизни, кроме той, что сейчас, да и та только с последнего ледникового периода. А что, динозавры все вымрут, мистер Карпентер?

– Крупные – да.

– Из-за чего?

– Никто не знает, что с ними случилось. Они исчезли, когда закончился меловой период – так мы называем эту эпоху. Думали найти ответ на загадку с помощью машины времени, но так и не смогли. Когда я или мои предшественники прыгали в последние тысячелетия мелового периода, всякий раз почему-то попадали в более далекое прошлое.

– Наверняка это кью. Не хотят, чтобы вы выяснили.

Толковушки оставили слово «кью» без изменений, как и «Эридан».

– Кью?

– Они заселяли Марс гуманоидной и прочими формами жизни. Видимо, однажды засеют и Землю, судя по тому, какие вы в будущем.

– Ну, если они собираются заселять Землю людьми, почему начали с рептилий?

– Рептилии, скорее всего, эксперимент. И что-то в нем пошло не так.

Карпентер подумал о Дарвине, но вряд ли стоило расписаться, излагая теорию эволюции девятилетнему мальчишке с Марса.

– Кто такие эти кью, Скип?

– Никто не знает. По теории, они из другой галактики, но никто не знает, что ими движет. Здешние колонисты уверяли, что видели их.

– Здесь? На Земле?

– Да. И люди на Марсе уверяют, что видели. А еще кью оставили следы.

– Что за следы?

– Огромные постройки.

– И ваши ученые думают, кью заселяли Марс?

– Ну, это факт.

Тут «асфальтодробилке», как видно, попался особо неподатливый участок дороги, и, судя по серии чудовищных

звуков, ее двигатель приказал долго жить. Скип придинулся к Карпентеру.

– Не бойся. Сквозь это защитное поле не прорваться даже армии тиранозавров.

– Вы женаты, мистер Карпентер?

Вопрос показался Карпентеру взятым с потолка. Не иначе, как парень схитрил, стараясь втянуть его в разговор, чтобы подольше не ложиться спать.

– Ты имеешь в виду пожизненный союз между мужчиной и женщиной?

– Да, отношения, основанные на любви и выгоде. На Марсе государство следит, чтобы в пары попадали совместимые люди.

– Но как два человека могут понять, что любят друг друга, если их, как ты выражаяешься, десентиментализовали?

– Ну, вообще-то, они не могут. Вот почему государство так печется о совместимости. А вы женаты?

– Нет.

– Почему? Вы достаточно взрослый.

– Ну, понимаешь ли, на Земле будущего все несколько иначе, чем у вас на нынешнем Марсе. Государство в такие дела не лезет, и бизнес тоже, хотя, возможно, и зря. Обычно все происходит так: мужчина влюбляется в женщину, та – в него, и, как правило, дело заканчивается браком. Бывают и ошибки, тогда брак разваливается.

– Вряд ли легко достичь совместимости, если люди не десентиментализированы.

– Похоже, тут мы сплоховали.

– А что касается любви, мне кажется, вас, мистер Карпентер, давно уже должна была полюбить какая-нибудь девушка, а вы – ее.

– Иногда мужчина влюбляется в девушку, а та не отвечает взаимностью.

– И с вами такое случилось?

Дейдре повернулась на бок под одеялом. Не спит?

– Да, так и случилось, – ответил Карпентер.

Он поймал себя на том, что рассказывает Скипу о мисс Сэндз. Его будто прорвало впервые за долгие годы, и, пожалуй, слова действительно лились потоком, ведь много лет он ни с кем по-настоящему не говорил: то есть, не было никого, кто слушал бы с интересом, а не просто из вежливости.

– Девушку зовут мисс Сэндз, она хронологист в Североамериканском палеонтологическом обществе, а заодно снабженец. Ее имя Элейн, но все зовут ее Сэнди... ну, почти все. Для меня она мисс Сэндз... Следит, чтобы мы ничего не забыли, и перед стартом определяет координаты цели: сначала – время с помощью радиоуглеродного ретроскопа, потом наводит на место времяскопом. А затем она и ее ассистент, Питер Филдз, бдят, чтобы прийти на помощь, если хронографист пошлет назад жестянку куриного супа – это своего рода сигнал бедствия. Видишь ли, у нас в Америке курица традиционно служит символом страха.

– Вы ее любите, мистер Карпентер?

– Полюбил с первого взгляда.

– И что она сказала?

– Ну, вообще-то, я ей не признавался. Так и не решился. Видишь ли, мисс Сэндз – это не простая девушка, не такая, как все... а я всего лишь один из голографистов, с которыми она связана по работе. Такое чувство, будто и не замечает меня, не больше, чем какую-нибудь мебель. Здрасте, до свиданья, вот и все разговоры, да и то не взглянет. Понимаешь, к такой девушке нельзя просто так подвалить и сказать «Я тебя люблю». Ее боготворят издали и смиленно ждут, пока она смилостивится и заметит твое существование. Могу себе представить, что она ответит, если я признаюсь в любви!

– За спрос денег не берут...

Карпентер покачал головой:

– У меня не хватит духа. Да и с какой стати мне ждать ответных чувств? Я всего лишь простой водитель. Зачем я ей?

– Как это, зачем? Видите ли, мистер Карпентер, меня пока не десентиментализировали, и я понимаю, о чем речь. Если вы любите по-настоящему, какое у нее право ожидать чего-то еще?

– В жизни так не бывает. Вы, марсиане, совершенно правы. Лучше, когда брак имеет деловую основу, даже если особой любви нет. Любить можно сколько угодно, но если двоих ничего больше вместе не удерживает, все развалится.

– Мне кажется, это не аргумент, мистер Карпентер, водители вроде вас наверняка хорошо зарабатывают.

– А мне кажется, одному молодому человеку давно пора спать.

– Но я не устал.

– Еще как устал! Уснешь, стоит только глаза закрыть.

Скип неохотно поднялся на ноги.

– Что говорят на Земле будущего, когда ложатся спать?

– «Спокойной ночи». А утром, как встанешь и кого-то увидишь, – «с добрым утром».

– Спокойной ночи, мистер Карпентер.

– Спокойной ночи, Скип.

Мальчик пошел к лежанке из веток, разулся и скользнул под одеяло. Почти сразу послышалось его сонное посапывание, к которому вскоре присоединилась Дейдре. Похоже, она все слышала.

Одеяло сползло, Карпентер подошел и натянул его выше. Дейдре повернулась на бок, и ее золотистые, словно лютики, волосы окрасились отсветами костра. Есть ли на Марсе усеянные лютиками луга, как на Земле будущего?

Скорее всего, есть, и солнце так же поднимается над марсианским горизонтом, сверкая в бриллиантовых каплях росы.

Карпентер и сам устал, но сомневался, что сможет заснуть. Он проверил угасающий огонь и всмотрелся в темноту за пределами защитного поля. Огромный хищник уже ушел, уступив сцену доисторическим созданиям помельче. Вот промелькнули несколько струтиомимов, похожих на страусов, из рощицы гинкго показался смутный силуэт анкилозавра. С шелестом шныряли насекомоядные. Приывающая луна высоко в небе выглядела непривычно — наверное, потому, что ее лик еще не испятнalo столько кратеров.

Перед глазами вместо луны вдруг возник костер, а у костра — девочка с мальчиком, которые жарят зефиры над додгорающими углами. И почему было не жениться, не завести детей? Ведь на Карпентера поглядывало немало красивых девушек. Зачем прошел мимо? Чтобы в тридцать два безнадежно влюбиться в неприступную богиню, которая его даже не замечает? Разве холостяцкая свобода чем-то лучше счастья любить и быть любимым? Неужто одинокая комната в гостинице — это крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивка в полутемных барах в компании доступных девиц, которых наутро уже не помнишь — это предел желаний после трудов дневных?

Столько всего перепробовано: подвизался в любительском боксе, валил лес, карабкался на горы Тибета — не на Эверест, но почти. Несколько лет прослужил в торговом флоте, потом устроился на сталелитейный завод, а в итоге закончил голографистом в службе времени.

Из двух стаканов, пустого и полного, он выбрал пустой.

Хотя, в конце концов, не такой уж пустой — прошлое подарило сокровище, отброшенное в будущем за ненадобностью, — детей, девочку и мальчика.

Опустилась ночная прохлада. Заглянув в кабину трицептранка, Карпентер достал из чехла на дверце карманный бластер и сунул за пояс. Подбросив в огонь хвороста, улегся и положил оружие рядом. Потом завел внутренний будильник, чтобы проснуться с первыми лучами солнца. Едва ли похитители выследили ящeroход, и все же при свете дня фальшивый выступ в основании скал будет смотреться не-натурально. Первым делом надо найти детишкам укрытие понадежнее, а там уже решать, что с ними делать.

Он лежал и слушал, как трещит ожившее пламя, отбрасывая бледные отблески на лица детей. На уступе скалы в нескольких футах светился золотом взгляд ящерки. Издали донесся низкий рев динозавра. Рядом на постелях из веток тихо посапывали двое детей.

На заре он проснулся. Костер уже погас, но разводить заново было некогда. Карпентер занес три чашки и чайник в кухонный отсек и вымыл, потом снова заварил какао. С утраца пойдет. Позже, когда найдется более безопасное место, ребята получат шикарный завтрак.

Налив какао в свою чашку, он оставил ее в кабине, а две другие и чайник вынес наружу. Дети крепко спали.

– Подъем, ребятки... Пора в путь-дорогу!..

Дорога оказалась недолгой. По сути, даже не тронулись в путь. Карпентер ошибся дважды: вернув бластер в чехол на дверце и убрав силовой щит, чтобы дать батареям возможность подзарядиться. Едва он покончил с какао и спрыгнул на землю, из рощи гинкго появились трое людей. Расположились они грамотно: один слева, другой справа, третий – прямо напротив. Длинные стволы трех серебристых ружей были направлены Карпентеру в грудь.

ГЛАВА 4

Бандит посередине оказался женщиной. Рослая, подтянутая, с жестким красивым лицом. Примерно тех же лет, что и Карпентер. Черные волосы падают на плечи, на правой щеке – багровый шрам.

Двое угрюмых бородатых мужчин по сторонам были того же возраста. Один худой и жилистый, другой – великан с обезьяньей физиономией. Он улыбался, обнажив крупные торчащие зубы.

Длинные, грязного цвета волосы обоих давно не знали расчески. На всех троих – перепачканные в глине комбинезоны и башмаки.

Карпентер нашупал на указательном пальце перстень связи и нажал на крошечный квадратный выступ. Сэм как раз стоял мордой к равнине. Он тотчас рванул прочь от утесов, заставив женщину отпрыгнуть с дороги. Он набрал скорость так резко, что раскрытая дверца кабины захлопнулась сама собой.

Бандиты начали палить, когда ящероход уже почти исчез за деревьями. Их ружья стреляли чем-то вроде лазерных лучей, но, похоже, ни один не попал в цель, поскольку двигатель Сэма урчал без перебоев, постепенно затихая вдали.

Перстень запустил автопилот, который будет вести танк еще пять миль, а приборы не дадут Сэму застрять в овраге или столкнуться с деревом.

Троица похитителей пришла в ярость, больше всех об-

злился высокий с обезьяними зубами. Он двинулся на Карпентера. До этого Дейдре со Скипом стояли как статуи, забыв про недопитые чашки с какао в руках, но тут мальчик прокричал:

– Осторожно, мистер Карпентер: с ним шутки плохи!

Ярость на лице высокого не скрывала даже борода. Его прищуренные голубые глаза метали молнии. Он остановился в нескольких футах от Карпентера:

– Выходит, ты тут с приятелем.

Карпентер кивнул. Ему только на руку, если похитители решат, что кто-то уехал на Сэмэ.

– Что тебе тут надо? Кто ты такой?

Высокий был без толковушек, так что отвечать не имело смысла.

– Он из будущего и не говорит по-нашему, – объяснил Скип.

– Заткнись! – рявкнул великан.

Подошли остальные похитители.

– Он знает, где его дружок, – сказала женщина. – Заставь его говорить, Флойд.

Высокий ткнул Карпентера стволом в грудь.

– Мы не любим секретов. Где твой напарник?

– Я же вам сказал. Он не говорит по-марсиански! – крикнул Скип.

Женщина подошла к Скипу и Дейдре.

– Значит, ты нам расскажешь, – кивнула она мальчику.

– Я не знаю.

Она повернулась к Дейдре.

– Принцесса наверняка знает.

Дейдре лишь презрительно взглянула на нее, как на червя. Рассвирепев, женщина рявкнула:

– Говори, не то сломаю твою птичью шею, надменная тварь!

Дейдре плюнула ей в лицо. Женщина занесла кулак, и Карпентер ринулся на помощь, позабыв и про Флойда, и про то, что похитители вооружены. Однако Флойд был начеку, и приклад его ружья, описав зловещую дугу, устремился к голове Карпентера. Благодаря боксерским рефлексам он успел подставить плечо, но на ногах не удержался. Перед носом у него тут же оказалось дуло ружья.

Между тем девочке удалось увернуться от удара. Вперед выступил третий бандит.

— Такая большая машина наверняка оставит след. Давай пойдем по нему, Флойд.

— Вчера не оставила.

— Просто мы не знали, где искать. Хорош тут возиться, пошли.

Дуло ружья у носа Карпентера нерешительно сдвинулось, затем исчезло.

— Обыщи его и связки, — приказал Флойд тощему.

В карманах у Карпентера не было ничего особо ценного: бумажник остался в кабине, а часы не так уж и нужны. Волноваться стоило лишь о кольце связи. Что толку бежать, если не удастся вызвать Сэма.

Тощий вытащил из карманов Карпентера нож и бумажник, конфисковал часы, но кольца то ли не заметил, то ли счел ненужной безделушкой. На толковушки в ушах он тоже, видно, не обратил внимания. А может, похитителям просто не было дела до того, понимают их или нет.

Когда тощий связал руки Карпентеру белой веревкой, которую дала женщина, Флойд рывком поставил его на ноги и толкнул к деревьям. Детей погнали следом, но руки у них остались свободны. За тремя пленниками шли похитители.

— Похоже, мало вам от меня пользы, ребятки, — обернулся Карпентер к Скипу.

— Неправда, мистер Карпентер. Вы сделали для нас все

ЧТО МОГЛИ.

– Как зовут того, кто меня обыскивал?

– Фред. Высокого – Флойд, он главарь, а женщину – Кейт. Четвертый, Хью, наверное, остался в городе. Он хуже всех.

– Как можно быть хуже этой троицы?

– Не знаю, ему как-то удается.

– Молчать! – рявкнула Кейт.

Кейт, Флой, Фред, Хью – имена звучали вполне по-американски, так же как Дейдре и Скип, но Карпентер знал, что это не так. Знал он и кое-что еще.

Они не просто похитители. Это террористы.

Поодаль за рощицей гингко стоял вездеход. Чем-то он напоминал лунный автомобиль, которым пользовались участники экспедиций «Аполлон», только намного шире и какой-то чуждой конструкции с pontонами в придачу к колесам и даже парой гребных винтов для плавания – этакий багги-амфибия.

Скипа затолкали на заднее сиденье, а по бокам уселись Флойд с Фредом. Карпентера и Дейдре женщина, ткнув стволом в спину, загнала вперед, потом забралась за руль, убрала ружье в держатель на борту и завела машину. Сорвавшись с места, багги круто вильнул влево и помчался по следу гусениц трицератанка, прорезавшему равнину, словно проселочная дорога.

Из-за горизонта выкатило солнце, наваливалась влажная жара, типичная для верхнего мела. Зато воздух дышал невероятной свежестью, благодаря которой жара и влажность, хоть и никуда не делись, переносились легче. Карпентер уже понял, как похитители обнаружили лагерь. Камуфлирующее поле Сэма не затрагивало инфракрасный спектр, а их птеранодоны наверняка сновали вдоль утесов, обшаривая

местность с помощью приборов ночного видения. И тупой бы понял, что Карпентер с детьми направится именно туда, но похитители не догадались бы про камуфляжное поле, не пошевелив извилинами. Значит, не дураки.

Профиль Кейт был хорошо виден за золотой, словно лягушки, головкой Дейдре. Косой шрам от скулы к углу рта искривил губы женщины в гротескной улыбке. Нож? Чей? Флойда? Фреда? Хью? Кто бы ни разукрасил лицо Кейт, шрам она носит с гордостью. Возможно, это ее способ сказать марсианскому обществу «катись к черту». Манифест ненависти ко всему человечеству. Впрочем, у нее в глазах ненависти и так хватает.

Кейт гнала как одержимая, не зная, что уже через пять миль Сэм остановится. Вездеход мотало из стороны в сторону на ухабах. Как видно, двигатель работал на электричестве, потому что почти не шумел. По большей части след вел по прямой, но иногда отклонялся, огибая деревья. Багги ни за что не догнал бы Сэма, если бы ящероход сохранил прежнюю скорость, но его на это не запрограммировали. И внезапно Кейт воскликнула:

– Вот он!

Сэм, оставив позади пять миль, встал посреди чистого поля.

Кейт на всей скорости рванула к ящероходу. На заднем сидении Флойд с Фредом приготовились стрелять.

– Видно, сломался, – предположил Фред. – Либо водитель лежит в засаде.

– Притормози нашу крошку, Кейт, – приказал Флойд.

Кейт перешла на черепаший шаг.

Примерно в полукиле от Сэма паслось большое стадо рогатых ящеров. Карпентер призадумался. Пусть руки ему связали, зато пальцы свободны и большим запросто можно коснуться кольца. Первым порывом было устроить Сэму

еще одну пятимильную пробежку, но благодаря стаду родился более интересный план.

Карпентер немного подался вперед. После удара ружьем левая рука слушалась плохо, пальцы онемели, но левая и не требовалась, козырная карта была в правой. Он осторожно повернул кольцо, нащупал круглый выступ и нажал.

Сэм зарысил к «сородичам».

– Поднажми, Кейт! – закричал Флойд. – Не то уйдет!

Кейт поднажала. Сэм продолжал рысить. Он не остановится, пока на кольце утоплена кнопка.

Багги хватало скорости лишь на то, чтобы не отставать. На заднем сиденье Флойд вскинул ружье, но левое переднее колесо как раз попало в яму, и лазерный луч ушел в небо.

Сэм уже почти добрался до стада. Примут ли его «свои»? На первый взгляд, он такой же Triceratops elatus – этот вид уже вытеснил своих предшественников из раннего мела.

Стадо не проявило никакого интереса к Сэму. Впрочем, к багги ящеры отнеслись с таким же равнодушием. Флойд выстрелил еще раз, но луч угодил в далекое дерево.

– Ну же, Кейт, давай! Догони его!

– Не могу!

Сэм смешался со стадом.

Динозавры продолжали деловито объедать кусты. Ветер доносил резкий запах ящеров. Сэм пах иначе. По идее, это должно было заклеймить его как чужака, однако трицератопсы не отрывались от еды. Видно, от всех вместе исходила такая вонь, что больше они ничего не чуяли.

Чуть отпустив кнопку, Карпентер перевел Сэма, который уже скрылся из вида, на прогулочный шаг. Вокруг, куда ни глянь, бродили трицератопсы, стояли трицератопсы, кормились трицератопсы. Рядом прыснула Дейдре: она заметила кольцо и догадалась о его назначении.

– Где он?! – закричал Флойд. – Где?!
Сэм затерялся среди «сородичей».

Между тем, вездеход бандитов оказался в опасной близости от стада, и огромный самец вдруг поднял голову и развернулся.

Ящер был даже крупнее Сэма. Набычившись, он копнул лапой землю. Фред прицелился, но тут машину так тряхнуло на ухабе, что террорист едва не вылетел наружу.

– Валим отсюда, Кейт!

Копнув землю еще раз, громадный самец бросился в атаку. Кейт заложила безумный выраж на двух колесах и рванула прочь. На заднем сиденье Фред с Флойдом начали пальять в рассвирепевшего динозавра – почем зря. Багги снова на что-то наскочил и чуть не перевернулся, но Кейт и не думала сбавлять скорость, пока Флойд не прокричал:

– Отстал! Кейт, притормози!

Карпентер убрал палец с кнопки на кольце и откинулся на спинку сиденья, насколько позволяли связанные запястья. Сегодня террористам ящерохода не отыскать. Да и завтра, пожалуй, если стадо не переберется в другое место, но раз, по их мнению, за рулем кто-то сидит, они решат, что он уже далеко. А значит, вместо поисков станут выпытывать, куда увезли трицератанк.

Пока об этом можно не думать, хотя, возможно, скоро придется, так как Кейт двинулась на восток. Пленников везут в город.

Поездка по бездорожью в Риммен больше напоминала сафари. Двое на заднем сиденье палили во все, что движется, да и Кейт то и дело останавливалась, чтобы к ним присоединиться. Все они стреляли так себе, зато на их стороне был закон больших чисел. Бандиты убили трех орнитомимов, двух анатозавров и пять крупных ящериц. Объезжая

большой водоем, изрешетили своими лучами гигантского аламозавра. В ящера перестали стрелять, лишь когда чудо-вищная груда окровавленной плоти почти ушла под воду. Затем компании подвернулось стадо троодонов, и тут уж охотники оторвались по полной: Кейт остановила багги, и все трое открыли беспрерывный огонь. Троодоны – небольшие, похожи на страусов, с костяным наростом на голове. Прежде чем стадо додумалось бежать, стрелки завалили шестерых. Спрыгнув с багги, Флойд с Фредом закинули одну из туш на крышу. Сегодня в меню суп из троодона. Чуть позже, переезжая через мелкий ручей, Кейт снесла лучом голову дромеозавру. У палеонтологов будущего эти ящеры с крупным мозгом и большими глазами получили название страусоподобных из-за сходства с современными эму.

Судя по виду, Дейдре едва сдерживала тошноту. Карпентеру и самому было не по себе. Вокруг туши на крыше жужжал рой насекомых, и Кейт теперь с трудом различала, куда едет. Впрочем, похоже, ее это не волновало. Наконец показался город, верхушки домов выглядывали из-за обширных зарослей саговых пальм. В лучах утреннего солнца здания казались белее мела, многие напоминали пирамиды. Когда вездеход выбрался из зарослей, оказалось, что город окружен стеной, такой же белой, как и все остальное.

Далеко слева виднелось гигантское сооружение из белых блоков. К нему примыкало несколько широких низких печей вроде цементных, а рядом возвышался кран. Заросли подступали к самым стенам. Зданиями уже долгое время не пользовались. Цементная фабрика, никаких сомнений.

Риммен был построен из бетона.

Но такого бетона Карпентер прежде не видывал. Стена блестела как полированный камень. Однако ближе стало заметно, что бетон уже крошится.

По словам Скипа, город построили почти полвека назад. Даже во влажном климате бетон обычно столько не выдерживает, а значит, строителей больше заботила красота, нежели долговечность.

Через тысячу лет бетон рассыпается в пыль, а стальную арматуру, балки и колонны съест ржавчина.

Вдоль стены, будто декоративный кустарник, тянулись цветущие магнолии. Кейт подъехала к решетчатым воротам, похожим на крепостные. Фред спрыгнул на землю, просунул руку за прутья и стал возиться со стальным засовом. Наконец тот поддался, скользнув в стенной паз, и ворота распахнулись. Когда Кейт проехала, Фред вернул засов на место и снова забрался в багги.

Стена оказалась не менее двадцати футов толщиной и наводила на мысль о той, что когда-то окружала древний Вавилон. Впрочем, здешней была уготована не лучшая участь.

В городе преобладали пирамидальные постройки, которые Карпентер уже видел издалека – с треугольным основанием и такими же окнами. Были и прямоугольные, но тоже похожие на пирамиды благодаря последовательно сужающимся террасам-этажам, число которых колебалось от пяти до восьми. Марсианская архитектура отличалась однообразием и простотой. Каждое окно делилось пополам по вертикали, но стекол видно не было. В пирамидах окна располагались не в ряд, и об этажах судить было трудно, но высотой эти здания значительно превосходили остальные.

Трехсторонние пирамиды... Связаны ли они с теми гигантскими сооружениями, что через миллионы лет сфотографирует на Марсе «Маринер-9»? Верится с трудом. Конечно же, те тетраэдры на плато Элизий не могли построить настолько давно.

С широкого проспекта Кейт свернула на боковую улицу. Увы, Карпентер сейчас был не в кресле Сэма. «Увы» по целику ряду причин, но главным образом из-за голограмм, которые могли быть отсняты камерами трицератанка. Документальные кадры марсианского города в верхнем меле! Да у Бюро глаза на лоб полезли бы! Естественно, там не поверили бы, что это марсианский город. Палеонтологи стали бы повсюду рыскать в поисках другого «приземленного» ответа, а если бы не нашли – сфабриковали.

Багги ехал по мостовой, та состояла из какой-то более грубой разновидности бетона, чем стены и здания. Дорожное покрытие сильно потрескалось. Кейт снова свернула. Карпентер пытался запомнить маршрут и надеялся, что Дейдре со Скипом заняты тем же. Что-то ему подсказывало: у них это получится много лучше.

Кейт все глубже забиралась в город. По сторонам улиц в лунках на тротуарах росли саговые пальмы. Время от времени за вереницей домов мелькал участок стены, и Карпентер понял, что это вовсе не город, поскольку он способен приступить не более тысячи жителей, даже меньше, ведь часть этих построек определенно склады, административные здания и тому подобное. И все же в голове засело «город». Неромантично было бы называть столь экзотичное место просто деревней.

Когда вдалеке появился пешеход, Карпентер сначала подумал, что не все колонисты сбежали назад на Марс. Затем понял: это, скорее всего, четвертый террорист. Совершает утренний моцион? Когда багги поравнялся с мужчиной, тот отбросил бутылку, которую нес, и запрыгнул на подножку. Массивный, словно борец сумо, и безволосый, он был точно в таком же комбинезоне, что и остальные, но куда более грязном. Выпачченные толстые губы, заплыvшие глазки-бу-синки, как синие агаты. От него несло спиртным.

Сумоист перегнулся через Карпентера и улыбнулся Дейдре.

– Ба, мне вернули мою милашечку! – воскликнул он странно писклявым голосом.

Дейдре, насколько смогла, подалась назад. Ее глаза выражали оскорбленное достоинство... и ужас. Карпентер, нагнувшись вперед, оттеснил террориста. Тот улыбнулся в ответ. Сердечно так.

– Нет, вы только гляньте, кто тут у нас еще!

– Его дружок смылся на танке, – сообщил Фред. – Ничего, мы с ним позабавимся, и он расскажет, куда тот поехал.

– А этот не с Большого Марса, – прищурился Хью. – Да он вообще не марсианин!

– Мы пока не знаем, кто он такой, но обязательно выясним, – пообещала Кейт.

Хью потрепал Карпентера по щеке.

– Жду не дождусь.

Террористы облюбовали под базу одно из пятиэтажных зданий с террасами. Широкая дверь позволила легко загнать багги внутрь.

Флойд ткнул Карпентера ружьем в спину.

– На выход.

Когда все покинули вездеход, Фред опустил дверь. Несмотря на чуждый дизайн, она во многом напоминала гаражные ворота двадцатого века.

Первый этаж представлял собой одну большую комнату с винтовой лестницей в центре. Судя по разбросанным тут и там вещам, террористы тщательно прочесали город. У входа стояла деревянная скамья, заваленная предметами обихода, как видно, позабытыми колонистами в спешке. Тут были связки проволоки, мотки веревки, груды одежды, нагромождения странных приборов, а также тарелки,

кастрюли, сковородки. У дальней стены виднелось что-то вроде кухонной плиты. Рядом был сервант, а недалеко от него — раковина, переполненная грязной посудой. Перед сервантом стоял деревянный стол на шести ножках и четыре стула диковинной формы. Неподалеку на расчищенным участке пола валялись четыре длинных засаленных тюфяка с кучей одеял сверху.

Помещение освещали окна с двух сторон, другого света не было. Солнце стояло в зените, и его лучи едва касались оштукатуренной стены слева, поэтому фрески Карпентер заметил не сразу, но, увидев, не смог оторваться. Сочная зелень холмов и полей, глубокая синева неба. Реки, чем-то похожие на каналы. Деревушка в зеленой долине с такими же домами, как в Риммене. А дальше — гигантские трехсторонние и величественная четырехсторонняя пирамиды, которые «Маринер-9» сфотографирует в далеком-предалеком будущем. Перед ним была восточная оконечность Элизия, но не того, который увидят в будущем, а нынешнего, полного жизни.

Кейт ткнула ружьем в спину.

— Наверх, живо!

Карпентер переглянулся с детьми. Их голубые глаза выражали отчаяние.

— Ничего, ребятки, как-нибудь выкарабкаемся.

— Заткнись и двигай! — рявкнула Кейт.

Карпентер стал пробираться к лестнице между куч барахла. Хотелось крутануться к Кейт и вырвать ружье, но он знал, что его пристрелят гораздо раньше. Метнув через плечо прощальный взгляд, чтобы подбодрить детей, Карпентер понял, что в его глазах точно такое же отчаяние. Опустив голову, он поплелся наверх.

ГЛАВА 5

Под дулом ружья Карпентер поднялся по бетонной лестнице на четыре пролета. Тщательно отполированные, гладкие ступени уже начинали крошиться. На каждом этаже восьмиугольный лестничный проем проходил сквозь восьмиугольную галерею, на которую, в свою очередь, если судить по количеству дверей, выходило восемь комнат. Окрашены были только двери – бледные, безжизненно-голубые. Голые бетонные стены, полы и потолки выглядели как полированный камень. Увы, «камень» во многих местах потрескался, и кое-где уже появились сколы. Планировка наводила на мысль, что раньше здание служило отелем. На первом этаже когда-то мог находиться вестибюль.

Но кто его знает, возможно, все прямоугольные здания города устроены так же, и логово террористов никакой не отель, а типовой многоквартирный дом.

Мысль обо всех этих металлоконструкциях, а их наверняка привезли с Марса, вызывала благоговейный трепет. За семьдесят миллионов лет до того, как русские запустили первый спутник, марсианская раса, о которой в двадцатом веке понятия не имеют, доставила в земную мезозойскую эру стальной каркас целого города!

Ладно, пускай даже не города, а поселка, все равно это удивительное достижение. А как подумаешь обо всех бесчисленных мелочах, которые тоже пришлось везти... не говоря уже о людях!

Правда, кое в чем строители облегчили себе жизнь. Цемент они не доставляли, а производили на Земле, скорее всего, используя известняк с утесов и местную глину со сланцем. Да и в состав той магической смеси, которая придала бетону вид полированного камня, должны хотя бы частично входить земные ингредиенты.

На пятом этаже Кейт открыла одну из комнат. Краска на двери во многих местах облупилась, из-под нее проглядывала сталь. Если все двери здесь стальные... Вновь нахлынувшее благоговение, впрочем, поумерилось при мысли об отчаянии в глазах Дейдре и Скипа.

Как ни велики возможности Большого Марса, освобождать двух детишек от террористов там не торопятся. Эту задачу придется решать самому.

Кейт втолкнула Карпентера в комнату и приказала лечь на пол, после чего связала ему ноги. Флойд в это время держал его на прицеле. Длинной синтетической веревки хватило, чтобы замотать ноги почти до колен. Ладно, лишь бы террористке не взбрело в голову проверить кое-как связанные запястья. Пронесло: ограничившись прощальным пинком в бок, она удалилась с Флойдом и закрыла за собой дверь. Ни замка, ни ручки видно не было, но послышался холодный, не обнадеживающий щелчок.

Солнце уже прошло зенит, и сквозь единственное окно на пол падал маленький прямоугольник света. Вокруг ничего, кроме пыли. Стены и потолок словно насмехались над беспомощностью пленника. Когда-то они были бледно-зелеными, но краска сильно облезла.

Он лежал на спине посреди комнаты. Сгибая и разгибая ноги, подполз к наружной стене и сел у окна. Онемение в левой руке уже прошло, и он стал двигать запястьями, растягивая узел, благо бандит затянул его не туго. В бойскаутах Фред явно никогда не состоял, если на Большом Марсе они и были.

Пытаясь освободить руки, Карпентер в то же время рассматривал путы на ногах. Казалось, веревке диаметром в полдюйма нипочем любая нагрузка, ну, или почти любая. И это радовало, так же как ее длина. Начал вырисовываться план.

Ветер доносил густой запах равнины. Время от времени вдалеке вскрикивал, хрюпал или визжал какой-нибудь теропод, зауропод или орнитопод. Слышался смутный шелест, наверняка шум прибоя – в эту эпоху внутреннее море пересекало длинным продольным рукавом большую часть Северной Америки. То самое море, в котором побоялись рыбачить колонисты. Их нежелание выходить на лодках в опасные воды вполне понятно. Там их поджидали эласмозавры с длинными шеями и плиозавры с короткими, а также похожие на ящериц тиазавры и гигантские мозазавры. Жаль. Улов был бы хорош: эта стадия мелового периода изобилует костистыми рыбами.

Прямоугольник света полз по полу, постепенно удлиняясь. Запястья уже болели, а веревка наотрез отказывалась растягиваться. Карпентер с утра не пил ничего, кроме какао, во рту и в горле пересохло. В комнате было жарко, и даже от незначительных усилий со лба градом катился пот, разъедал глаза. Мысли все время возвращались к Дейдре и Скипу. Вряд ли террористы причинят им вред. Об этом лучше не думать. Раз похитители так охотились за беглецами, значит, для радиограммы на Марс все еще нужны их голоса, и пока детям ничто не грозит. Но что будет потом?

Попытки освободить руки подстегивало отчаяние. Карпентер уже содрал кожу с запястий, но не обращал внимания на боль. Он все пытался себя ободрить. Дейдре всего лишь ребенок, Скип тоже. Даже террорист не переступит черту. До рукоприкладства пока явно не доходило. Скип бы рассказал. Но, может, еще рано, может, это в планах.

Недавно Кейт чуть не ударила Дейдре. Карпентера переборнуло. Затем, он вспомнил, как смотрел на девочку Хью, и снова содрогнулся. Если кью засеяли Марс, почему не отделили зерна от плевел? Избавились бы от Флойда, и Фреда, и Кейт, и Хью. Чтобы они провалились, эти мифические сеятели!

Пути на запястьях еще немного ослабли, но недостаточно. Прямоугольник света дополз до дальней стены и начал карабкаться вверх. Карпентер прислушался к звукам в здании – ничего. Чем сейчас заняты террористы? Отправились на корабль? По словам Скипа, тот в полукилометре к югу. Возможно, они уехали туда с детьми и шлют радиограммы на Марс. Если так, скоро нужда в ребятках исчезнет, и тогда...

Карпентер сосредоточился на запястьях, заставив остальные мысли умолкнуть. Толку сходить с ума от беспокойства – никакой пользы ни ему, ни детям. Прямоугольник света уже добрался до потолка и стал уменьшаться. Руки никак не освобождались из пут. Мучила жажда, в рот будто песка насыпали. Он продолжал крутить запястьями. Наконец прямоугольник света исчез. В комнате стало сумрачно.

Туда-сюда, туда-сюда. Сумерки сменила темнота. Карпентер все пытался освободить руки и уже натер их до крови. Внезапно с галереи донеслись звуки шагов. Под дверью появилась полоска желтого света. Затем дверь со щелчком распахнулась, и в комнату вошел кто-то с небольшим фонарем. Это была Кейт.

Она закрыла за собой дверь и поставила фонарь на пол. Таких Карпентер еще никогда не видел. Свет исходил от предмета, похожего на большое желтое яйцо. «Яйцо» лежало в гнезде из разноцветных проволок, к которому крепилась изящная металлическая рукоять. Комнату наполнил мягкий, теплый свет. Кейт села на пол напротив фонаря и

положила ногу на ногу. Достала из нагрудного кармана пару толковушек и вставила в уши.

– Твой дружок и ты, откуда вы?

– С Земли будущего.

Она моргнула.

– Ну, то, что не с Марса, мы знаем, как и то, что на этой планете нет людей. Семь остальных планет вообще мертвые. Если ты и твой дружок из другого мира, то из другой звездной системы, а значит, прилетели со своим дурацким танком на корабле и где-то спрятали его. Как-то в это не верится. Ученые говорят, путешествия во времени возможны, так что, видать, ты и впрямь из будущего.

– Как вы поняли, что я не марсианин?

– Просто знаем, и все. Далеко твое будущее?

– Дальше не придумаешь.

– Зачем ты здесь?

– Голографирую этот период прошлого.

– Куда смотался твой дружок?

– Вы сами видели. Присоединился к цератопсам.

– У вас наверняка где-то база. Он туда подался?

– Когда я услышал шаги, то подумал, что наконец получу еду.

– Возможно, у тебя тут не один дружок. Если так, то мы хотим знать, где искать всех. И нам нужен ваш танк.

– Даже хлебная корочка помогла бы, да и от глотка вина я бы не отказался.

Кейт слегка подалась вперед. От мягкого света фонаря ее шрам стал не так заметен, но карие глаза превратились в бледно-оранжевые.

– Мы хотим ваш танк, и мы его получим.

– Меняю его на детишек.

– На что они тебе сдались?

– Они дети, и они беззащитные. На каких условиях вы

возвращаete их Большому Марсу?

– Там никогда не получат детей, что бы ни сделали.

– Мальчику девять, девочке одиннадцать. Они виновны лишь в том, что родились богатыми. Если вам так уж приспичило наказать марсианскую верхушку за некие обиды или просто из ненависти – накажите, но потом верните ребят обратно.

Кейт ухмыльнулась во весь рот, так что даже шрам приподнялся.

– Да ты и сам часть верхушки, верно? В своем времени.

– Да нет. Там и знать обо мне не знают, и я ненавижу нашу верхушку точно так же, как и вы свою. Возможностей ее свергнуть у меня не больше вашего, но даже если бы я мог, то не стал бы, потому что ее место, скорее всего, займет другая, еще худшая.

– Это если не продумать как следует.

– Те, кто свергает элиты, не настолько грамотны, чтобы думать. Да и хотят такие люди лишь власти, которую якобы ненавидят.

– Из-за таких придурков, как ты, власти нами и правят.

– Казалось бы, захоти вы мой – наш – танк по-настоящему, давно бы разыскали со своих леталок, – меняя тему, сказал Карпентер.

– Ага, а твой дружок сиганул бы, как вчера, в прошлое.

И снова Карпентер понял, что имеет дело далеко не с туницами. Террористы не только догадались, где он тогда спрятался с детьми, но и сообразили, как ускользнул.

– Ладно, по крайней мере, теперь ясно, почему ты так легко поверила, что я из будущего... и почему хочешь яшероход.

Кейт встала:

– На самом деле нам все равно, откуда ты. – Она подняла фонарь. – Днем ты получил маленькую передышку, потому

что нам надо было подготовить следующее сообщение королевству. Сейчас у тебя еще одна, так как мы хотим, чтобы ты подумал, чем для тебя обернется нежелание расколоться. Утром я вернусь, и если ты не расскажешь, куда твой другожок увел танк, я выжгу девчонке глаза.

Дверь за женщиной защелкнулась, и комната погрузилась в могильный мрак, который казался еще чернее от ужаса перед угрозой Кейт и тошнотворной уверенности, что та не шутит. Ужас застилал глаза, даже когда они привыкли к темноте, и комнату стало видно в свете звезд.

Карпентер снова ожесточенно заработал над путами, пытаясь вытащить руки, которые уже кровоточили. Время шло незаметно, и он вздрогнул, когда к свету звезд добавился лунный. Надо спешить. Окно выходит на запад, а значит, луна уже миновала зенит.

В конечном счете кровь помогла, сыграв роль смазки. Правая рука выскоцкользнула из веревки, и Карпентер поднял ее к глазам, словно видел впервые в жизни. Левая тоже была в крови и выглядела так же непривычно.

Он развязал «течины» узлы, которые понаделал Фред — удивительно, как они вообще держали. На веревке, которой Кейт связывала ноги, то же самое. Избавившись от пут, Карпентер походил по комнате, разгоняя кровь. Затем разложил обе веревки на полу: короткую фута в два с половиной и длинную — чуть больше десяти. Вокруг здания был небольшой парк из саговников. Верхушки пальм не дотягивали до окна, зато террасы на нижних этажах выдавались наружу ступеньками. От верхней под окном до следующей было футов двенадцать, веревки более чем достаточно.

Дрожь напряжения понемногу отпускала. А если бы не хватило? Он взялся за вертикальную перемычку оконной рамы. В неярком свете звезд и луны ее трудно было разглядеть, но пальцы ощутили небольшие выступы. Такие же

шли по всему периметру рамы – наверное, проектор сило-вого поля, но сейчас имела значение только прочность самой стойки. Подергав ее, Карпентер остался доволен.

Лишил бы остальные окна оказались столь же крепкими

Он связал веревки вместе тугим рифовым узлом, свернулся получившиеся тринадцать футов и закинул на плечо. В поисках Скипа с Дейдре придется заглядывать в каждую комнату, а для начала надо осмотреть весь этаж. Не исключено, что детишек все еще держат внизу, но кто его знает.

Скорее всего, окна есть во всех помещениях. Три по фасаду на каждом этаже, кроме первого, и столько же, вероятно, с торцов. То есть, в угловых комнатах по два окна, и по одному в остальных вроде этой.

Высунувшись из окна, он посмотрел на посеребренные луной перистые листья саговников, затем перевел взгляд на пустые окна соседнего здания. Справа серебрилась мостовая улицы, на которую выходило фасадом убежище похищителей. Бледный диск ночного светила навевал воспоминания о детях за лагерным костром.

Возможно, бандиты еще здесь. Он протиснулся в окно и спрыгнул на террасу полуметровой ширины. Чем не идеальная тропа для бывшего скалолаза! Тем не менее, перед каждым шагом тропу приходилось ощупывать ногой – потрескавшийся бетон мог обвалиться. Добравшись до окна угловой комнаты, Карпентер заглянул внутрь. Никого.

Так он обогнул угол здания. Сюда лунный свет не попадал, осталось лишь мягкое жемчужное сияние звезд. Как и ожидалось, с этой стороны тоже было три окна.

Миновав угловую комнату, он заглянул в следующее окно. Тоже пусто, и так на всем пятом этаже.

Пора было спускаться.

Не доходя до своей бывшей тюрьмы, он остановился возле углового окна и, подергав на всякий случай

перекладину, закрепил на ней конец веревки «удавкой с полуштыками» – этот альпинистский узел хорошо держится под натяжением, но когда оно ослабнет, сразу развязывается.

Несмотря на яркую луну, звезды хорошо различались в небе. Звезды мелового периода. А вот и оранжевая булавочная головка Марса. Даже странно, здесь, в марсианском городе, почти веришь, что попал на сам Марс – тот, древний, с сочной зеленью холмов и долин, реками-каналами и трехгранными пирамидами, которые простоят семьдесят четыре миллиона лет, если не вечно.

Хотя здание немного сужалось кверху, окна располагались одно под другим. Спускаться, перебирая руками веревку, пришлось мимо окна этажом ниже, но деваться было некуда. Отсутствие света в комнате успокаивало, и все же Карпентер с облегчением перевел дух, когда заглянул внутрь и убедился, что там никого нет.

Встав на террасу, он дал веревке провиснуть и сдернул ее вниз. Затем снова смотал, закинул на плечо и двинулся в обход здания. Комнаты западного и северного торцов оказались пустыми, но из дальнего углового окна на восточной стороне исходил свет, который он не заметил сверху, потому что двигался лицом к стене.

Карпентер сбавил шаг, стараясь не издавать ни звука. Заглянул в среднюю комнату – никого. Добравшись до освещенного окна, остановился и украдкой бросил взгляд из-за рамы. Кейт, Флойд и Фред устроились за шестиногим столом, на котором стояли уже знакомый фонарь, большая плоская бутыль и четыре кружки. Хью был у двери с другим фонарем – видно, собрался уходить. Никаких следов Скипа с Дейдре. За открытыми дверцами высокого, до потолка, буфета выстроились бутыли наподобие той, что на столе.

Бар для своих? Ну-ну.

Отодвинувшись от окна, Карпентер прислушался. Террористы о чем-то спорили. Их можно было различить по голосам: грубому и скрипучему у Флойда, хрипловатому у Фреда и высокому, как лирический тенор, у Хью.

— Куда спешить, не понимаю, — хмыкнул Хью. — Кирк выйдет на связь не раньше полуночи.

— А вдруг раньше? — буркнул Флойд. — На всякий случай будь на месте.

— Да с какой стати?

— Сказано тебе, иди! — рявкнул Флойд.

Хлопнула дверь.

— Не стоило его такого посыпать, — заметила Кейт. — С утра в обнимку с бутылкой, еще багти загонит в трясину.

— Не нравится, езжай сама! — гаркнул Флойд.

— Я женщина! Не хватало еще пилить к кораблю впотьмах.

— Тогда сиди и не вякай!

— На кону миллион спейсов, а ты посылаешь косого разговоры разговаривать?

— Да остыньте вы, справится он, — махнул рукой Фред.

— Почему нельзя было связаться днем? Ему там на Марсе какая разница? — фыркнула Кейт.

— Кирк странный тип, — отозвался Фред.

— Как думаешь, заплатили? — спросила Кейт.

— Если нет, им же хуже! — ответил Флойд.

— А если да, надо брать спейсы и валить, — заявил Фред. — Ну их, эти пособия беднякам, роспуск секретной службы и прочие дурацкие требования.

— Ты что, Фред, больной? — процедила Кейт.

— Ну, расчет шпиков еще можно понять, — хмыкнул Фред, — это нам на руку, но какое нам дело до бедных? Миллион спейсов — другое дело.

— Завтра мы снова выпустим в эфир их сопляков и стряпаем из правительства все до копейки! Пускай еще поползают.

— Слушай, Флойд, а так ли уж сильно они хотят вернуть принца с принцессой? У короля навалом племянников и племянниц.

— Тупиши, Фред, — бросила Кейт. — Трон наследует старший ребенок независимо от пола. Большим Марсом правят традиции. Не король, не парламент, не первый спикер, а традиции. За всю историю королевства трон еще ни разу не оказывался без наследников. Это будет удар по всей стране, парламент и первый спикер пойдут на что угодно, лишь бы их вернуть. Из кожи вон вылезут!

— И без толку! — рассмеялся Фред.

— Принцессой сама займусь, — продолжала она, — этой грязной аристократочкой...

Карпентер содрогнулся.

Теперь разговор пошел о нем. Флойд с Фредом уже знали от Кейт, что пленник явился из будущего, и, похоже, поверили так же охотно и по той же причине: из-за прыжка Сэма в прошлое. Однако никому из них даже в голову не приходило, что это будущее настолько отдаленное. Максимум тысяча-другая лет, думали они. Террористы пришли к выводу, что кью скоро засеют Землю людьми, несмотря на ее геологическую нестабильность.

Они продолжали гадать, где спрятан танк. Фред выскользнул за горы. Кейт предположила, что в будущем, но Фред усомнился. Подожди до утра, сказала она, наш гость сам все расскажет, лишь бы принцессе не выжгли глаза. Кейт не могла понять, почему гипотетический дружок Карпентера не прыгнул в прошлое сам, когда заметил погоню. Не хотел раскрывать эту свою способность? Потом террористы

стали обсуждать, как потратят выкуп. У каждого оказался целый список — очевидно, того самого, хмыкнул про себя Карпентер, чем могла похвастаться так презираемая ими верхушка общества.

Услышав все, что хотел, он решил не рисковать и обошел вокруг здания, чтобы заглянуть в последнюю комнату с другой стороны. Там оказалось пусто, можно было спускаться на третий этаж.

Обходя окна, он прислушивался к шуму двигателя. Хью уже должен был выехать, однако, похоже, не спешил. На северной, обращенной к улице стороне Карпентер глянул вниз, ожидая в любой миг увидеть машину, но все было тихо. По спине пополз холодок.

В среднем окне горел свет.

Скверная привычка ожидать худшего на этот раз оправдалась. Из окна донесся писклявый тенор:

— Тебе не уйти, моя милашечка.

Посреди комнаты стоял Хью. Фонарь-яйцо висел на крюке в стене, освещая комнату, немногим уступающую по размерам бывшей камере Карпентера и такую же уродливую, несмотря на мягкий свет.

В углу свернулся крепко связанный Скип. У ног Дейдре лежали ее путы. Их перерезали, но ножа не было видно. Девочка прижалась спиной к стене, блузка с нее была сорвана, нижняя сорочка разодрана до середины. Лицо — белее мела, как в тот раз на дереве. А в похожих на осенние астры глазах — смертельный ужас.

Хью сделал шаг, потом еще один. С его толстых губ текла слюна. Дейдре еще сильнее вжалась в стену, отступать было некуда.

Стены комнаты были выкрашены голубым, но сейчас Карпентер видел все в красном цвете. Он снял с плеча ве-

ревку и даже не заметил, как та выскользнула из пальцев и упала с террасы на мостовую. Для него существовала только эта комната.

И Хью.

ГЛАВА 6

Толстяк смотрел только на Дейдре и не заметил, как Карпентер скользнул в окно.

Не замечал до тех пор, пока Карпентер не встал между ним и девочкой. Дейдре тихо вскрикнула.

— У него нож, мистер Карпентер! — предупредил Скип.

Если у Хью и был нож, то не на виду. В любом случае Карпентер не беспокоился: вряд ли в драке с относительно хиальным соперником террорист сразу полезет за ножом.

Похоть в его глазах-бусинках превратилась в ярость, но не шла ни в какое сравнение с той, которую испытывал сам Карпентер. Ярость Карпентера была холодной и расчетливой. Он знал: надо, чтобы Хью сделал первый ход. Может, у бандита и марсианские мышцы, но он вполовину крупнее.

Того, кто тяжелее, нужно вынудить напасть первым, чтобы использовать его вес против него самого.

Хью начал выплевывать слова, с которыми толковушки Карпентера справиться не смогли. Скорее всего, ругательства, которым не нашлось эквивалента.

И уж точно нецензурные.

Наконец Хью бросился вперед. Карпентер выбрал момент, когда здоровяк перенес весь свой вес на правую ногу, и пнул его в коленную чашечку. Тот крякнул от боли и горой осел на пол. Карпентер занес ногу для удара в горло, но противник ее перехватил, вывернулся, свалил его на пол и тут же оседлал.

Карпентер извивался под навалившейся тушей. Горло сжимали толстые пальцы, их сила приводила в ужас. Предположение Скипа, что земляне неверно оценили гравитацию будущего Марса, не выдерживало критики, но догадка про ослабевшее со временем тяготение вполне подтверждалась. Даже по одной хватке на горле можно было представить истинную силу Хью, а откуда бы она взялась, не равняясь его вес на Марсе весу на Земле? Хоть и невозможно с точки зрения науки, а все же неоспоримый факт.

В отчаянии Карпентер двинул коленом противнику в пах. Человек-гора взвизгнул, толстые пальцы разжались, и Карпентер кое-как выкарабкался из-под него. Хью тяжело поднялся, пошатываясь и глотая воздух широко открытым ртом. И тогда Карпентер сделал то, с чего следовало начать – провел прямой справа, – но поскользнулся, удар вышел слабым и пришелся в висок. Как бы то ни было, противник его ощущил. Карпентер ударил слева, Хью успел блокировать, но опущенная левая рука открывала его для нового удара справа.

– Нож! Нож! – закричал Скип. – У него в рукаве!

Но Карпентер уже был. Нож появился как по волшебству и устремился к руке, которая как раз летела в челюсть Хью. Удар попал в цель, но клинок успел вонзиться Карпентеру в плечо. Из раны тут же хлынула кровь.

С такой раной долго не устоять. Правая рука вышла из строя, зато удар сильно оглушил Хью. Тот еще держался на ногах, но его глаза остекленели. Карпентер добавил левой, прямо в челюсть, но силы стремительно уходили, и удар вышел не очень весомым. Он снова ударил левой. Бандит покачнулся. Карпентер уже стоял в собственной крови. Еще левой. Хью все качался.

– Ради бога... Падай! – прошептал Карпентер и занес кулак снова, но человек-гора уже оседал на пол, так и не вы-

пустив ножа из руки.

Кровь требовалось остановить как можно быстрее. Карпентер попытался расстегнуть ремень, но одной рукой не смог, и тогда на помощь пришла Дейдре. Она вытянула ремень и обернула вокруг руки, превратив в тугой жгут.

— Поторопись, золотце, освободи Скипа, — прошептал Карпентер, но она и так уже вытащила нож из рук Хью и спешила к брату. Разрезав его путы, отбросила нож и схватали блузку. Надела и тут же вернулась к Карпентеру.

Он лихорадочно нашупывал кнопки на кольце. Лишь бы что-нибудь случайно не нажалось при ударе. Кнопка вызова — маленький шестигранник, только найти и надавить. Кто бы мог подумать, что ему так отчаянно потребуется Сэм.

Скип уже стоял рядом с сестрой, тонкие черты мальчика искажало страдание. Посмотрел на перетянутую окровавленную руку, потом в лицо:

— Как вы, мистер Карпентер? Очень больно?

— Нормально, — соврал тот. — Пошли-ка отсюда, ребятки. Надо выбираться из города, Сэм на подходе. — Комната перед глазами накренилась, но он приказал себе не падать. — Поспешим. Те трое наверху, возможно, нас услышали. Скип, прихвати фонарь.

Дейдре толкнула дверь, и они вышли на внутреннюю галерею. Сверху донеслись голоса и звуки шагов, потом на лестнице в луче фонаря появилось лицо Кейт. Раздался ее резкий голос.

— Он сматывается! Уходит с детьми!

Вниз по ступенькам, сначала Скип, за ним Дейдре, Карпентер прикрывал тыл. Сверху доносился яростный топот. Фонарь в руке Скипа болтался из стороны в сторону. Были ли ружья в той комнате, где террористы над своим бухлом плели нити судьбы? Вроде нет. Так или иначе, на винтовой лестнице толку от них никакого.

Второй этаж. Лестница плыла перед глазами, закручиваясь немыслимым узлом. Усилием воли он вернул ее на место. А вот и нижний зал.

— Машина! — крикнул Скип. — Заберем их машину!

Вездеход был припаркован прямо у выхода. Скип поставил фонарь на пол и сел за руль. Карпентер направился к воротам. Они не автоматические, Флойд закрывал их. Карпентер засунул пальцы в глубокий паз у основания и дернулся, но без толку. Подскочила Дейдре, теперь тянули оба. То ли она была сильнее, чем на вид, то ли у него нашлись силы, но дверь плавно поползла вверх.

Скип уже завел двигатель. Террористы с Кейт во главе уже спускались в гараж. Без оружия. В свете фонаря Карпентер разглядел ружья, прислоненные к стене кухни.

Дейдре тянула его к машине.

— Полезай первой, золотце, — сказал он.

Когда она забралась на переднее сиденье, он подобрал фонарь левой рукой и изо всех оставшихся сил швырнул его в сторону засаленных тюфяков. Тот взорвался, и к скомканым одеялам побежали огненные дуги.

Террористы растерянно застыли у подножия лестницы. Кейт опомнилась первой.

— Флойд! Фред! Закрывайте дверь, не то они смоются! Я за ружьями.

Обходя пламя, она кинулась в кухню. Флойд с Фредом побежали к двери.

Дейдре схватила Карпентера за руку и почти втащила на сиденье. Скип нажал педаль акселератора, и не успели Флойд с Фредом добежать, как багги вырвался на улицу.

Город казался нереальным. Здания качались, улицы дрожали, саговые пальмы размахивали перистыми листьями. Звезды кружились над головой в бешеном вихре, а рядом в

небе плясал бледный диск луны.

Обозлившись, Карпентер заставил здания, улицы и пальмы вновь обрести прежнюю четкость. Звезды он приkleил намертво к небу, а луну прибил гвоздем.

Дейдре ослабила и вновь затянула на его руке жгут. Странно, принцесса Марса, а прислуживает простому шоферюге. На мгновение у нее на щеке блеснуло что-то вроде крошечной звездочки. Не знай он девочку лучше, поклялся бы, что это слеза.

Каким же маршрутом их везла в свое логово Кейт? Эти улицы и проспекты – настоящий лабиринт. Тем не менее, Скип лихо срезал углы и несся по кривым улочкам так, словно ездил по ним всю жизнь. База террористов осталась далеко позади, и он включил фары. А вот и ворота в стене.

Скип затормозил и выскочил из машины. Дейдре вылезла со стороны водителя, и дети стали возиться с тяжелым стальным бруском, который Фред с таким трудом вернул в стенной паз. Карпентер уже наполовину выбрался из багги, но с облегчением увидел, что засов поддался, и дети распахнули ворота. Дейдре с водительской стороны проскользнула на соседнее место, и вернувшийся за руль Скип погнал прочь из города.

– Сэм... он вот-вот появится, – произнес Карпентер, удивляясь, что собственный голос кажется таким далеким.

Скип взял влево и они оказались в зарослях саговника, которые проезжали по пути в город. Еще немного забрав влево, багги вышел на курс, параллельный городской стене. Карпентер хотел объяснить, что нажал кнопку на кольце связи, и поэтому Сэм в любую минуту примчится на вызов, но почему-то никак не мог оформить мысли в слова. В любом случае, объяснение не потребовалось, потому что, как только багги выбрался из зарослей под луну и звезды, в поле зрения возник знакомый силуэт.

— Сэм! — воскликнул Скип, нажав на тормоз. — Надо же!

Дейдре перелезла через колени Карпентера и помогла ему выбраться из машины. Луна снова запрыгала, звезды закружились в водовороте. В свете луны Сэм будто качался. Почему Скип тоже не выходит из багги? Скип, выходи! — попытался крикнуть Карпентер, но слова так и не слетели с языка.

Мальчик проехал вперед, вглядевшись в полосу, которую прорезал свет фар, и на всей скорости послал багги прямо вперед. Карпентер снова попытался крикнуть, но губы не слушались. Он увидел, как парнишка спрыгнул на землю, приземлился на ноги и выполнил отличный кульбит. Багги мчался вперед, затем остановился. И вдруг на глазах Карпентера его стало затягивать в трясину.

Скип бегом возвратился.

— Я запомнил это место, когда мы искали корабль. Тут забучие пески.

Понтоны немного помогали багги, но не слишком. Машина стремительно погружалась. Мигнув, погасли фары. В лунном свете было видно, что багги почти затянуло в песок. Наконец, с громким «Плюх!» он окончательно исчез.

Глядишь, если бы полевые сотрудники Бюро еще чуть-чуть покопали, нашли бы окаменевший каркас настоящего инопланетного вездехода.

Сэм притопал сбоку, словно огромный пес, заждавшийся хозяйской ласки. Нажав шестиугольную кнопку, Карпентер отключил дистанционное управление. Затем нашупал на пассажирской двери потайную ручку и открыл замок. Дверь распахнулась.

— Я поведу, я знаю как, — сказал Скип.

Карпентер молчал, привалившись к одной из гусениц Сэма. Рукам, которые его поддерживали, не хватало силы, и он продолжал сползать, пока не ощутил спиной землю.

Небо превратилось в карусель, луна – в серебристую лошадку, и все это кружилось, и кружилось, и кружилось. Он попытался забраться на лошадь, как в детстве, но та ускользнула, а карусель кружилась все быстрее и быстрее, и в конце концов раскрутилась до того, что улетела во тьму и исчезла.

ГЛАВА 7

Карпентер лежал в церкви в открытом гробу и не сомневался, что умер.

Нет, не в церкви. В кафедральном соборе.

Белые колонны из квадратных глыб известняка поднимались с обеих сторон к высокому сводчатому потолку, свет от которого отражался вниз, в обширный неф.

Стен Карпентер разглядеть не мог. Возможно, они были слишком далеко.

Ну точно, умер – рядом сидел ангел и плакал.

На коленях у ангела была миска, в руке ложка, а в миске, судя по запаху – куриный суп.

Гроб имел приподнятое изголовье, так что, даже лежа, Карпентер почти сидел. Кто-то позаботился укрыть его одеялами.

Ложка в руке ангела коснулась губ, и Карпентер проглотил ее содержимое. Так и есть, куриный суп. Он проглотил еще ложку.

Он же умер. Зачем ангелу кормить его супом?

Мир поблек перед глазами и растаял.

Когда Карпентер снова открыл глаза, ангел еще сидел рядом. Он больше не плакал, но глаза у него были мокрые и своей голубизной напоминали осенние астры после дождя в сентябре.

Миска с супом по-прежнему стояла у ангела на коленях. А может, это была другая миска. Так или иначе, пахло ку-

риным супом. Ложка коснулась губ, и он проглотил немногого. Хороший суп, такого вкусного еще не пробовал.

Собор приобрел более отчетливые очертания. Вдалеке виднелась стена, больше похожая на нагромождение камней, а левее был проем, заросший ползучими растениями. Сквозь их переплетение, раскрашивая арабесками пол, проникал солнечный свет. Наверное, снаружи уже наступило утро, а то и день.

Странный вход для кафедрального собора.

Снова ложка, еще глоток. Затем появился пакетик молока с воткнутой трубочкой. Карпентер потянул через трубочку. Холодное – должно быть, из холодильника Сэма.

Сэм?

Да. Сэм. Его трицератанк.

Он услышал невнятный звук, будто где-то журчал ручей. И снова провалился в беспамятство.

Очнувшись, он увидел сразу два лица – ангела и мальчика. Узнал Скипа, а потом и ангела. Это была принцесса Большого Марса.

Это ее дворец?

Опять куриный суп. Ложка за ложкой. И опять молоко. Он выпил полупаковки, а может, и целую.

Что-то с правой рукой... Она голая и аккуратно забинтована от предплечья до плеча.

Другая рука тоже голая, и плечи. Куда подевалась рубашка?

И брюки исчезли. И ботинки. И белье. Он лежал под одеялами совсем голый.

Наверно, пока валялся без сознания, кто-то его раздел.

А может, раздели перед тем, как уложить.

Это никуда не годится. Куда делся новехонький костюм?

Выходит, не умер? – подумал он и снова отключился.

На этот раз его занесло на Землю будущего. И увидел он

не кого-нибудь, а саму мисс Сэндз. Та была в своем кабинете в отделе хронологии, а он как раз вошел. Как давно он жаждал признаться в своей нерастраченной любви, что пылала в сердце, но все не осмеливался. Однако теперь здесь не тот, прежний Карпентер. Пусть она насмехается сколько хочет, он все равно скажет.

Он пересек кабинет, смело взглянул на девушку поверх ее опрятного рабочего стола.

— Мисс Сэндз, поэты веками воспевали любовь с первого взгляда, но получали в ответ лишь насмешки циничных критиков. Тем не менее, я хочу заявить здесь и сейчас, что дураки как раз не поэты, а циники, и в тот миг, когда вы, мисс Сэндз, впервые представили перед моими глазами, любовь поразила меня как гром среди ясного неба, и с тех пор я сам не свой. Я месяцами боготворил вас издалека и не осмеливался открыться, ибо знал, что мои чувства останутся без ответа. Однако они столь пламенны, что я больше не могу терпеть и бросаю свою любовь к вашим ногам, пусть даже вы с отвращением ее отвергнете. Вот моя любовь, мисс Сэндз, здесь перед вами, поступайте с ней, как душа пожелает, засуньте в угол или выбрыте об нее ноги!

Снова прия в себя, он понял, что теперь может приподняться сам, и спине больше не нужна поддержка изголовья, а само изголовье — это свернутые одеяла, уложенные горкой на лежанку из веток. Слева и справа виднелись похожие постели, а рядом на свернутом одеяле сидел вездесущий ангел с миской куриного супа — принцесса Большого Марса.

— Золотце, почему ты плачешь?

Она спрятала лицо, но вскоре снова повернулась, предлагая все ту же ложку с согревающим супом.

Рядом с принцессой присел ее брат Скип.

— Ого, вы идете на поправку, мистер Карпентер! Скоро

будете как новенький!

Их одежда снова была чистой, как из прачечной, только вряд ли в Эридане имелись прачечные.

Появился пакетик с молоком, на этот раз без трубочки. Карпентер отпил немногого.

Сэм стоял слева, довольно далеко от входа, увитого лианами. Из-за отключенного камуфляжного поля у танка не осталось ни ног, ни хвоста. Встроенный в гофрированный воротник прожектор смотрел в высокий потолок, и неё освещался отраженным лучом.

От заросшего дверного проема снова падали косые солнечные лучи.

– Сейчас утро или день? – спросил Карпентер.

– Утро, – ответил Скип.

– Кажется, где-то журчит вода.

– Это подземный ручей.

– Надеюсь, ребятки, вы из него не пили.

– Нет, мы не дураки. Брали воду из бака в Сэме, а в ручье только отмывались. Мистер Карпентер, мы... нам пришлось постирать вашу одежду. Она вся была в крови.

– Где она?

– Там, у ручья развешиана. Я натянул веревку для белья.

– Скип, а где мы сейчас вообще?

– В подземной выработке. Тут добывали известняк, чтобы делать строительный цемент. Потолок крепили колоннами, и вышло так красиво, что решили высечь на потолке своды, а со временем добавили галерею и лестницу к ней. Продолжали копать за галереей – там известняк лучше – и наделали туннелей, они выходят на поверхность далеко-далеко среди утесов. Ручей тоже подземный, на него наткнулись случайно. Вытекает из стены под галереей и снова уходит в скалы под лестницей.

– Как же вы, ребятки, узнали о таком месте?

- В школе рассказывали.
- Похоже, мы внутри той самой скальной гряды, где уже ночевали.
- Да, но намного восточнее, здесь уже море недалеко, а город ровно к югу.
- Далеко?
- Миль пять. Строители вывозили известняк по монорельсовой дороге, но ее опоры обрушились.
- А террористы... ну, похитители – они тоже небось знают об этом месте?
- Может, и знают, но колонисты перед отлетом взорвали вход в шахту – вон там, где груда камней, – и снаружи кажется, что внутрь не попасть.
- Зачем им понадобилось взрывать?
- Со злости, наверно.
- Как же вы с Дейдре вход разыскали?
- Намучились, конечно, – кивнул Скип. – Когда вы свалились, мы еле-еле подняли вас в танк, но не знали, куда ехать. А потом Дейдре вспомнила о шахте, и мы решили рискнуть. Она знала, что колонисты взорвали вход, но могла остаться дыра, куда бы прошел Сэм. Только к рассвету нашли, заросла совсем.
- Ложка супа коснулась губ. Карпентер проглотил и вдруг подскочил в постели.
- Вы наверняка наследили!
- А вот и нет! Я включил задние огни и поехал по старым следам, а когда добрался до ручья – мы еще пересекали его по пути в город – двинул к утесам прямо по воде. Это тот же ручей, что и здесь, он выходит на поверхность дальше к западу. А у входа Сэм уже не мог наследить, тут одни камни. Никто нас не найдет.
- Ну, вы даете, – с уважением покачал головой Карпентер.

— А еще мы поставили защитное поле на входе так, что, даже если и выследят, внутрь не попадут.

— Задачное поле можно закоротить.

— Не додумаются, они тупые.

Еще ложка супа. Отчего такая усталость? Свет снова померк перед глазами.

Опять свет — и принцесса, как будто и не отходила. За сплетением лиан у входа — ночная тьма.

— Ты, наверное, устала, золотце. Почему бы тебе не отдохнуть?

— Она спит тогда же, когда и вы, мистер Карпентер, — послышался голос Скипа, — да и рано еще. Поешьте супчика, только что сварили.

Та же миска на коленях у девочки, та же ложка. На этот раз он приговорил всю миску. А вот и молоко в пакетике.

— Консервированное, — сообщил Скип, — остальное сгущено.

Карпентер принял из рук Дейдре пакетик. Она смешала молоко с водой, и вышло не так уж плохо. Оказалось, правая рука уже слушается, почти как новенькая. Он опустил глаза на аккуратную белую повязку.

— Как же вы, ребятки, сумели остановить кровь?

— Дейдре сшила артерию. В шкафу нашлись иглы, нитки и все остальное. Она в таких вещах мастерица, в школе научилась.

Карпентер потрясенно взглянул на девочку.

— Так ты сама сделала операцию, золотце?

Дейдре кивнула. Слезы уже просохли, но лицо было таким скорбным, что, казалось, она вот-вот снова расплакется.

— Ну, было бы из-за чего печалиться, золотце.

Она поставила миску на пол, положила ложку, встала и ушла.

– В последние дни она что-то не в себе, – сообщил Скип.
– С чего бы это?
– Не знаю. Поди пойми этих женщин.
– Я их тоже не понимаю. Да, ребятки, намучились вы со мной.

– Что вы, мистер Карпентер. Это вы с нами мучаетесь. Без вас мы долго не протянули бы.

– Сейчас вам от меня не много пользы, а если не встану и не начну расхаживать, будет еще меньше. Принеси мою одежду, Скип.

– Как скажете. Ботинки у кровати.

Ноги были как ватные, и «кафедральный собор» все еще кренился, но Карпентер был полон решимости и, опершись на плечо Скипа, заставил непокорные конечности слушаться. В конце концов, зрение пришло в норму и удалось разглядеть стены с обеих сторон и галерею вдали, к которой вели прорубленные ступени. Скорее работа скульпторов, чем шахтеров – прямо хоть выставки тут устраивай.

До лестницы он не дошел, успел лишь рассмотреть подземный ручей. Слабый отраженный свет не позволял судить, но что-то подсказывало: вода чиста, как хрусталь. Он улыбнулся, увидев бельевую веревку Скипа. Она была из багажного отсека и натянута меж двух веток, которые мальчик принес снаружи и воткнул в трещины известняка. Трещины, наверное, появились от взрыва, закупорившего вход, оттого же и тонкий слой белой пыли на полу.

Стоя у подземного ручья, он заслушался тихим журчанием. Затем Скип помог ему добрести до лежанки из ветвей. Дейдре куда-то исчезла. Забралась в танк? Карпентер плюхнулся на постель, ощущая невероятную слабость. Должно быть, много крови потерял, пока молотил Хью по челюсти. Сбросил ботинки.

– Пожалуй, Скип, мне стоит поспать.

— Конечно, мистер Карпентер. Ни о чем не волнуйтесь. Мы с Дейдре рядом.

Сколько он проспал? Вероятно, не очень долго, потому что за увитым растениями входом все еще темно. Не проявлялся же он сутки напролет. Дейдре здесь, ее кровать аккуратно застелена. Скип — на лежанке с другой стороны, крепко спит, укрывшись одеялом.

Судя по утренней прохладе, рассвет уже близок. У Дейдре на коленях ни миски, ни молочного пакета. Зачем она тут сидит, мерзнет?

— Не устала, золотце?

Она покачала головой.

Изголовье его постели кто-то опустил, убрав свернутые одеяла. Карпентер знал, что скоро не уснет, а просто лежать пластом не хотелось. Он стал возвращать одеяла на место, но Дейдре оттолкнула его руки и сделала все сама, а потом снова усилась.

В высоком сводчатом нефе было тихо. Тишина успокаивала. Детишки рядом, с ними все хорошо. Конечно, еще надо как-то вернуть их на Марс, но пока рано беспокоиться. А даже если не получится, всегда можно забрать с собой на Землю будущего. Сейчас главное — их безопасность.

— Мистер Карпентер...

Он взглянул на Дейдре. Девочка впервые обратилась к нему напрямую. Лицо оставалось в тени, потому что Скип уменьшил яркость прожектора, и все же она явно плакала.

Расстроилась из-за Хью? Верится с трудом. Здоровяк едва до нее дотронулся. Тогда что ее так огорчило? Почему, как ни откроешь глаза, она почти всегда плачет?

— Золотце, с чего тебе лить слезы?

— Есть с чего, мистер Карпентер.

— Я же с вами, все нормально.

— Знаю, мистер Карпентер, потому и плачу.
Ну что на такое скажешь?

— А еще потому, что так скверно себя вела и не хотела с вами разговаривать. Нам еще никогда не встречались такие удивительные люди. Никто до вас не был ко мне так добр, так не заботился... А я, гадкая, надутая принцесса, даже слова для вас жалела... и теперь так стыдно, что жить не хочется!

Карпентер погладил ее по волосам. Через миг она уже рыдала у него в объятиях.

— Ты не обязана со мной говорить, золотце. Я же понимаю... но люблю тебя из-за этого не меньше.

— Вам бы следовало меня ненавидеть.

— Как можно тебя ненавидеть?

— Я гадкая и надменная!

— Даже нарочно не смог бы. Если бы не ты, меня бы уже не было. И потом, такого вкусного куриного супа, как твой, я в жизни не пробовал.

— Это же консервы, мистер Карпентер! И я даже не знала, что он куриный, что бы эта куриность не означала. Ничего я не готовила, просто лила воду и разогревала.

— Ну, так это и есть главное!

— Как греть?

— Ага, не так согреешь, и все пропало.

Она вскинула глаза.

— По-моему, мистер Карпентер, вы меня дурачите.

— Ну, разве что самую капельку.

— Почему вы зовете меня «золотцем», мистер Карпентер? Это тяжелый металл, мягкий и мало к чему пригодный.

— На Земле в моем времени золото стоит очень дорого. Его сложно добывать, а синтезировать дешево мы пока не научились. Люди испокон веков из-за него воевали, такое

оно ценнное. А еще «золотцем» мужчина называет девушку, которая ему нравится.

Ее лицо озарила улыбка, словно солнце выглянуло из-за туч после ливня в апреле.

— Мне... мне нравится, когда вы меня так называете, мистер Карпентер.

— А теперь одному моему знакомому «золотцу» давно пора спать.

— Моя кровать справа от вашей.

— Знаю.

— Если что-нибудь понадобится, будите.

— Спи спокойно, золотце. Я себя отлично чувствую.

К утру Карпентер окреп настолько, что смог ходить без посторонней помощи. За увитым растениями входом было серо, слышался стук дождя. Дети крепко спали. Он прошел к Сэмю и через открытую дверь со стороны пассажира заглянул внутрь. Тревожных красных индикаторов нет. Позже он запустит двигатель и даст батареям немного подзарядиться. Возможно, Скип это уже сделал, но если подзарядить еще немного, вреда не будет.

Карпентер постоял, прислонившись к гусенице ящерохода, который без камуфляжного поля чем-то напоминал бульдозер-переросток. Можно было взять Эдит, большой тиранотанк, и, скорее всего, так бы и вышло, не увильялся Джордж Аллен, второй водитель. В одиночку куда практичнее прыгать на Сэме.

Приготовить бы детишкам завтрак, да сил не хватает. Впрочем, правая рука уже слушается. Еще чуть-чуть, и Дейдре может снимать бинты. Даже не верится, что она сама сшила артерии, но факт есть факт.

Не будь принцессы, он бы уже умер. А если бы не Скип, который упорно вел Сэма ночью к утесам, все трое вновь

попали бы в руки террористов и, очень вероятно, сейчас были бы мертвые.

Карпентер потрогал свое лицо. Щетине дня три, самое малое. Он забрался в ящероход и побрился над маленькой раковиной. В кабине имелись душевая лейка, слив и шторки, но транжириТЬ воду вряд ли было разумно, хотя в баке танка оставалось больше половины. Да и ни к чему это, можно искупаться в ручье.

Захватив из шкафа мыло и большое полотенце, он побрел к подземному потоку. Вода выглядела холодной. Такой она и оказалась — просто обжигающей. Нелегко мыться, когда пытаешься не замочить толковушки и повязку на руке, но он как-то справился. РаSTERся, согреваясь, полотенцем, оделся и почувствовал себя, будто заново родился.

К этому времени Скип уже проснулся. А Дейдре крепко спала.

— Ого! — воскликнул мальчик, увидев Карпентера. — Вы уже ходите. И побрились!

— Давно мы здесь, Скип?

— Четвертый день.

— Пожалуй, давно пора, ну и залежался я.

— Пойду разбужу Дейдре, пусть приготовит завтрак.

— Не надо, дай ей спать.

— Тогда я сам... хотя какой из меня повар? Эх, готовить бы как Хаксли!

— Хаксли?

Скип кивнул на галерею.

— Это старик, он живет в утесах.

— Там кто-то живет, и ты молчал? — возмутился Карпентер.

— Я хотел, но... — пожал плечами мальчик. — Все как-то случая не было.

— Не ходили бы вы, ребятки, абы где и не якшались с не-

знакомцами!

– Да он совсем безобидный, мистер Карпентер! Это один из колонистов. Они улетели, а Хаксли остался. Говорит, сыт досыта Большими Марсом, да и всей планетой, если на то пошло, так что в жизни туда не вернется. Он хочет с вами встретиться.

– Тогда почему не показывается?

– Стесняется. По-моему, после стольких лет одиночества он стал побаиваться людей.

Дейдри проснулась, отбросила одеяло и сунула ноги в ботинки.

– Соня! – сказал Скип.

Она встала на ноги. Глаза – осенние астры скользнули по лицу пациента.

– Доброе утро, мистер Карпентер.

– Доброе утро, золотце.

Скип вытаращился на сестру.

– Ага, значит, все-таки решилась слезть со своего трона!

– Помолчал бы! – ответила Дейдре.

– А я как раз завтрак собрался готовить.

– Я сама приготовлю... Наверное, вам уже надоел суп из курятины, мистер Карпентер?

– Пожалуй, в ближайшем будущем я проживу без куриного супа. Кофе бы мне... с яичницей.

– Ой. А... я не знаю, как готовить кофе... и яичницу.

– Сойдет и какао. Я покажу, как его варят. И как жарят яйца.

Скип все еще таращился на сестру.

– А тебе что сделать на завтрак? – спросила его Дейдре.

– То же, что и мистеру Карпентеру. – Скип повернулся к нему. – Мою сестричку прямо не узнать.

– Женщины – загадочные создания, – ответил Карпентер.

Дейдре двинулась вглубь собора.

– Куда это она, Скип?

– Умываться. Пожалуй, мне тоже не помешает.

– А после завтрака навестим Хаксли.

– А вам хватит сил, мистер Карпентер? Это далековато.

Он каждый день приходит к ручью за водой. Может, подождем?

– Ничего, справлюсь. Хотя бы попытаюсь.

Может, этот Хаксли и безобидный, но кто его знает. В любом случае – еще один кандидат в окаменелые останки.

ГЛАВА 8

Дейдре считала, что Карпентер рановато решился на столь долгую прогулку, и просила подождать хотя бы до завтра, прежде чем оправляться к Хаксли. В ответ он со смехом сказал, что искупался в ручье и теперь отлично себя чувствует.

— Мистер Карпентер! — топнула она ногой. — Зачем вы собой рискуете? Вы же потеряли уйму крови! Чудо, что вы до смерти не замерзли в этой воде!

— Я... кажется, я не подумал как следует, золотце.

Однако намерения посетить Хаксли он не оставил, и Дейдре в конце концов уступила. Перед тем как отправиться в путь, Карпентер забрал бластер из кобуры на двери и засунул за пояс. Как же это по-детски, подумал он, завести дружбу с тем, о ком ничего не знаешь! Впрочем, тут, скорее, виноват Скип. Дейдре вряд ли снизошла бы до беседы с неизвестно кем.

Дети показывали дорогу. Ступив на прорубленную в известняке лестницу, Карпентер усомнился в себе. Хватит ли ему сил? Поднимались медленно. Вскоре Дейдре сбавила шаг и поравнялась с ним.

— Я прекрасноправляюсь, золотце, — улыбнулся Карпентер.

И все же он обрадовался, добравшись до галереи.

Тщательность, с которой ее вырубили из камня, навевала мысли об оперном театре. Карпентер никогда не бывал в

опере, но не сомневался, что галереи там выглядят именно так. Зевы коридоров вдоль задней стены были словно выходы, через которые представители высшего света расходятся по своим роскошным ложам.

Уходя, он направил луч прожектора вверх, но в дальние углы собора свет почти не доходил. При лучшей видимости, вероятно, стали бы заметны изъяны, и галерей не казалась бы такой изящной.

Скип свернулся в один из коридоров. Он предусмотрительно прихватил карманный фонарик из ящика под контрольной панелью Сэма, и теперь его включил. Коридор оказался довольно широким. Дейдре по-прежнему шагала рядом с Карпентером.

— Пускай Скип ведет, — сказала она.

— Разве ты не знаешь дорогу?

— Нет, я там не бывала, только видела старика, когда тот приходил за водой.

Коридор плавно поднимался. Дойдя до развилки, Скип пошел влево, вскоре свернул налево еще раз, потом направо. Подъем продолжался — судя по всему, они приближались к вершине скалы и уже прилично углубились внутрь.

Еще поворот налево, еще направо. Карпентер старался запомнить путь. Увы, умение ориентироваться на местности не было его сильной стороной. Вскоре впереди показался свет — всего лишь крошечная точка. По мере приближения она приобрела форму маленького квадрата, и наконец стало ясно, что это открытое смотровое окно в двери.

— Хаксли, я здесь! — прокричал Скип. — С мистером Карпентером и сестрой.

Дверь, по виду стальная, была точь-в-точь как в городских домах. За смотровым оконцем появилось лицо: морщины, пара мутно-голубых глаз, космы седых волос. Скип

привстал на цыпочки, показываясь. Дверь медленно подалась внутрь, на нее упал свет из комнаты, и догадка Карпентера подтвердилась — поверхность была стальной.

Однако его интересовала не столько дверь, сколько человек, который ее открыл. Невысокий от природы, с годами Хаксли совсем съежился. Шевелюру он укладывал на манер Эйнштейна, если, конечно, тот причесывался вообще. Запавшие щеки наводили на мысль об отсутствии зубов. Лицо землистого цвета оживляли бы мутно-голубые глаза, не будь они такими пустыми. Сразу вспоминались жесткие глаза террористов. Возможно, когда-то Хаксли тоже был жестким. Потрепанная туника, свисавшая до колен, напоминала шкуру гадрозавра, с которого ее, скорее всего, и сняли, а ноги были обуты в нелепые, вырезанные из древесины ботинки.

— Входите, входите, — опасливо пробормотал стариk, — я дома.

— Я с мистером Карпентером и сестрой, — повторил Скип.

— Ничего, ничего.

В середине низковатой комнаты, вырубленной в известковой скале, стоял грубый деревянный стол с тремя такими же грубыми стульями по бокам. На столе испускал мягкий свет фонарь-яйцо. Напротив входной виднелась похожая дверь с забранным стальной решеткой окошком, за которым проглядывал изрядный квадрат серого дня. По левой стене тянулись ярусами деревянные полки, заставленные похожими на папки томами. Напротив вдоль стены висела кухонная утварь, там же стояли плита, грубый деревянный шкаф и металлическая ванна, заваленная грязной посудой. Между шкафом и плитой темнела арка прохода в другую комнату, а может, чулан. Сдвижной люк в потолке, скорее всего, закрывал еще одно зарешеченное окно. Жилище явно

находилось чуть ниже уровня земли, а за второй дверью, вероятно, скрывался выход на поверхность.

Выходит, в собор при всей его кажущейся безопасности все это время существовала лазейка. Правда, вряд ли Хаксли оставлял ее открытой.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, — обратился он к Карпентеру.

Скорее подошло бы определение «неприбранное». На полу лежал сантиметровый слой грязи, а стену над плитой усеивали разноцветные пятна. В нос била вонь старой помойки. Возможно, от Хаксли тоже пахло, но это было трудно понять.

— Дейдре, — сказал Скип, — у тебя есть еще пара толковушек. Дай их Хаксли, чтобы он понимал мистера Карпентера.

Получив толковушки, Хаксли прикрепил их к ушам, и Карпентер спросил:

— Вы живете здесь с тех пор как все улетели?

— Да, с тех самых пор. — Старик показал на стол и стулья. — Пожалуйста, присаживайтесь.

Карпентер выбрал стул, который выглядел чище остальных. Скип уселся напротив, а Хаксли рядом. Дейдре пришлось стоять, но она, похоже, не возражала.

— Скип сказал, вы из будущего, — уронил Хаксли.

— Из далекого будущего.

— Он говорил про семьдесят миллионов лет. Я ему не поверил, но теперь верю. Видно, что вы не из марсиан, а кью вряд ли засеют планету много раньше этого срока.

— Как вы поняли, что я не марсианин?

— Это ясно как день, хотя внешне вы от нас не отличаетесь.

— Вы предположили, что кью собираются засеять Землю людьми вроде вас. В том веке, из которого я прибыл, у нас

множество всяких рас с очень разной историей. В основе своей они одинаковы, но отличаются цветом и сложением. Вы и дети похожи на мою расу, но на Марсе наверняка есть и другие.

— Есть, но между ними нет внешних отличий. Вы серьезно про разницу в цвете?

— Должно быть, кью использовали у вас семена одного вида. Чтобы заселить Землю, потребуются разные.

— Возможно, заселение Марса было первым экспериментом, в дальнейшем они усложнят опыты.

— Но почему они заселяли Марс людьми сразу же, а на Земле запустили эволюцию, которая привела к рептилиям?

— Откуда мне знать. Наверное, не ожидали таких результатов, потому сейчас и явились.

— Вы их видели?

— О да, и не раз.

— Какие они?

— Как геометрические фигуры. Надо полагать, они собирались уничтожить рептилий. По крайне мере, некоторых.

Старик, словно заглянул в будущее, но Карпентеру не верилось, что динозавры вымерли из-за кью. Если на то пошло, ему не верилось, что кью вообще существуют.

Он показал на заставленные папками полки.

— Книги?

— Да, я много читаю. Раньше охотился, потом закончились заряды, и теперь больше ничего не остается делать. Здесь лучшее, что было в библиотеке Риммена. Я перенес их сюда, когда улетели колонисты, а заодно кучу всякой всячины: плиту, лохань для мытья посуды, столовые приборы, инструменты, разделочные ножи, фонарь с запасом батареек, стальные двери для нового жилья... А еще набрал продуктов до конца жизни. Таскал все это много дней.

С дверьми пришлось труднее всего. Дважды нападали динозавры, едва не расстался с жизнью.

– Почему вы не остались в городе?

– Он напоминал мне о Марсе. Все эти дома... Я хотел забыть Марс, но когда мы прилетели сюда, то привезли его с собой. Я был главным помощником у начальника строительства Риммена, но архитектурный проект зависел не от меня.

– Скип рассказал вам о похитителях?

– Да. Теперь я вдвойне рад, что не остался в городе.

– Похитители – я называю их террористами – ненавидят правящие круги Большого Марса. Вы сказали, что хотели позабыть родину. Тоже ненавидите систему?

– Скажем так, недолюблюваю. Когда-то я был ее винтиком. Понятно, вы ничего не знаете о нашей планете – то есть, теперешней – разве что по рассказам этих двух ребят. У нас пять крупных государств. Большой Марс меньше их всех, зато самый технологически развитый. Тем не менее, мы упрямо держимся за дурацкую, почти бесполезную монархию. Она как глазурь на торте из властолюбцев, дельцов, ну и черни, само собой. Хуже всего двуличие, я бы даже сказал, двойное двуличие. За счет заслуг кормушке не пролезешь. Чтобы выбраться наверх, приходится жульничать и подлизываться. А что до десентиментализации, которую все проходят в тринадцать лет, то это просто фарс. Скип вам рассказывал о десентиментализации?

Карпентер кивнул.

– До поры до времени все работает отлично. На решения человека не влияют любовь, привязанность или сострадание. И все же, его решения редко беспристрастны: десентиментализация всего-навсего убирает заслоны перед жадностью. Если оставить в стороне королевскую семью, у которой и так денег, как грязи, на островном континенте Большой Марс живут два рода людей: те, кто с помощью двули-

чия пролез на теплое местечко, и те, кто отчаянно пытается их вытеснить. Если с искусством лести плохо, как в моем случае, вы обречены и навеки останетесь чернью. Впрочем, мне повезло. Скорее благодаря случаю, а не знаниям, я получил должность помощника главного инженера. Еще немного, и меня самого назначили бы руководить строительством второго города в горах, но затем от проекта отказалась. Лишили меня возможности показать себя и достойного жалования. Вот я и решил больше не иметь с ними никаких дел — ни с государством, ни с планетой!

— Значит, Большой Марс — остров? — спросил Карпентер.

— Да, огромный остров. Не знаю, как выглядит Марс в ваши дни, но сейчас его северное полушарие — один большой океан, который омывает маленький ледяной континент на полюсе. Большой Марс — в восточном полушарии у побережья материка, а тот занимает почти всю южную половину планеты.

Элизий, подумал Карпентер, тот самый. Геологи будущего тоже говорят, что на красной планете когда-то существовал океан, а Элизий был островом.

— Если Большой Марс то место, о котором я думаю, то пирамиды все еще стоят. Их сфотографировал один из наших космических кораблей. Трехсторонние такие. И одна четырехсторонняя.

— Кью построили их задолго до нас непонятно зачем, из странного материала, который так и не удалось определить. Неудивительно, что они все еще стоят. Как вы могли заметить в Риммене, они в значительной мере повлияли на нашу архитектуру. Любопытно, от современного Марса что-то еще сохранилось?

Из-за Дейдре со Скипом Карпентер увильнулся от рассказа о том, как выглядит поверхность их планеты в будущем, и продолжил развивать тему пирамид.

— В моей стране на Земле мы строим большой обелиск в одной из своих западных пустынь в честь двухсотлетия американской цивилизации. Мы называем его «Боже, благослови Америку». Строить начали двенадцать лет назад и по графику должны закончить к исходу века. Такой машины мы еще не возводили — самая высокая постройка в истории Земли, — но пирамиды Марса ее затмевают.

— Кажется, ваша цивилизация достигла пика, точно так же, как и наша. Подниматься по лестнице истории дальше некуда. По оценкам наших палеонтологов, кью заселяли Марс около двадцати двух сотен лет назад, как только завершился последний ледниковый период. Сейчас близится новое большое похолодание.

— Уверен, оно произойдет еще не скоро, и пока вашему образу жизни ничто не угрожает.

— Ну, моему уж точно, мистер Карпентер.

— Я все думаю о принце с принцессой.

— О ком?

— О Скипе и Дейдре. Она наследница трона, вы не знали? Вмиг побледнев, Хаксли вскочил и поклонился девочке.

— Ваше высочество, примите мои извинения. — Он поклонился Скипу. — Ваше высочество, отчего же вы молчали?

— Да как-то в голову не пришло.

Хаксли выскочил из-за стола, волоча за собой стул.

— Присаживайтесь, Ваше Высочество! — сказал он Дейдре.

Покачав головой, она взглянула на Карпентера.

— Мистер Карпентер, как вы себя чувствуете?

Комната только что проделала перед глазами Карпентера кульбит, но уже выровнялась.

— Голова на секунду закружилась. Теперь все нормально.

– Нет, не нормально! Скип, помоги мне! Надо отвести его обратно и уложить в постель.

Карпентер поспешил выпрямиться, стараясь держаться бодрее, но Дейдре не купилась на браваду.

– Говорила же, для вас это слишком далеко!

Дети подхватили его под руки с двух сторон.

– Приятно было с вами побеседовать, Хаксли, – пробор-мотал он через плечо.

– Заходите еще, как почувствуете себя лучше, мистер Карпентер. – Хаксли снова отвесил поклон.

Коридоры вели себя смирно и почти не раскачивались – наверное, потому, что Скип направлял луч фонаря в пол, и стен было не разглядеть. Добравшись до лестницы, Карпентер ощутил невероятную радость и вскоре с облегчением рухнул на свою лежанку из ветвей.

– Скип, принеси из Сэма еще одно одеяло, – услышал он голос Дейдре и провалился во тьму.

ГЛАВА 9

Снова куриный суп. И ангел у постели.

Карпентер не знал, сколько провел во сне. Судя по темноте за входом, наступила ночь, а по тому, как сладко сопел Скип, возможно, даже середина ночи. Прожектор Сэма был выключен.

– Поспала бы ты, золотце.

– Съешьте супа, мистер Карпентер. Я только что приготовила.

Изголовье постели снова было приподнято.

– Как ты узнала, что я скоро проснусь?

– Это я вас разбудила. Вам сейчас еда нужнее, чем сон.

Суп, мистер Карпентер.

Он проглотил то, что она поднесла в ложке.

– Послушай, я могу есть сам.

– Нет, не можете, мистер Карпентер, потому что я вам не позволю.

– Что-то ты раскомандовалась.

– Ничего не раскомандовалась, просто вы напугали меня до смерти. Вот, выпейте молока.

Он подчинился. Это было консервированное молоко с водой.

– Золотце, а как этот Хаксли определил, что я не марсианин? И террористы это сразу поняли, и вы. Что во мне такого особенного?

– Ваше лицо – оно не такое суровое, как у марсиан. И

глаза совсем другие – добрые.

– Твои такие же.

– Я не взрослая, меня еще даже не десентиментализировали.

Карпентер сразу подумал о террористах.

– Неужели у всех взрослых марсиан такие же лица, как у Кейт с друзьями?

– Ну, не всегда такие, но все равно жесткие, и взгляд холодный.

– У Хаксли лицо не жесткое, да и глаза пустые.

– Он уже старый, но если копнуть поглубже... Скушайте супа, мистер Карпентер.

– Вот я поем, и сразу ложись баиньки.

– Лягу, мистер Карпентер. Выпейте еще молока.

– Есть, мэм.

Утром он чувствовал себя отлично и получил разрешение прогуляться. Решил, что осилит яичницу, и объяснил Дейдре, где найти и как поджарить бекон. Она заодно сварила какао и принесла все на подносе, с ролью которого прекрасно справилась разделочная доска. Дейдре придерживала ее, пока Карпентер завтракал.

По другую руку от него на кровать присел Скип.

– Как вам Хаксли, мистер Карпентер?

– На вид вполне безобидный.

– Сегодня утром он приходил за водой и посматривал сюда. Я даже подумал, заглянет в гости, но нет. Ушел наверх.

– Неплохо бы завести двигатель, пускай попыхтит, чтобы батареи заряжались.

– Хорошо, мистер Карпентер. Я и так его все время включал и выключал. Помните? Я ведь гений по части механизмов.

— Сколько можно хвастать! — поморщилась Дейдре.
— Я не хвастаю!
— Нет, хвастаешь!
— Правило дня: никаких семейных ссор, — оборвал их Карпентер.

Буря в стакане воды улеглась, и Скип пошел к Сэму.

Дейдре позволяла лишь краткие прогулки, а в остальное время Карпентер то дремал, то размышлял о своих подопечных. Рана на руке отлично заживала, и принцесса уже заменила повязку другой, совсем легкой. Карпентер сравнил свою сиделку с Флоренс Найтингейл, и пояснил, что та была первой на Земле сестрой милосердия. Как оказалось, врачевать и ухаживать за больными на Марсе учат всех девочек. Выходит, неприглядная картина, которую нарисовал Хаксли, описывая свою родину, не более чем карикатура? Жадность не такая уж уникальная движущая сила, и едва ли на Марсе двуличия больше, чем в старых добрых Штатах через семьдесят с лишним миллионов лет. Несмотря на принудительную десентиментализацию, на Большом Марсе, вероятно, не так уж скверно, особенно если ты из королевской семьи. Что возвращает к вопросу номер один: как доставить детишек на родную планету?

Правда, Хаксли говорил, что приближается новый ледниковый период... ну и что с того? Земле тоже то и дело суют великоле похолодание, ничего тут не поделаешь. В идеале бы вернуться в тот момент прошлого, когда террористы пьянизовали на четвертом этаже своего логова, а он сам боролся с Хью на третьем. Войти в корабль и послать радиограмму на Большой Марс — плевое дело. Вот только времени с тех пор прошло чересчур много, батарей не хватит, и уж точно не останется заряда на обратный путь. Оказаться с детьми на сдохшем ящероходе под самым боком у бан-

дитского корабля?

Единственно разумное решение – подкрасться на Сэме, затаиться и ждать, пока корабль не останется без присмотра. Ждать придется долго, ведь террористы знают, что радиограмма – единственный шанс ребят на спасение. Ну и что, пускай трясутся над кораблем как наседка над цыплятами, рано или поздно допустят промах. Может, Хью снова напьется и оставит пост, или уснет. Тогда придется как-то проникнуть на борт, чтобы убедиться, хоть это и риск. Ладно, по ходу решим, а пока надо скорее встать на ноги. Вдруг бандиты решат, что им хватит и выкупа, который получит их сообщник на Марсе, бросят детей и смоются.

Ланч. Куриный суп. Молоко.

Скоро польется из ушей. И вообще, сколько можно вальяться в постели?

Карпентера вдруг осенило.

– Может, позволишь мне приготовить ужин, золотце?

Нечестно, что вся кухня на тебе.

– Я люблю готовить.

– Ну, даже если любишь, наверняка уже надоело. Да-тай-ка я начну пораньше и удивлю вас чем-нибудь особенным!

– Мистер Карпентер, вы меня вокруг пальца не обведете! Просто ищете повод встать.

– Но я чувствую себя отлично. Я...

– А завтра будете еще лучше. Тогда и сможете делать, что угодно. Пока же кухней займусь я!

А какая была идея! Ладно, попробуем другую.

– Золотце, в морозильнике должны быть такие плоские квадратные коробки, у них на крышках картинки с едой. На Земле будущего мы называем это ТВ-ужинами. Вообще-то, я терпеть их не могу, но сейчас они придутся кстати. Поищи там две-три шутки с разными картинками.

Она принесла макароны с сыром, жареного цыпленка и котлеты с картошкой. Карпентер показал на коробку с котлетами.

— Мне вот это.

— И мне! — вставил Скип.

— Две такие коробки найдутся, золотце?

— Три, я буду то же самое.

Карпентер прочел инструкцию вслух. Дейдре сказала, что запомнит, и вечером состоялся ТВ-ужин, хотя до изобретения телевидения оставалось еще семьдесят четыре с лишним миллиона лет. Она пристроилась со своей коробкой на кровати по одну руку от Карпентера, Скип со своей — по другую, и посиделки вышли почти столь же замечательные, как с поджаренным на костре маршмеллоу.

Карпентер с грустью думал о бесконечных милях пустоты, разделяющих Марс и Землю. Ему вдруг представилось, как стройная принцесса с волосами цвета лютника поднимается по золотым ступеням к золотому трону — с каменным лицом без единой тени былой доброты, — а высокий, по-взрослевший Скип, с жестким взглядом, точно как у Флойда, стоит среди членов правящей семьи, расфуфыренных по случаю коронации. До чего же хочется забрать их обоих на Землю будущего! Но можно ли сделать это с чистой совестью? Нет, никак.

Ночью ему не спалось, возможно, потому, что провалялся полдня. Ворочался, ворочался, потом открыл глаза и сел в кровати. Кто это сидит рядом на свернутом одеяле? Ну конечно, ангел, также известный как принцесса Большого Марса.

Куриный суп? Молоко? Нет, у нее не было ни того, ни другого. Она просто одиноко сидела в ночи перед своей развороженной постелью.

— Вам тоже не спится, мистер Карпентер?

— Да. Не стоит сидеть тут, золотце, шла бы ты в кровать.
Холодно.

— Я все думала о наших со Скипом неприятностях и так разволновалась о будущем, что не смогла сомкнуть глаз. И тут заметила, что вам тоже не спится.

— Оставь волнения мне. Я как-нибудь верну вас на Марс. Она помолчала.

— Еще я все время думала о мисс Сэндз, о том, что она вас, как вы сказали, не любит.

— У принцессы Большого Марса ушки на макушке?

— Я случайно услышала, когда мы ночевали в утесах и вы рассказывали Скипу. Притворялась, что сплю, но подслушивать не собиралась.

— Тогда ты знаешь, что на Земле будущего девушки не всегда отвечают любовью на любовь. Вот так и у меня с мисс Сэндз.

— Не поверю в это ни на минуту, мистер Карпентер. Наверняка она держит свою любовь в тайне точно так же, как вы свою.

— Золотце, мисс Сэндз даже не смотрит на меня.

— Уверена, она смотрит на вас все время, пока вы этого не видите. Я знаю девушек, мистер Карпентер. Но лучше не говорите с ней так, как во сне, а то она подумает, что вы со странностями.

Он вспомнил сон, в котором зашел в кабинет к мисс Сэндз и признался в любви. По всей видимости, он тогда говорил вслух.

— Думаю, мисс Сэндз уже уверена, что я со странностями.

— Неправда! Честно говоря, мистер Карпентер, вы меня иногда просто бесите! С какой стати ей в вас влюбляться, если вы с ней даже не разговариваете? Да скажи вы ей о своей любви, она бросилась бы вам в объятия!

– Сильно сомневаюсь, золотце.
– Вот попробуйте, и увидите!
– Я над этим подумаю. А пока, пожалуй, нам обоим стоит попытаться уснуть.

Она вдруг подалась вперед и чмокнула его в щеку. Почему осенние астры стали такими синими-синими? От тусклого света?

– Любая бросится, – прошептала она, прячась под своим одеялом.

Дождь давно закончился, и от увитого растениями входа косо падали лучи солнца, от которых и проснулся Карпентер. Он тихо встал, стараясь не разбудить детей, и обулся. Побрился в каюте, приготовил завтрак.

Оладьи и сосиски. Ковшик какао.

– Эй, ребятки! Поднимайтесь, налетайте! – позвал он из пассажирской двери.

Завтракали в жилом отсеке. Стула было всего два, и Скип присел на край койки. Куснув сосиску, он сделал большие глаза, потом закинул в рот политый сиропом блинчик и вытаращил их еще больше. Дейдре ела с изяществом, но от добавки тоже не отказалась.

Желая доказать Дейдре, как силен, Карпентер настоял на том, что помоет посуду. Пока он возился с тарелками, Скип вышел наружу, подошел к двери с водительской стороны и сообщил, что Хаксли, когда приходил за водой, хотел поговорить о чем-то важном и был бы признателен за еще один визит. Карпентер посмотрел на Дейдре, она протирала тарелки.

– Что ж, думаю, можно, мистер Карпентер, но мы с братом пойдем с вами.

На этот раз Скип пропустил его вперед. После галереи Карпентер выбрал правильный коридор, а на развилке свер-

нул влево. Однако из-за многочисленных боковых ответвлений заколебался и чуть было не свернул неправильно, но Скип вовремя показал на следующий коридор. Затем понадобилось свернуть направо, налево и в конце опять направо. Теперь боковых коридоров стало меньше, и Карпентер находил дорогу без дальнейших затруднений. Наконец, впереди показалась светящаяся точка смотрового окна.

Потолочный люк был сдвинут в сторону, и комнату заполнял утренний свет, в котором грязь еще сильнее бросалась в глаза, чем при свете фонаря. Старик отвесил поклон принцу и принцессе. Нашел где-то еще один стул, поставил его к столу рядом с остальными и снова поклонился Дейдре.

— Пожалуйста, присаживайтесь, Ваше Высочество.

Хаксли явно не собирался садиться, если она не удовлетворит его просьбу, и Дейдре примостилась на самый краешек стула. Карпентер со Скипом тоже сели. Хаксли занял оставшееся место напротив Карпентера.

— В ваш предыдущий визит, мистер Карпентер, я упомянул, что на Марсе близится новый ледниковый период, — сказал старик.

Карпентер кивнул. Неужели Хаксли позвал его только за этим? Ради разговора о гипотетическом ледниковом периоде?

— Из-за очень вытянутой орбиты и сильнейшего наклона оси, от четырнадцати до тридцати пяти градусов, Марс — вечная жертва ледниковых периодов, — продолжал Хаксли. — Один конец орбиты на тридцать миллионов миль ближе к Солнцу, и порой, когда планета максимально к нему приближается, она так наклонена, что северное полушарие почти не получает света. А на противоположном конце орбиты планета настолько далеко от Солнца, что лето в северном полушарии так и не наступает по-настоящему. В такие периоды на Северном полюсе нарушаются нормальные

процессы таяния льдов. Примерно каждые двадцать четыре тысячи лет ситуация в корне меняется, и то же самое происходит уже с южным полушарием. Однако между этими двумя климатическими крайностями есть отрезок времени, когда оба полушария освещаются поровну. Тогда лед в полярных шапках тает как положено, вода испаряется и поглощается атмосферой, климат становится теплее. Эти благодатные межледниковые периоды делятся приблизительно по три тысячи лет и наверняка повторялись уже не раз. Кью с выгодой использовали текущий период и с известными только им целями заселяли нашу планету людьми и прочими формами жизни... Вас, мистер Карпентер, кажется, не особо удивляют резкие перепады марсианского климата. Может, в ваше время Марс как раз обледенел?

Не подумав, Карпентер брякнул:

— Когда я заходил в прошлый раз, вы описали огромный океан. Так вот, от него не осталось и следа. А когда планета максимально подходит к солнцу, ее северное полушарие вообще не видит света.

Дейдре прикоснулась к его плечу.

— А жизнь там есть, мистер Карпентер?

— Неизвестно, золотце, — быстро ответил он. — Мы лишь сфотографировали планету с орбиты, с такой высоты, что невозможно судить, есть там жизнь или нет, и послали на поверхность автоматические зонды. Не исключено, что жизнь есть, а цивилизация может быть и под землей

Неприятные подробности Карпентер решил оставить при себе. Атмосфера на Марсе будущего состоит в основном из углекислого газа и так разрежена, что любая вода мгновенно испарилась бы.

— Но Марс моих дней отстоит от вас более чем на семьдесят четыре миллиона лет, — добавил он, — так что вам со Скипом не о чем беспокоиться.

– Определенно не о чем, принцесса, – поддержал Хаксли. – Да и Марс через восемьсот лет – а именно тогда, как вам несомненно известно, наши ученые обещают начало следующего большого похолодания – тоже определенно не ваша с братом тревога. Поверьте, к тому времени, когда обледенение станет реальной угрозой, построят космические корабли, способные перенести всю цивилизацию в другую звездную систему. – Он снова повернулся к Карпентеру. – Я просто хотел внести ясность в этот вопрос, мистер Карпентер. Новый ледниковый период отстоит так далеко, что не имеет никакого отношения к вашей дилемме.

– Какой дилемме?

– Забрать принцессу с принцем в будущее или попытаться вернуть их на Марс.

– Ну, ваш ледниковый период я и не принимал в расчет.

– Я боялся, что это как-то повлияет на ваши решения... Да, дилемма непростая. Мы оба понимаем, что принц с принцессой, как бы кому-то ни хотелось, где попало не приживутся. Судя по вашей речи и манерам, ваше общество не так уж отличается, но какая-то разница неизбежно есть, да и в любом случае вы будете не в состоянии обеспечить двум членам королевской семьи тот образ жизни, который они привыкли принимать как должное. Им попросту нечего делать на Земле будущего, их место на родной планете. Более того, Ее Высочеству предстоит взойти на трон Большого Марса, а на Земле она лишится того, что принадлежит ей по праву рождения. Однако, если вы решите, что детям лучше вернуться на Марс, вам придется как-то перехитрить похитителей и послать сообщение Космофлоту через их радиорубку. Это, конечно, рискованный путь, но другого, увы, не будет... Короче, дилемма непростая.

Помолчав, старик снова заговорил:

– Знаете, когда человек решает стать отшельником, он не отрезает себя безвозвратно от себе подобных – на такое решится только слабоумный. Он оставляет себе возможность вернуться, если что-то пойдет не так, или сам передумает. А если цивилизация далеко, необходимо располагать каким-то средством передвижения. Только наличие выбора делает добровольное изгнание терпимым. Когда такой человек отправляется вечером спать и встает утром, он делает это, зная, что, если очень захочет, то в любое время может вернуться в общество, от которого себя изолировал. Как главному помощнику начальника римменской стройки мне выдали машину для поездок и, что важнее, личный космический корабль, в котором я мог летать на Марс, когда того требовали деловые вопросы, или просто в отпуск. В центре Риммена есть небольшой космопорт, там важные должностные лица вроде меня держали свои корабли. Во время исхода я взлетел, якобы возвращаясь на Марс, но вместо этого несколько раз облетел Землю и ночью приземлился в овраге за утесами. С тех пор я больше не использовал корабль, но он все еще здесь, прямо за задней дверью. Это и есть моя свобода выбора. Корабль совсем маленький и без средств межпланетной связи, но туда поместятся двое взрослых или... один взрослый и двое детей. Скорость, конечно, не та, что у больших кораблей, но при нынешнем расположении Марса и Земли, путешествие между ними займет меньше недели. Ионный двигатель законсервирован, с ним ничего не случится. Вчера я проверил антимасс-реактор, он в превосходном состоянии. Мое предложение, мистер Карпентер, избавит вас от вашей дилеммы. Я отвезу принца с принцессой на Марс.

ГЛАВА 10

Весь остаток дня в соборе стояла тишина. Время превратилось в ожидание. Дети были без вещей, нечего упаковывать, нечем заняться. В полдень Дейдре подала легкий ланч, как ни странно, лишенный всякого полета фантазии – просто какао и бутерброды из вакуумных упаковок. И сама она, и ее брат отнеслись к еде с равнодушием. Наверное, думали только о Марсе. Карпентер тоже ел без аппетита.

Вылет назначили на семь вечера по времени Карпентера. Старик за неимением часов определял время по Солнцу. Он пообещал сам прийти за детьми, но Карпентер, сожалея об утрате наручных часов, то и дело бегал смотреть на приборную панель. Хаксли сказал, что весь день будет упаковывать провизию в дорогу, так как из-за тесноты грузового отсека вынужден брать только самое необходимое. Карпентер предложил поделиться запасами, но тот отказался: слишком привык к марсианской еде, и полкомнаты до сих пор завалено пайками из покинутого колонистами города. Карпентера беспокоило, что за такое время продукты могли испортиться, но, по словам Хаксли, еда в марсианской вакуумной упаковке могла храниться вечно, у них эта технология была доведена до совершенства.

Возвращаться на Землю старик больше не собирался. Он рассчитывал получить награду за принца с принцессой и стать супербогачом, у которого нет причин дуться в пещере на безлюдной планете.

Тайны из своих мотивов Хаксли не делал.

— Я родился в бедности, а теперь смогу умереть в богатстве! — Такая откровенность даже настораживала.

Овраг, где стоял корабль, находился менее чем в четверти мили от «хижины отшельника». Суденышко высотой футов в тридцать удерживали над землей изящные стальные опоры. Первое время старик маскировал его свежими ветками, заменяя их каждую неделю. Теперь нужда в этом отпала, так как кроны деревьев на краю оврага разрослись и скрывали корабль. Скип проверил антимасс-реактор и проблем не обнаружил. Законсервированный двигатель осмотреть не получилось, но заржаветь он не мог, так что беспокоиться, в общем-то, не о чём.

Карпентер заглянул в пассажирский отсек. Места как раз хватало сесть взрослому и двоим детям, и даже чуть-чуть оставалось, чтобы пройтись.

У него не было ни единой причины не отпускать Дейдре со Скипом на Марс.

Вечером, когда он разбирал постели и сворачивал одеяла, Дейдре сказала:

— Теперь, мистер Карпентер, вы можете спокойно вернуться в свой 1998 год.

— Нет, золотце, я тут еще немного пошныряю. Меня отправили в прошлое выяснить, откуда взялась одна ископаемая находка. Бюро не понравится, если я вернусь с пустыми руками.

— Вы им расскажете о нас со Скипом?

— Еще бы.

— Думаете, кто-то поверит, что здесь, в таком далеком прошлом, вы нашли принца и принцессу с Марса?

— Может, и не поверят, но я все равно расскажу. Хоть чёму-то да поверят, когда увидят вас со Скипом на тех кадрах, что отсняли камеры. А лучшие снимки с вами я присвою и

поставлю в рамках на камин. Ну ладно, не на камин, потому что у меня его нет, а на полку с радиоприемником.

Дейдре молчала. Наверное, думала об огромном дворце, в котором скоро снова окажется, и толпе угодливых слуг. Скоро, очень скоро она позабудет о жареном маршмеллоу. Карпентер сглотнул.

— Думаю, золотце, из тебя получится замечательная королева.

Она молча отвернулась и пошла в конец нефа к ручью. Села на берегу, обхватив колени руками. Карпентер, недоумевая, смотрел вслед.

Он снова начал сворачивать одеяла.

И все-таки беспокойство его не оставляло. Что он знает о Хаксли помимо того, что старик рассказал сам?

Кроме того, Хаксли выглядит по меньшей мере лет на семьдесят пять. А может, ему и все сто, если марсиане живут дольше. Так или иначе, он приближается к концу своей жизни.

А что если смерть настигнет его как раз на полпути к Марсу?

Тогда Скипу придется взять управление кораблем на себя. Пожалуй, он справится. Но Скипу всего девять!

Однако главный вопрос не долгожительство Хаксли, а насколько тот достоин доверия. Старик прожил в пещере почти полвека. О чем он размышлял все это время? Какие идеи могли взбрести ему в голову?

Насколько сильно его взгляды могли отклониться от воззрений общества?

— Я прибрался внутри Сэма, — сказал Скип. — Теперь все готово, можете искать того, кто превратился в ископаемые останки.

– Спасибо, Скип. Сэм тебе тоже благодарен.

Карпентер подошел к трицератанку и глянул через дверь на часы: без пяти два.

Прожив полвека один в пещере, старик однажды отправился за водой, и у ручья увидел двух ребят, спящего мужчина на постели из ветвей и странную машину.

Мальчик решает с ним подружиться. Старик довольно равнодушно выслушивает рассказ о похитителях. Откуда ему знать, что это принц и принцесса Большого Марса? Выясняется это лишь после встречи с Карпентером.

По словам старика, он не любит марсианские власти. Недолюбливает, точнее. Как же, как же, «недо» – да он их должен ненавидеть всей душой! Иначе не поселился бы в пещере за миллионы и миллионы миль от своих льстивых соотечественников.

Принц и принцесса, самая верхушка элиты. Пускай лишь формально, но все же верхушка.

Сахарная глазурь на пироге.

С чего это старик, которому и жить-то осталось всего ничего, вдруг захотел богатства?

К обломку скалы у входа, на котором сидел Карпентер, с бинтом и ножницами подошла Дейдре.

– Думаю, мистер Карпентер, пора наложить на вашу руку свежую повязку. Пока не вернетесь в будущее, этим будет некому заниматься.

Ее ловкие пальцы сменили бинты. Карпентер хотел было снова сравнить Дейдре с Флоренс Найтингейл, но вспомнил, как она ушла после комплимента про замечательную королеву, и смолчал.

Он снова подошел к Сэму и глянул на часы: без минуты три.

Месяцами напролет, год за годом, десятилетиями один в пещере, и книги – единственная компания. Сидеть, читать, вспоминать.

Вспоминать, как раз за разом отодвигали в сторону, когда открывалась желанная вакансия, о презрении со стороны тех, кто поднялся выше по карьерной лестнице, о налогах, наверняка съедавших здоровенный кусок и без того жалких доходов. Рисовать в мыслях шикарные дворцы толстосумов. Вспоминать, как подразнили высокой должностью, а потом оставили ни с чем.

Вспоминать, злобствовать, исходить ненавистью.

Лютой ненавистью волка.

Разрывая на себе овечью шкуру, бегать из угла в угол меж каменных стен своей каменной пещеры.

И вдруг узнать, что в его логово случайно занесло принца и принцессу Большого Марса.

Вечером Дейдре сварила какао и разогрела ТВ-ужины. На этот раз были макароны с сыром.

– Превосходное какао, золотце, – отхлебнув, похвалил Карпентер.

К его удивлению, по щеке Дейдре скатилась слеза.

Он представил, как дети поднимаются на борт корабля. Представил, как следом поднимается Хаксли. Как за ними закрывается шлюз, и корабль уходит в космос.

Пятьдесят миллионов миль...

На часах Сэма было полседьмого.

Дейдре со Скипом сидели на пороге открытой двери

кабины, глядя в никуда.

Наверное, думали о дворце и королевских привилегиях, которыми скоро снова смогут пользоваться.

Пробравшись мимо них за стаканом воды, Карпентер вышел через другую дверь.

Маршмеллоу на палочке не заменит имперский скипетр.

Карпентер подошел к выходу и посмотрел через гущу лиан. Еще один день мелового периода клонился к закату. Вечнозеленые дубы на каменистом склоне отбрасывали длинные тени. В ветвях порхали зубастые птицы. Под деревом, опираясь на длинный хвост, пощипывал нижние листья струтиомим. После дождя все вокруг сверкало чистотой. Справа на фоне глубокой сини предвечернего неба вставали далекие горы, еще новые на лице Земли. Ветер принес еле слышный полукрик-полурев хищника. За дубами лежала скрытая от глаз равнина с лаврами и сассафра-сами, и карликовыми магнолиями в цвету. Прекрасный Эридан.

Дейдре и Скип его дети. Пусть они принц и принцесса Большого Марса, но их нашел он, а не Хаксли – и не сможет жить, если с ними что-то случится.

Почти семь. По каменным ступеням в неф спустился Хаксли. Карпентер подошел к Сэму. Дейдре и Скип спрыгнули на каменный пол и встали рядом. Хаксли, проклацав по полу деревянными башмаками, подошел и поклонился.

– Время близится, Ваши Высочества. Мой корабль к вашим услугам.

– Я тут подумал... – повернувшись к Дейдре со Скипом, начал Карпентер. – Понимаю, как сильно вы хотите домой. Понимаю, как тоскуете по дворцу, да и по родителям, хоть

вы об этом молчите. Я знаю, что вы чувствуете. – Он взглянул на Хаксли. – Ребята, скорее всего, меня возненавидят, но я не настолько в вас уверен, чтобы доверить их вам. – Он снова посмотрел на детей. – Простите, но я попросту не могу вас отпустить.

Он застыл от изумления, когда двое детишек бросились его обнимать, а Дейдре, подпрыгнув, чмокнула в щеку.

ГЛАВА 11

Ветви из разобранных постелей настолько просохли, что годились в костер. Карпентер отбирал самые мелкие, и Скип, догадавшись зачем, начал складывать их горкой.

— Золотце, глянь, вдруг в шкафчике у Сэма остался еще пакет зефирок.

— Вот он! Нашла!

Крошечные языки пламени весело запрыгали с ветки на ветку, и невысокая горка хвороста занялась. Карпентер уже заострил пруттик кухонным ножом. Дейдре готовила другой.

— Подождем, пока прогорит, — сказал Карпентер.

— Как вы думаете, Хаксли разозлился? — поинтересовалася Скип.

— Возможно.

— Судя по тому, как он рванул отсюда, точно разозлился. Видно, ему даже в голову не приходило, что вы вовсе не горите желанием от нас избавиться.

Дейдре заострила второй пруттик и вручила его Карпентеру.

— Пойду, сварю какао.

Он кивнул.

— А потом устроим совет.

Маленький огонь быстро ушел в угли. Дейдре принесла какао и три кружки, после чего все уселись у костра. В доисторическом кафедральном соборе запахло жареным маршмеллоу.

Пакета хватило ненадолго.

Хотелось вспомнить слова какой-нибудь песни, но на ум ничего не приходило, и дети спели свою. Тонкая волнующая мелодия навевала мысли о зеленых полях, холмах и синих реках-каналах, как на фреске в логове террористов, но слова рассказывали о рыбаке, который запутался ногой в сети и упустил весь улов. И все равно песня была прекрасной. Карпентер с радостью послушал бы еще, но дела требовали внимания.

Он опрокинул в рот остатки какао.

— Думаю, вы оба догадываетесь, о чем будет разговор.

Дейдре со Скипом кивнули.

— Я не смог отпустить вас с Хаксли, но стариk прав. Вы оба — часть Марса.

Еще два серьезных кивка.

— Поэтому мне надо как-то пробраться на корабль террористов и послать Космофлоту радиограмму. Ты, Скип, кажется, говорил, что они доберутся сюда меньше, чем за пять дней.

— Дейдре может точно рассчитать, сколько им потребуется, мистер Карпентер.

— Пока не надо. Сейчас главное — выяснить, как проникнуть на корабль. Попрыгаем в прошлое туда-сюда, может, поймаем момент, когда охранник покидал свой пост. Тут я и проберусь на борт. Правда, шансы, что нам так повезет, невелики, и...

— Но, мистер Карпентер, — прервала Дейдре, — вы не сможете воспользоваться передатчиком, даже если незаметно проникнете на корабль.

— Ну так научите меня.

— Думаю, нам стоит пойти с вами.

— Я хочу вернуть вас на Марс, а не отдать снова в руки похитителей.

— А что нам за польза, если вы сами попадете к ним? — спросил Скип.

— Не попаду.

— Вы только и делаете, что рискуете, с тех пор как спасли нас от того динозавра. Пора бы и нам, — сказала Дейдре.

— Если все сделать правильно, золотце, ни о каком риске и речи не будет. Смотрите: припаркуем Сэма поближе к кораблю, замаскируемся и будем держать бандитов под наблюдением. Просто дождемся, пока часовой отлучится. Рано или поздно кто-нибудь из них допустит оплошность.

— А может, обождать неделю-другую с наблюдением? — предложила Дейдре. — К тому времени они перестанут нас искать и снимут охрану.

— Я бы подождал даже дольше, — подхватил Скип, — на всякий случай.

— Нет уж, ребятки, вам меня не провести.

— Ну что вы, мистер Карпентер!

— Хватит. Суть в том, что мы не можем позволить себе ждать. Еды еще полно, но навечно ее не хватит, а бандиты в любую минуту могут улететь.

— А вдруг уже улетели! — воскликнула Дейдре.

— Не исключено, хотя вряд ли. Завтра начнем наблюдение, а пока нам всем не мешало бы хорошенько выспаться.

— Я еще не допил какао, — сказал Скип.

— И я, — поддакнула Дейдре.

— Значит, одним моим знакомым принцу с принцессой лучше бы допить какао побыстрей.

Дети отправились спать в каюту. Вряд ли стоило снова сооружать лежанки всего на одну ночь, и Карпентер спалил часть ветвей в костре, но истинная причина сменить место ночлега заключалась в Хаксли. Старик определенно не тянул на грозного врага, но не стоило легкомысленно отно-

ситься к человеку, который почти полвека прожил в пещере и только что лишился возможности обогатиться.

Дейдре уступила Скипу койку, а себе постелила на полу. Выключив свет в кабине, Карпентер перенастроил защитное поле. Теперь оно окружало ящероход, но сбоку еще оставалось как раз столько места, чтобы устроить себе у подножия нейлоновой лестницы постель из одеял. Он убавил яркость наружного прожектора, пожелал детям спокойной ночи, скинул ботинки и улегся, положив рядом с собой бластер. Такие предосторожности могли вызвать усмешку, но Карпентер знал, что значат деньги на Земле будущего, и, как выяснилось из беседы с Хаксли, на Марсе они значили то же самое.

Неяркий свет, отраженный от высоченного потолка, не тревожил глаза, но сон долго не приходил, а когда задремать все таки удалось, то и дело прерывался. В голове крутились все те же мысли. Может, стоило позволить забрать детей? Может, на решение повлиял страх одиночества, эгоизм, а вовсе не забота об их благополучии?

И все же свет мешал спать. Если на то пошло, он был таким ярким, что вырвал Карпентера из глубокого сна, заставив открыть глаза. Точно, свет был просто ослепительным! И, что самое странное, спустился он с потолка и сошелся в длинный сверкающий клинок, который теперь опускался уже сам.

Карпентер перекатился на бок, и большой мясницкий нож глубоко вошел в одеяла. Хаксли занес его снова, но задел за гусеницу трицератанка, и клинок с колокольным звоном ударил по металлу. Пальцы не удержали рукоятку, нож покатился по полу, и Хаксли, босоногий оборванец, выглядевший как пришелец изо сна, повернулся и дал дерьму.

В дверях Сэма появилась Дейдре.

– Мистер Карпентер, что случилось? – Она посмотрела вслед старику, который, шлепая по каменному полу босыми ногами, уже почти добежал до лестницы. Затем ее взгляд упал на нож.

– Хаксли... он пытался убить вас!

Карпентер поднялся на ноги. В проеме двери рядом с сестрой возник Скип.

– Скип, фонарь! – скомандовал Карпентер. – Надо его догнать.

Посветив на пол, он заметил трехжильный медный кабель, поднял его и перебросил Скипу. Так вот чем Хаксли замкнул поле!

– Включи щит снова и закрой дверь. И чтобы никто из вас не выходил, пока я не вернусь!

Хаксли уже почти поднялся по лестнице. Карпентер схватил пистолет, сунул ноги в ботинки и погнался следом. Когда он добежал до галереи, старика уже не было. В какой же из коридоров тот свернул? В этот? Вдалеке шлепали босые ноги. У развилки Карпентер свернул влево. Шлеп-шлеп-шлеп. Теперь звук казался более далеким... или это из-за эха? И что делать с мерзавцем, избить? Да ну... Так или иначе, пару слов сказать надо, он должен понять, что если еще раз сунется, эта попытка станет для него последней.

Шлепки босых ног затихли совсем. Наверное, все-таки не тот коридор. Беглец, скорее всего, двигался к своему жилищу, куда же еще, поэтому должен был свернуть налево. Куда же свернул он сам? Ошибся, как в прошлый раз? Тут настоящий лабиринт... Карпентер свернул еще раз, остановился и прислушался, но тишину нарушал только звук его собственного дыхания. Он посветил перед собой фонариком. Ни следа Хаксли. На полу лежал слой нетронутой пыли.

Карпентер вернулся в первоначальный коридор. Наверняка в следующем из левых повезет больше. Нет, и здесь ни звука. Он посветил фонариком. Следы! Пыльный пол усеивали отпечатки ног. С облегчением вздохнув, он побежал вперед. Должно быть, старик уже свернулся.

Да, это правильный поворот, а вот и нужный коридор! Оставалось свернуть еще два раза: налево и направо. Последний коридор вел прямиком к жилищу отшельника, но вместо яркой точки в конце светился целый прямоугольник – распахнутая дверь.

Дышать было все тяжелее, дорога шла в гору. Вынув бластер, Карпентер медленно двинулся к светящемуся проему. Старик говорил, что давно расстрелял все заряды, и скорее всего не врал, иначе воспользовался бы при покупании ружьем, а не ножом мясника. Тем не менее, хоть он и бросил нож, у него наверняка найдутся еще. Чего добро-го, поджидает в засаде за дверью, занеся другой клинок для смертельного удара.

Выяснить можно было лишь одним способом. Карпентер осторожно проник в комнату, освещенную фонарем, но там его ждал не Хаксли, а хаос.

Хаос из книг.

На одной из книжных полок виднелась большая брешь, и упавшие тома валялись по всему полу. След из книг вел к открытой двери наружу. Было несложно угадать новый сценарий. Конечно, если Хаксли просто расскажет, где искать наследницу трона и ее брата, ему не заплатят той же кучи денег, как за их возвращение домой, да и великим героям не сделают. Однако что-то он все же заработает и станет хоть плохоньким, но героем. А свое нападение на Карпентера сможет списать на то, что пытался вызволить детей из рук бесчестного негодяя, втершегося к ним в доверие. Понятно, Дейдре со Скипом попытаются рассказать правду,

но само то, что Хаксли дал им возможность спастись, подорвет доверие к их словам.

Старик прихватил из своей библиотеки все, что смог унести. Теперь вес милых его сердцу произведений не имел значения. Карпентер вышел наружу и поднялся по короткой лестнице. На залитом звездным светом плато след из книг обрывался, но Карпентер и так знал, где корабль. Однако мешать Хаксли хотел меньше всего на свете, поэтому остановился и стал ждать. Наконец маленький корабль беззвучно взмыл в небо.

Дileммы больше нет, осталось лишь ждать в соборе, пока прибудет Космический флот. Как только один из кораблей приземлится, надо будет развести большой костер у входа, чтобы спасатели легко нашли укрытие. Потом Дейдре со Скипом улетят на Марс.

Беспокоиться станет больше не о чем.

Карпентер слегкотнул. Хотелось курить, хоть он и бросил еще пять лет назад.

Кораблик уже поднялся высоко в доисторические небеса, и его двигатель включился со вспышкой, похожей на звезду. Звезда росла прямо на глазах, раскаляясь до белой, ослепительной сверхновой... Только это была не звезда. Корабль и Хаксли. Его книги.

Карпентер изумленно смотрел на яркий погребальный костер, пока тот постепенно не угас вдали. Решение оказалось все же верным, хоть и по другой причине.

Одно было ясно: окаменевший человеческий скелет, который откопают полевые сотрудники Бюро в 1998 году, будет принадлежать не Хаксли.

ГЛАВА 12

Рассвет застал команду Сэма уже на равнине далеко от пещеры.

Они покинули бы собор еще раньше, чтобы подкрасться к кораблю террористов затемно. Но разве найдешь дорогу без прожектора? А свет бы их выдал.

Ночью Карпентер выскользнул наружу и обследовал окрестности. Пока террористы никак не проявляли себя, но не мешало убедиться в отсутствии засады.

Во всяком случае, было ясно, что бандиты не догадываются, где он спрятал детей.

Когда ночной занавес поднялся, и розовые одежды зари истаяли под первыми лучами солнца, широкая сцена равнины раскинулась перед глазами во все стороны. Отдельные разбросанные купы деревьев не слишком обнадеживали в качестве укрытия, но иного способа незаметно подобраться к кораблю в обход города не было.

Объезжая город по большой дуге, Карпентер постоянно посматривал на небо. Ни одного птеранодона, зато к западу пасется стадо цератопсов. Может, то самое стадо?

Дейдре со Скипом сидели рядом.

– Надо же, одни Сэмы! – воскликнул Скип.

– Смотрите! – показала Дейдре. – То самое дерево, куда нас неделю назад загнал тот здоровенный пузатый ящер!

Карпентер обернулся. И впрямь похоже, но на этой равнине столько гинкго, что полной уверенности нет.

Скип перебрался назад в жилой отсек.

– Как насчет бутылочки газировки, мистер Карпентер?

Карпентер покачал головой.

– Дай мне, – попросила Дейдре.

Скип откупорил две бутылки, вручил одну Дейдре и вернулся на переднее сиденье.

– А вон там что? Ничего себе, деревце! Взгляните-ка, мистер Карпентер!

И впрямь, всем деревьям дерево, с хвостом, огромной головой и острыми зубами. Грееется под косыми лучами утреннего солнца.

Владыка тиранозавр собственной персоной.

– Что ж, старина, рано или поздно мы бы все равно встретились, – хмыкнул Карпентер.

Тиранозавр не просто грелся на солнце, а наблюдал за Сэмом. Про трицератанки он ничего не знал и наверняка не прочь был закусить сочным мясцом.

Красный язык влажно блестел в полуоткрытой метровой пасти, а страшные зубы длиной с локоть, как раз предназначенные, чтобы прокусывать толстую шкуру цератопсов, не могли дождаться, когда волны будут в завтрак.

Ящер словно усмехался.

Карпентер резко сбросил скорость, почти остановив танк.

Дети позабыли про газировку и во все глаза смотрели на это высшее достижение эволюции рептилий. Возвышаясь на мощных задних лапах, ящер достигал высоты двухэтажного дома, а в длину от носа до кончика гигантского хвоста был десятка полтора метров. Темно-серая шкура, покрытая грязью, вызывала омерзение. Слаборазвитые передние лапы заканчивались каждая двумя пальцами-когтями – разве что чашку с чаем удержать.

Из пасти чудовища шлепнулся на землю большой комок вязкой слюны.

Тиранозавр издал оглушительный рев – или вопль, трудно сказать.

– Сматываемся отсюда, – прошептал Скип.

Под ногами чудовища уже содрогалась земля. Оно приближалось.

– Ну все, нам конец, – выдохнула Дейдре.

– Не бойтесь, ребятки, – сказал Карпентер. – Сэм ему не по зубам.

Тем не менее, пальнуть из рогопушки так и тянуло, просто на всякий случай – но выстрел мог насторожить террористов.

Тиранозавр заслонил собой солнце, на трицератанк упала жуткая тень ящера. Гигантская голова устремилась вниз. Застопорив правую гусеницу, Карпентер сделал резкий разворот, подставляя под удар хвост Сэма. Но вот беда, на самом деле Сэм не имел хвоста. Огромные челюсти скользнули по защитному полю и клацнули друг о друга как два такси в аварии на Пятой авеню. Тут уж динозавр взревел на самом деле.

– Ого... ну и разозлился! – покачал головой Скип.

Карпентер продолжал разворачиваться, и теперь рогопушки вновь нацелились на врага. Тиранозавр был уверен, что Сэм помчится вперед, опустив голову, как заведено у рогатых ящеров. Тут-то и настанет время, уйдя в сторону, вонзить свои зубищи ему в спину. Только Сэм «думал» иначе и вместо атаки продолжал пятиться, чем разъярил противника еще больше и тот напал сам. Карпентер сразу же сдал назад и в тот миг, когда ящер перенес весь вес на правую лапу, врезался плечом Сэма ему в левую.

Тиранозавр бешено завертел хвостом и лишь благодаря этому не опрокинулся.

Широко раскрыв пасть в пронзительном вопле, он продемонстрировал все свои зубы-ножи. Зловонное дыхание ворвалось в кабину сквозь решетки вентиляции, и внутри запахло, будто на одной из улиц Нью-Йорка во время забастовки мусорщиков. Тиранозавр решил снова попытать счастья, как видно, позабыв, чем закончилась для него прошлая атака. На этот раз Карпентер на всей скорости врезался в правую ногу противника, когда тот поднимал ее от земли. Теряя равновесие, ящер попытался описать пирамиду, но получалось у него не лучше, чем у слона танцевать чечетку. Без толку крутя громадным хвостом, он кренился, как подрубленное дерево, и Карпентер поспешил отвести Сэма в сторону. Наконец, восьмитонная гора плоти завалилась, подмяв два молодых гинкго... Бум! Бум! Бу-бум!

Распростертый на спине динозавр бешено задрыгал задними лапами, забил хвостом и в итоге перекатился на живот. Но его положение по-прежнему было незавидным. Когда он стоял, хвост служил противовесом огромной голове, но теперь неправлялся с этой ролью. Ящер заработал жалкими передними лапами, стараясь оттолкнуть грудь от земли, но когда его попытки почти увенчались успехом, Карпентер снова пошел на приступ. Ткнувшись с разбега мордой Сэма в плечо противника, он поверг его ниц, но в этот раз с чуть другим «бу-бум!»

Дети на переднем сиденье покатывались со смеху.

— Подтолкните его еще разок, мистер Карпентер, — сказал Скип, когда ящер снова перевернулся на брюхо.

— Да ладно, ему и так несладко. Поехали лучше дальше.

— А он за нами не погонится? — опасливо спросила Дейдре.

— Не думаю. Сэм не пахнет цератопсом и оставляет другие следы. В любом случае он легко обгонит нашего приятеля. Как по-вашему, ребята, мы уже миновали город?

– Давно, – кивнул Скип. – Хотя, пожалуй, можно еще немного проехать на юго-восток. Если бы не отклонились к югу, вышли бы точно к кораблю.

– Возможно, с юга подкрасться будет проще. Попытаемся. – Карпентер двинул Сэма вперед по равнине.

– До моря уже всего ничего, – заметила Дейдре.

Когда полтора часа спустя ящероход преодолел очередной косогор и впереди показалось море, Карпентер пришел в замешательство. В 1998 тут ничего такого не было. По сути, оно не так уж отличалось от водных просторов будущего, хоть и было, разумеется, много-много мельче, а вдоль берега тянулись болотистые заросли. Однако морская гладь не уступала синевой Тихому океану и казалась такой же бескрайней.

Но еще больше озадачил Карпентера гигантский геометрический узор, похожий на косую решетку, который вдруг возник в небе прямо по курсу Сэма.

– Это кью, – благоговейно прошептала Дейдре.

Узор завис перед солнцем, которое уже на треть поднялось по небосклону. Казалось бы, линии на ослепительном фоне должны утратить свою четкость, но их чернота затмевала яркость светила.

– Это просто перекрещенные линии. Почему ты называешь их кью, золотце?

– Именно так выглядят кью.

– Ты видела их раньше?

– Нет, зато говорила с теми, кто видел. Кроме того, я видела пирамиды, и на каждой точно такие же кресты.

– Это кью, так и есть, – подтвердил Скип.

– Может, их космический корабль?

– Может, и корабль, – согласилась Дейдре. – Даже учёные Большого Марса точно не знают, кто на самом деле

появляется в небе и изображен на пирамидах – кью или их корабли.

– Похоже, вы их совсем не боитесь.

– Ну да, – кивнул Скип. – Кью не обращают внимания на людей.

– Похоже, эта штуковина в небе нами заинтересовалась.

– Скорее всего, их заинтересовал Сэм, – сказала Дейдре. – Он ведь анахронизм.

– Как и я сам, – усмехнулся Карпентер.

– Да, но Скип верно сказал. Кью никогда не обращают внимания на людей. Такое чувство, что мы для них пустое место.

– А, казалось бы, должно быть наоборот, ведь это они заселяли людьми Марс и собираются заселять Землю.

– Думаю, они уже в некотором смысле заселяют Землю. Вряд ли время течет для них так же, как для нас.

– Ну, если они уже заселяют Землю в будущем, тогда, наверное, недоумевают, что я забыл в теперешнем Эридане.

– Нет, им попросту все равно, – возразила Дейдре. – Если и заинтересовались, то Сэном.

– Гляньте! – воскликнул Скип. – Они уже на лобовом стекле!

Карпентер перевел глаза на узор и почесал затылок.

В памяти всплыл рассказ Эдгара По, прочитанный еще в школе. Во время эпидемии холеры в Нью-Йорке герой истории принимает приглашение родственника пожить у него в коттедже на реке Гудзон. Однажды на исходе знойного дня гость сидит с книгой у открытого окна и вдруг видит, оторвавшись от страницы, как по склону ползет невероятный гигантский монстр. В конце концов выясняется, что чудовище – это всего-навсего небольшая бабочка-сфинкс, и спускалась она по паутинке за окном.

Так, может, рисунок с самого начала появился на стекле

кабины?

Та же самая бабочка из рассказа, один в один.

В кабине стремительно холодало. Карпентер сверился с термостатом. Там было все в порядке, но температура продолжала падать. Он видел свое дыхание. Видел дыхание детей. И видел, что им страшно.

Они придвинулись ближе, прижавшись друг к другу.

— К... кажется, кью изучают Сэма, — выдавила Дейдре.

— Каким образом, золотце?

— Н... не знаю.

— Глядите! — воскликнул Скип, показывая на небо. — Террористы!

Вскинув глаза, Карпентер увидел трех — нет, четырех! — «птеранодонов», летевших на юг высоко над побережьем. Он попытался ускориться, чтобы загнать Сэма под ветви ближайшей ивы, но двигатель больше не работал, несмотря на включенное зажигание.

Очевидно, они пока не заметили танк, потому что продолжали свой полет как ни в чем не бывало. Наконец черные тени исчезли из поля зрения, но Карпентер знал, что бандиты вернутся.

— Может, тоже увидели кью? — предположил он. — Потому и прилетели?

Дейдре покачала головой.

— Тогда они вообще остались бы в городе. При кью лучше в небо не соваться. Просто ищут нас.

Мысленно согласившись, Карпентер снова взглянул на узор.

Что это, группа существ или одно-единственное? Или все-таки корабль?

А если корабль, и он сначала был в небе, то как ему удалось уменьшиться во сто крат и так быстро переместиться на лобовое стекло? Словно кто-то криво нарисовал на нем

решетку для крестиков-ноликов. Чем бы этот узор ни был, он всего лишь двумерный. Странно.

Может, кью или их корабли всегда показываются только в двух измерениях? Или просто наши глаза так их воспринимают, а на самом деле измерений все четыре? Интересно, каков этот узор снаружи?

Карпентер попытался открыть дверцу с водительской стороны, но ее заклинило. Что ж, следовало ожидать.

Наверняка другая, с пассажирской стороны, тоже не откроется. Нечего и пытаться.

На него вдруг накатило холодное безразличие, такое иногда чувствуешь, глядя на звезды. Значит, вот что Дейдре имела в виду, когда сказала, что кью до людей нет дела. Теперь понятно, как можно знать о своих создателях, но не поклоняться им.

— А у вас на Марсе они часто показываются?

— Постоянно, — ответил Скип.

— Уже много поколений, — кивнула Дейдре. — Кью часть нашей истории.

— Но не нашей, хотя засеяли Землю. Почему?

— Вероятно, уже потеряли к Земле интерес и больше не показывались, — предположила Дейдре. — А может, улетели в другую часть галактики. Но и в вашей культуре должны были остаться их следы.

Решетка для крестиков-ноликов? Карпентер с сомнением покрутил носом.

— Может, ты и права, золотце.

Он снова взглянул на рисунок. Тот утратил недавнюю четкость, внутри кабины заметно теплело.

— Уходят, — заметил Скип.

Линии решетки распались на отдельные волокна, температура продолжала повышаться. Внезапно снова включился двигатель. Узор исчез.

Когда он только появился на лобовом стекле, Карпентер не догадался посмотреть на часы. Однако, судя по положению солнца, продолжалось это довольно долго, хотя кажется, что совсем чуть-чуть. Наверное, в присутствии кью время идет быстрее, а может, их корабль, если это был он, нарушил нормальное восприятие потока времени.

Скип вдруг вскрикнул.

– Бандиты! Они вернулись!

– И заметили Сэма! – воскликнула Дейдре.

Птеранодоны уже пикировали на ящероход. Карпентер спешно загнал его под ветви ближайшей ивы, и три летательных аппарата, развернувшись, воссоединились в вышине с четвертым.

Откуда взялся четвертый?

Карпентер глянул вверх сквозь листву и пересчитал птеранодонов. Ошибки нет, четверо.

Корабль террористов остался без охраны!

Судя по глазам Дейдре, она пришла к тому же выводу. Через секунду его же сделал и Скип.

– Они так жаждут нас разыскать, что позабыли о корабле. Но нам от этого никакой пользы, потому что доберутся они до него раньше нас.

– А вот и нет, – ответил Карпентер и начал скармливать данные компьютеру Ллонки.

Дейдре подалась вперед.

– Это те же цифры, что и раньше, мистер Карпентер.

– Точно. Возвращаться больше, чем на час, непрактично.

Ну что, пораскинешь мозгами, золотце?

– 828 464 280 на 4 692 438 921 равно 3 887 518 032 130 241 880.

Карпентер закончил вычисления и дернул рубильник.

– Ну, поехали!

Сэм замерцал, его слегка тряхнуло... Солнце откатилось назад, тень ивы удлинилась, и птеранодоны в небе исчезли.

ГЛАВА 13

Корабль выглядел как большое металлическое дерево с тремя тонкими стволами. «Крону» его составляли высохшие переплетенные ветви с сухими листьями, прикрепленные к носу.

Стволами были на самом деле стальные опоры, на которых стоял корабль. Карпентер не мог понять, как они, такие тонкие и хрупкие на вид, выдерживают вес звездолета. Судя по всему, марсианские металлурги на несколько шагов опередили своих будущих земных коллег.

Вокруг опор теснились настоящие деревья: несколько высоких гинкго, ивы и саговые пальмы. Уровень почвы тут понижался, и земля густо заросла осокой, среди которой проглядывали многочисленные зеркала воды. Хорошее место для укрытия, не зря террористы его облюбовали.

Не доехая полусотни шагов, Карпентер остановился в чаще и подождал, пока птеранодоны улетят.

Открытый люк шлюзовой палубы лишний раз подтверждал, что на корабле никого нет.

— Хорошее укрытие для корабля. — Дейдре словно прочитала мысли Карпентера. — И все же глупо стоять посреди болота. Если ребята из Космофлота догадаются, что мы в Эридане, корабль легко засекут масс-детектором... хотя где им до такого додуматься.

— У террористов наверняка есть укрытие и на Марсе.

— Да, там остался Кирк, их сообщник.

— Почему тогда они не спрятали вас там, а потащили аж на Землю?

— Вообще-то, на быстром космическом корабле вроде этого до Земли не так уж и далеко. Это разведывательный корабль Космофлота. Скорее всего, его украли из орбитальных доков. А в Космофлоте наверняка даже не заметили!

— Похоже, ребята из Космофлота звезд с неба не хватают.

— Да нет, они вполне ничего, мистер Карпентер, — усмехнулась Дейдре, — поначалу, во всяком случае. Просто их учат не думать, а выполнять приказы.

— Без приказа и шагу не ступят, — кивнул Скип.

— Но что глупее всего, космический флот нам вообще не нужен, — добавила девочка. — Мы не воевали веками.

— Везет вам на Марсе!

— А что, на Земле будущего есть войны, мистер Карпентер? — спросил Скип.

— Несколько крупных было, — сказал Карпентер. — Сейчас, правда, мы достигли мира во всем мире. — Он открыл дверцу с водительской стороны. — Я к радиопередатчику. Мы и так потеряли полчаса преимущества во времени.

— Мы с вами, — заявила Дейдре.

— Нет. Ждите в Сэме, ребята, и...

— Мистер Карпентер, вы не разберетесь с марсианской аппаратурой! Даже не поймете, где искать! И потом, как вас поймут на Марсе без толковушек?

— Их можно надеть.

— Да кто их станет надевать? Подумают, что какой-то псих настроился на межпланетный канал, и прервут связь.

— И вообще, что там опасного? Террористов здесь нет! — добавил Скип.

Карпентер посмотрел на корабль. Шлюз у самой земли, рядом с одной из опор. По ней можно залезть, но получится ли открыть люк? Эти марсианские механизмы... Ничего не

поделаешь, в одиночку не справиться.

Он загнал Сэма под иву, повернув носом к ближайшей опоре. Туз в рукаве никогда не помешает.

— Ладно, золотце, ладно, Скип. Уговорили.

Они зашагали к кораблю, Карпентер шел первым.

— Ну что, Скип, сумеешь открыть шлюз?

— Запросто, мистер Карпентер.

Мальчик вскарабкался по металлической опоре и открыл люк простым прикосновением.

— Он даже не был заперт.

Карпентер нахмурился. Не слишком ли гладко?

Скип скинул гибкую металлическую лестницу. Карпентер вскарабкался первым, Дейдре — следом. Внутри корабля было жарче, чем снаружи. В шлюзовой камере почему-то горел свет. Скип с той же легкостью справился с внутренним люком и первый вошел в коридор.

Однако мальчик был не так уж уверен в себе и шел медленно. Коридор оказался круговым, по обе стороны в него выходили стальные двери, расположенные через широкие промежутки. Скип открыл одну и тут же закрыл.

— Там двигатель и антимасс-реактор.

Он заглянул в дверь напротив.

— Дейдре, глянь-ка! Потайная лестница. Ну, может, и не потайная, но по ней нас точно не водили.

Дейдре шагнула внутрь, Карпентер заглянул через ее плечо. Гладкие металлические стены образовывали колодец, снизу поднимались узкие винтовые ступени, рассчитанные на одного человека.

— Похоже на аварийную лестницу.

— Наверняка так и есть. Но лучше подняться по обычной, если, конечно, я ее найду.

Они двинулись дальше, по-прежнему со Скипом во главе. Очередная дверь на внешней переборке, по словам

мальчика, тоже вела в двигательный отсек. Коридор закончился куда более широкой дверью.

— Должно быть, она. — Скип открыл дверь, за которой виднелись широкие ступеньки. — Та самая, мистер Карпентер, по которой нас приволокли на корабль. Это ход на другую палубу. Идемте.

Ступени были подсвечены наклонными люминесцентными трубками. Как видно, террористы оставили свет на всем корабле. Карпентер с Дейдре шел следом за Скипом, пытаясь считать уходящие минуты. Не получалось, естественно, но тревожиться было не о чем. Временной скачок позволил выиграть час, и хотя значительная часть уже прошла, времени отослать сигнал СОС хватало. Вот пошлют и со всех ног рванут к Сэму, пересидят до конца дня и вернутся в собор встречать Космический флот.

На следующей палубе зеленел сад. Под светом встроенных в переборки ламп в металлических «грядках» теснились растения, очень похожие на земные папоротники.

Еще выше оказались камбуз и кают-компания. После свежести сада здешняя вонь буквально валила в нос. Большое помещение загромождали груды коробок, шкафы были встроены в переборки. Стол и длинные, почти от стены до стены, скамьи — прикручены к полу. Встроенная плита и мойка с горой немытой посуды заросли грязью. Карпентер невольно вспомнил логово террористов и убежище Хаксли. У марсиан что, не принято мыть посуду?

Следующая палуба представляла собой сплошное круглое помещение, стенами которого служила обшивка корабля. Здесь было пусто, если не считать разбросанного по полу мусора.

— Раньше, когда корабль еще принадлежал Космическому флоту, тут жила команда, — пояснила Дейдре. — Как видно, бандиты повыбрасывали все кровати.

Скип показал на цилиндрическую колонну возле стены.

– Наверное, внутри та самая винтовая лестница, даже дверь есть. Точно, аварийный ход, мистер Карпентер.

Помещение выше, должно быть, когда-то занимали офицеры. Несомненно, именно здесь террористы коротали время в полетах. От большой комнаты отдыха во все стороны расходились двери кают – сейчас закрытые. Окруженная шестью плюшевыми креслами, в центре комнаты стояла низкая тумба, а на ней – огромный куб, похожий на ледяной. Что это, можно было не спрашивать. Карпентер сразу догадался, что перед ним марсианский голокуб, хотя он ни разу его не видел.

Дейдре показала на одну из дверей.

– Они держали нас вон там.

– А сами все время смотрели фильмы, нам слышно было, – добавил Скип.

Порнушку, скорее всего. А дети тем временем лежали голодные и холодные. Возненавидеть бы этих гадов еще больше, но сильнее уже некуда.

Круглые полки в нижней части тумбы были заставлены небольшими катушками. И чего вдруг террористов потянуло в город, если у них тут столько фильмов, такие мягкие кресла, да и постели наверняка удобные?

Видно, городское логово больше напоминало близкий сердцу родной дом.

Следующая палуба походила на огромный вычислительный центр. Повсюду компьютерные консоли, лампочки, тумблеры, ряды дисплеев. Похожий зал был на корабле Хаксли, хотя, конечно, поменьше и куда менее впечатляющий. Скип говорил, это зал управления антимасс-реактором, но тут все выглядело неизмеримо сложнее.

– Почему аппаратура здесь, если сам реактор внизу? – поинтересовался Карпентер.

— Здесь общий компьютер корабля, — объяснила Дейдре. — Реактором управляет только его часть, хоть и большая, конечно. Преодолеть притяжение планеты непросто, требуется много расчетов — ум человека с ними не справляется.

— По-моему, чтобы летать на марсианском корабле, надо быть гением.

— При чем тут гений? Знай себе, какие кнопочки нажимать в ходовой рубке, и все дела, — сказал Скип.

Они снова стали подниматься по трапу.

— Ходовая рубка двумя палубами выше. Там и находится радиопередатчик.

Между вычислительным залом и ходовой рубкой располагался ангар для «птеранодонов». Через открытый люк задувал ветерок с равнины, родившийся где-то в горах. Рядом проходила сверху вниз колонна винтовой лестницы. Шлюзовая камера отсутствовала, и понятно — леталки в космосе не нужны.

Сложеные у одной из переборок, они напоминали больших воздушных змеев с кожистым покрытием. Яйцевидные бомбы лежали в контейнерах из стальной сетки, прикрепленных к полу. Один контейнер был неполным.

Карпентер подошел к открытому люку. Ива, под которой был припаркован трицератанк, не дотягивалась до носа корабля, и поверх нее виднелась волны холмов, а вдали на горизонте — молодые горы, которые когда-нибудь назовут Скалистыми. Справа сквозь просветы в кронах гингкоглядывали пирамидальные строения города, а за ними вдали — меловые утесы.

Карпентер посмотрел на юг, высматривая птеранодонов. Конечно, им еще не время возвращаться, но как только они пролетят над Сэмом, и тот проделает свой трюк с исчезновением, террористы направятся прямиком к кораблю.

— Как тут красиво, мистер Карпентер, — раздался рядом

голос Дейдре. – Когда вернусь на Марс, мне этого будет не хватать.

– Марс наверняка тоже красивый.

– О да, но иначе. Когда люди долго живут на планете, они что-то у нее отнимают. Конечно, в каких-то отношениях она становится еще краше, но многое и теряет.

Карпентеру вспомнилась Земля будущего. Города, автострады... «Клеверный лист» транспортной развязки тоже по-своему красив с высоты, да и города издалека не лишены налета романтики, которой внутри нет и следа. Однако ничто из того, что уже построил или еще построит человек, и близко не сравнится с первозданной прелестью Эридана. Больно думать, что скоро придется покидать эту прекрасную землю.

Время уходило, он отвернулся от люка.

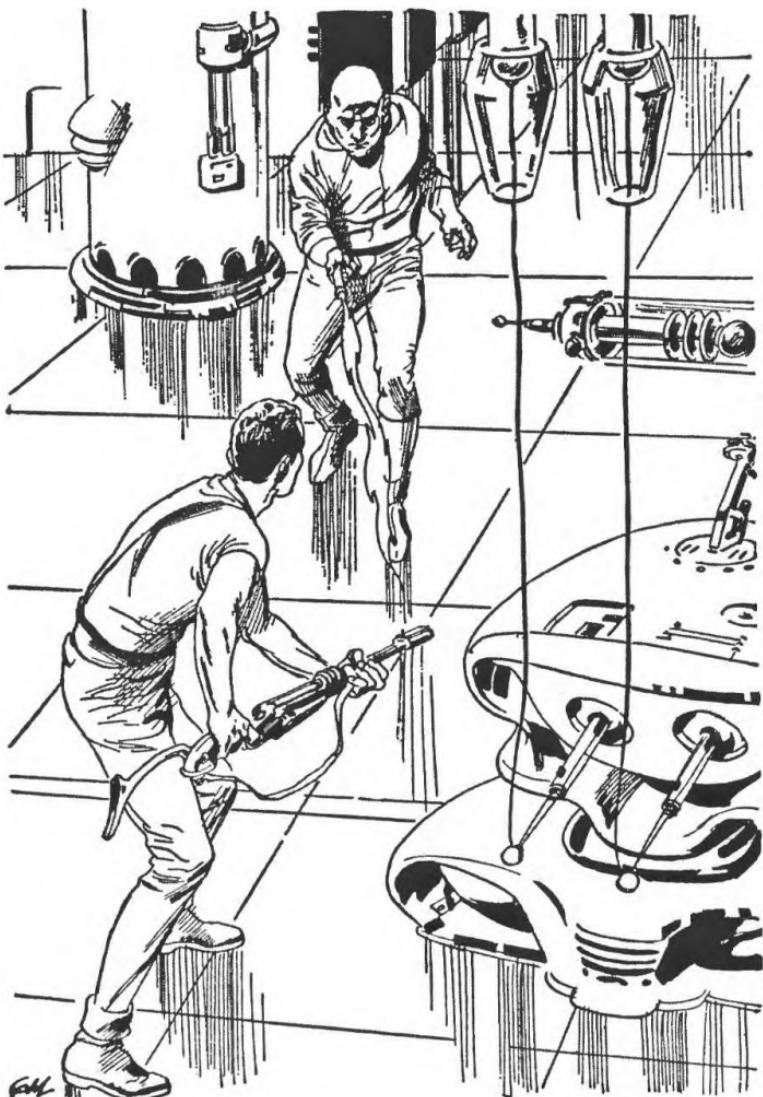
– Двинем-ка лучше в ходовую рубку, ребятки.

Скип снова показывал путь. Рубка оказалась понятна Карпентеру не больше, чем компьютерный зал. Она занимала половину палубы, а в дальней переборке виднелось несколько дверей. Перед лабиринтом консолей, дисплеев и мигающих огней стояли два похожих на подушки кресла с ремнями безопасности, а слева и справа от них в обшивке были вырезаны два огромных смотровых окна. Из одного открывался вид на море, из другого – на равнину.

Дети уселись в кресла, и Дейдре потянулась к маленькому шестиугольнику на одной из консолей... Внезапно дверь в дальней переборке распахнулась.

На пороге стоял Флойд с ружьем в руках и ухмылялся, скаля зубы. Дейдре со Скипом обернулись, их лица побелели от страха. Ухмылка Флойда расплылась до ушей, дуло ружья смотрело Карпентеру в грудь.

– Добро пожаловать на борт, старина.

ГЛАВА 14

— Золотце, я думал, их только четверо, — сказал Карпентер.

— Так и есть. Значит, четвертой леталкой управляет авторипилот.

Флойд был без толковушек и не понял Карпентера, но по ответу Дейдре догадался, о чем речь.

— Мы смекнули, что вы станете делать, когда увидите четыре леталки. И до нас дошло кое-что еще. Нет у тебя никаких дружков, кроме дистанционки. Сдается мне, она в большой пряжке на твоем ремне. Но перед тем как снимать, достань из-за пояса свой пистолетишко и положи на палубу.

— Как скажешь, Флойд. — Карпентер положил бластер на палубу и, начав расстегивать ремень, обратился к Скипу и Дейдре. — Не вставайте с кресел, ребятки, и пристегнитесь.

Снимая ремень, повернуть кольцо связи — плевое дельце.

— Золотце, если корабль упадет на бок, бомбы в ангаре не рванут? Ну, или еще что-нибудь? Отвечай только «да» или «нет».

— Нет.

— Скип, оборудование на палубе закреплено достаточноочно прочно, чтобы не попадать на нас при ударе? Да или нет.

— Да.

— Эти кресла — они прикреплены к полу?

— Да.

– Ребята, вы оба пристегнулись как следует?

Двойное «да».

– Эй ты, хватит трепаться, снимай ремень! – прикрикнул Флойд, поспешно надевая толковушки.

Опоздал ты, старина, подумал Карпентер и нажал х-образную кнопку на кольце, посылая Сэма на таран.

Внизу тотчас взревел большой двигатель и залязгали гусеницы. Суровость на лице Флойда сменилась растерянностью. Позабыв о Карпентере, он кинулся к обзорному окну, рванул рычаг, и стекло уехало в корпус. Бандит высунулся в проем и прицелился в трицератанк, но уже через долю секунды тот протаранил опору. Корабль резко накренился, и Флойд, все еще с ружьем наизготовку, вылетел в окно, словно Икар с реактивным двигателем.

Хрря-яясь! – подломилась опора.

Карпентер метнулся к креслам и втиснулся между ними.

– Держитесь крепче, ребятки!

Падая все быстрее, корабль врезался в крону ивы, из-под которой Сэм пошел в атаку. Как и надеялся Карпентер, дерево погасило скорость. Затрещали ветви, корабль немного развернуло, после чего корпус рухнул с еще одним оглушительным «хрясь». Тряхнуло так, что Карпентер не удержался, и его швырнуло спиной об стену. Свет перед глазами померк.

И появился снова. Карпентер увидел над собой лицо Дейдре, осенние астры ее глаз потемнели от тревоги. Она расстегнула ему клетчатую рубашку и теперь хлопала по щекам. Он попытался выдавить широкую улыбку, хоть и не совсем успешно, и сделал глубокий вдох, чтобы возместить воздух, который вышибло из легких при падении. Затем осторожно встал на ноги. Вроде ничего не сломано. Ходовая рубка тоже не пострадала, но выглядела странно, так

как вместо палубы он стоял на стене.

Дейдре обхватила его руками и прижалась к груди.

— О, мистер Карпентер, вечно вам из-за нас достается!

Он ласково взъерошил ее желтые, словно лютик, волосы. И вдруг с тревогой обернулся.

— Где Скип?

Не успела она ответить, как в лежащую на боку комнату пробрался Скип. Он нес маленький контейнер.

— Мистер Карпентер! Как вы?

— Он ходил за кислородом для вас, — пояснила Дейдре. — Впрочем, похоже, ничего уже не нужно.

— Угу, я отлично себя чувствую.

Что было не совсем правдой: голова еще немного кружила. Но зачем детям об этом знать? Он поискал бластер, и не смог найти. Затем подошел к открытому окну и вышел через него наружу, благо теперь оно было расположено так, что могло служить дверью. Ива превратилась в лохмотья. Он взгляделся, выискивая за поломанными ветвями и расколотым стволом трицератанк. Может, подмяло кораблем? Ну, это вряд ли. Когда тот рухнул, Сэм наверняка был уже далеко. Карпентер нажал кнопку вызова на кольце и отправился разыскивать Флойда.

До чего же тихо! Должно быть все зауроподы, орнитоподы, тероподы, анкилозавры и цератопсы на мили вокруг, не говоря уже о ящерицах, черепахах, лягушках, крокодилах, насекомоядных и морских гадах, услышали грохот падения и приостановили свои повседневные дела.

Когда Флойда найти не удалось, первой мыслью Карпентера было, что террорист пережил падение и лежит в засаде, спрятавшись в зарослях осоки. Затем он набрел на одну из трясин, которыми изобиловали здешние места, и увидел ее взбаламученную поверхность.

И ни следа ружья.

Очевидно, Флойд его так и не выпустил из рук.

Глядишь, копни полевые сотрудники Бюро глубже, нашли бы не только окаменелый скелет Флойда, но и отпечаток ружья.

Пока Карпентер стоял, вперив взгляд в трясину, прирысил Сэм. Остановившийся в нескольких шагах ящероход представлял собой печальное зрелище. Камуфляжное поле по-прежнему работало, так что ноги и хвост были на месте, зато «несокрушимое» лобовое стекло разбилось и куда-то исчезла большая часть бутафорского зубчатого воротника. Одна из рогопушек смотрела на юг, вторая — на север, на морде появилась большая вмятина.

Карпентер отключил дистанционное управление. Только бы в Бюро не вычили из жалования расходы на ремонт.

Подбежали Дейдре со Скипом. Карпентер показал на трясину, но их больше заботил Сэм, чем судьба Флойда.

— О, мистер Карпентер, как ему досталось! — воскликнул Сэм.

— Его можно починить, — сказал Карпентер, — и он все еще на ходу. — К этому времени в его голове уже полностью прояснилось. — Идем, ребятки, пошлем, наконец, этот СОС! Или вы уже послали?

— Еще нет, — ответил Скип.

— Тогда вперед. Вы отправляйте, а я пока поищу пистолет.

Они уже порядком удалились от упавшего корабля и теперь поспешили обратно. Перед входом Дейдре бросила взгляд на небо и напряглась.

— Мистер Карпентер, они возвращаются!

Над горизонтом появились четыре зловещие точки.

— Бегите к Сэму, ребята! Живо!

Они сорвались с места, и Карпентер последовал их примеру. С легкостью обогнав его длинные, но куда менее про-

ворные ноги, дети забрались в кабину раньше, чем он преодолел половину расстояния. Точки уже стали птеранодонами и устремились к кораблю. Стоит террористам увидеть, что произошло, церемониться не станут. И, словно для того, чтобы облегчить им эту задачу, Карпентер споткнулся о пересекавшую путь черепаху и ничком растянулся на земле.

Когда он снова поднялся на ноги, Дейдре со Скипом уже захлопнули пассажирскую дверь. Мгновением позже трицератанк замерцал и исчез.

Почти сразу осоку пригнуло к земле, словно от сильного ветра. Ветер был настоящий, но дул почему-то сверху вниз. Карпентер задрал голову. На равнину медленно спускался огромный космический корабль. Настолько громадный, что в воздухе, казалось, подвесили небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг.

Из основания небоскреба выдвинулись металлические опоры, и он сел, заняв не меньше места, чем настоящий. Опоры подстроились, придав кораблю строго вертикальное положение, и через секунду с острия его носа выстрелили четыре радужных луча. Бах! Бах! Бах! Бах! «Птеранодоны» – три с пилотами и беспилотник – исчезли, словно их и не было.

Парадные двери распахнулись, выдвинулись сходни шириной с тротуар на Пятой авеню, и вниз промаршировали две колонны солдат в ослепительно-белой форме незнакомого покрова. Каждый держал серебристое ружье.

У подножия колонны развернулись в две параллельные шеренги и замерли. Повисла тишина. Прошло минут пять или десять, а может, и четверть часа. Затем в проеме появился высокий мужчина в таком белом мундире, что форма солдат показалась грязной. В руке у него был мерцающий жезл, похожий на волшебную палочку. С левого плеча до пояса уступами ниспадали разноцветные ленты. Прямо

как в стародавней оперетте «Фрегат ее Величества „Передник“» про любовь капитанской дочки к простому матросу. Небось сам главнокомандующий Космическим флотом.

Незнакомец величественно спустился по сходням, прошелствовал между шеренгами солдат и уставился на Карпентера через заросли карликовых магнолий и осоки. Только Карпентер собрался подойти, как на том же месте, откуда исчез, материализовался Сэм. Из его разбитого лобового окна валил черный дым, камуфляжное поле больше не работало — теперь это был подбитый танк, едва вернувшийся с поля боя. Дверца с пассажирской стороны распахнулась, и из кабины спрыгнули Дейдре со Скипом, окутанные клубами дыма. Только теперь Карпентер понял, что сделали ребята, и мысленно помахал ручкой родному двадцатому столетию.

— О, мистер Карпентер! — воскликнула Дейдре, подбегая. — Мы не нарочно, кто же думал, что он сломается! Чтобы послать сигнал, прыгать пришлось далековато, иначе флот не успел бы прилететь, и вы бы погибли от бомб террористов!

— Но как же вам удалось незаметно пробраться на корабль?

— Была ночь, и мы взобрались по аварийной лестнице, — объяснил Скип. — Ерунда.

— Вы сильно рисковали.

— Вообще-то, не так уж сильно, — возразила Дейдре. — Нас не могли поймать хотя бы по той причине, что тогда нам не пришлось бы туда прыгать.

— На часах был Хью, — начал Скип. — Мы заглянули на палубу с офицерскими каютами, а он хранил себе в кресле. Дейдре точно рассчитала, сколько надо времени кораблю, чтобы прибыть сюда и успеть вас спасти. Ну, мы связались

с флотом и рассказали, где и когда нас искать. Все бы ничего, если бы машина времени не сломалась. Мне пришлось разбирать ее и чинить. Пока вы лежали раненный, я Сэма изучил вдоль и поперек, так что отремонтировал в два счета. Вот только батареи... Мы думали, их хватит на обратный скачок, но...

– Ну и что, пускай сгорели! – перебила сияющая Дейдре. – Зато теперь, мистер Карпентер, вы можете отправиться с нами на Марс.

– Почему бы и нет, – ответил Карпентер.

– Мы найдем вам отличную работу во дворце, – продолжил Скип, – и...

– Сожалею, что вынужден прерывать столь занимательную беседу, – произнес суровый голос, – но согласно уставу, все миссии должны выполняться как можно оперативнее.

Обернувшись, Карпентер впервые увидел командующего вблизи и на мгновение растерялся. Жесткость лиц террористов не удивляла, так как была вполне ожидаема. Суровый лоб, суровый нос, пара суровых скул, губы и подбородок, словно высеченные в скале. Злобные черные бусинки глаз выглядывают из двух темных пещер. И вся команда такая же – сплошь холодные, жесткие лица.

Командующий поклонился сначала Дейдре, затем Скипу. Карпентер внимания не удостоился.

– Мы никогда не встречались, Ваше Высочество, но я часто видел вас издалека. Я Горацио, капитан флагмана «Летящая звезда». Информацию об основных событиях после вашего похищения мне передали по каналам связи вместе с приказом командования прибыть на Землю точно в указанный вами срок. Тем не менее, принцесса Дейдре, я буду благодарен, если вы соблаговолите лично рассказать обо всем, что произошло с вами и братом на Земле.

Дейдре заговорила. Чем больше она углублялась в свою историю, тем сильнее краснел Карпентер, потому что речь шла по большей части о нем. По словам принцессы, то, на что он пошел ради нее с братом, было ничем иным как геройством. Он представлял кем-то вроде божества из эриданского эпоса.

– Поэтому мы просто обязаны взять его с собой на Марс, оказать ему там заслуженно теплый прием и подыскать доходную должность среди высших чинов королевства, – заключила она.

Горацио эти подвиги, похоже, совсем не впечатлили, но он, по крайней мере, заметил существование Карпентера, и грязноватые бусинки глаз повернулись в его сторону. Небрежно вставив в уши пару толковушек, он удостоил землянина надменным кивком.

Карпентер стиснул зубы, но затем напомнил себе, что офицеры марсианского космического флота, по всей видимости, воспитаны в косной кастовой системе и к тому же десентиментализированы. Так почему Горацио должен относиться к нему иначе, чем как к грязи?

– Она права насчет Марса, только я не рассчитываю на доходную должность, – начал Карпентер. – Любая работа сгодится. Как уже сказала принцесса, мой ящероход вышел из строя. Конечно, есть надежда, что я доберусь до точки входа на своих двоих и пошлю в будущее сигнал бедствия, но она призрачная.

Несмотря на их почти одинаковый рост, Горацио как-то удавалось смотреть свысока.

– У меня нет приказа забирать вас на Марс, – прощедил он.

Осенние астры детских глаз гневно вспыхнули.

– Зато теперь есть! Я приказываю вам его забрать!

– Позвольте вам напомнить, принцесса Дейдре, что, хотя

ваша номинальная власть намного превосходит мои официальные полномочия, ничьи, даже ваши, Ваше Высочество, приказы не имеют веса, пока вы не десентиментализированы. Поэтому я вынужден оставить этого человека, заслуги которого вы расписали столь сентиментальными красками, ровно там, где нашел – на той планете, где он родился – или, точнее, рождается, если верить его словам, через семьдесят четыре миллиона лет.

Дейдре вышла из себя.

– Вы же командир военного корабля! Нет приказа, так прикажите!

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Это не входит в мои полномочия.

– Тогда запросите Большой Марс.

– По столь ничтожному поводу? Я не смею, Ваше Высочество.

– Тогда я сама это сделаю!

– Об этом не может быть и речи, Ваше Высочество. Лишь экипаж корабля вправе выходить на волну флота, и то исключительно по поводу текущих операций. Пожалуйста, отойдите чуть подальше, Ваше Высочество. И вы, Ваше Высочество, – обратился он к Скипу. – После того как это разведывательное судно было осквернено пребыванием в руках похитителей, флот не может пользоваться им дальше, и я должен его уничтожить.

– Да вы просто пытаетесь скрыть, что бандиты увезли корабль у вас из-под носа! – фыркнула Дейдре.

– Пожалуйста, Ваше Высочество, – повторил Горацио, – отойдите подальше.

Дейдре взяла Карпентера за руку.

– Похоже, нам лучше послушаться, мистер Карпентер. Идем, Скип. Вряд ли то, что собирается сделать капитан, как-то навредит Сэму.

После того как Карпентер, дети и высадившиеся солдаты отошли на десяток шагов, Горацио взмахнул своей волшебной палочкой. Она сначала поголубела, затем позеленела, после чего со «шипеля» Эмпайр-стейт в корабль террористов ударили радужный луч, бесследно испарив его от носа до кормы.

Высеченные из камня губы Горацио слегка шевельнулись, изобразив что-то вроде самодовольной улыбки. Он подозревал двух солдат.

— Сопроводите Их Высочеств на борт «Звезды» и проследите, чтобы они получили каюты, достойные столь благородных особ.

— Я не сдвинусь ни на шаг, пока вы не согласитесь взять мистера Карпентера! — заявила Дейдре.

Горацио поднял мизинец на левой руке. Из строя выступили два человека и бережно подхватили Дейдре со Скипом под руки. Дети пытались вырываться, но «сопровождающие» были намного крупнее и сильнее. Карпентеру оставалось лишь беспомощно наблюдать. Горацио только дай повод, с радостью прикажет изрешетить земляшку лучами из ружей!

Ребят уже волокли по сходням.

— Ну почему вы не забрали нас на Землю будущего, мистер Карпентер? — расплакалась Дейдре. — Мы так этого хотели!

— Надо было, золотце, надо.

— Осталась одна банка куриного супа, можете послать ее в будущее! Ах, мистер Карпентер, только бы у вас получилось!

— Может, удастся починить Сэма, — добавил Скип. — Вдруг оживет хотя бы одна батарея!

— Справлюсь, ребятки, обо мне не волнуйтесь! — Карпентер повернулся к Горацио. — Оставьте мне хотя бы ружье.

– Выдавать посторонним армейское имущество запрещено.

– Так и думал, что вы откажете.

Детей уже доволокли до дверей «небоскреба».

– Прощайте, ребятки! Никогда вас не забуду!

Дейдре отчаянно рванулась из рук солдат. Ее лицо искалилось болью.

– Я люблю вас, мистер Карпентер! – прокричала она, исчезая вместе со Скипом внутри корабля. – И буду любить всю жизнь!

В глазах у Карпентера все расплылось, и он понял, что совершил ужасную ошибку. Эти дети не часть Марса – не больше, чем он сам.

Двумя молниеносными движениями Горацио вырвал из ушей Карпентера толковушки. Затем отдал своим подчиненным какой-то приказ, и те мигом ощетинились ружьями. Пропустив капитана к дверям, обе колонны двинулись следом и погрузились на корабль.

Захлопнулась парадная дверь. Эмпайр-стейт, вздрогнув, оторвался от земли. Убрались внутрь посадочные опоры, трава вокруг полегла от мощного порыва ветра. Огромное гротескное здание с двумя юными пленниками внутри зависло в воздухе, а затем взмыло в небо и истаяло, подобно утренней звезде.

Карпентер долго смотрел туда, где она исчезла. Ему виделись лица двух детей, но они были другими, незнакомыми. Время совершило скачок вперед, ребята подросли, их взгляды стали жесткими и бесчувственными, и вся та любовь, что когда-то светилась в их глазах и тронула его сердце, исчезла без следа.

Он горько повесил голову.

«Я люблю вас, мистер Карпентер! И буду любить всю жизнь!»

Оставалось взять последнюю банку супа и топать через равнину. Эй, хищники большие и малые, подходите, если желаете. Плевать, удастся дойти до фотонного поля или нет.

Земля под ногами задрожала. Ага, как по заказу!

Какая честь, по его душу явился сам владыка – славный старина тиранозавр! Бежать слишком поздно. Да и куда бежать?

– Валяй стариk, чего ждешь? Ты мой адресок давно знал!

ГЛАВА 15

Не тот ли это тираннозавр, которого поутру победил Сэм? Похож, только ходит по-другому: не вразвалочку, а вприсядку.

Трехпалые лапы не топают по земле, хоть и носят такой громадный вес. Вместо этого зверюга приближается с мерным металлическим лязгом.

И рычит он тоже необычно: низко и мягко, ни капли не кровожадно.

Тиранозавр подошел уже близко, можно было разглядеть худосочные передние лапы с пальцами-когтями. В открытой пасти виднелись длиннющие зубы. Гигантская голова на толстой, как дерево, шее, могла бы внушать ужас, но... В Эридане одиночество, на Земле будущего, если удастся туда вернуться, такое же одиночество. Так чего пугаться какой-то драконьей башки?

Карпентер поморщился, глядя на громадные, словно колонны, задние лапы. Он едва достал бы чудовищу до колен.

Не дойдя нескольких шагов, ящер остановился и, приподняв тяжелое веко, уставился на человека прозрачным водянистым глазом. Хватит на два укуса, или проглотит сразу?

Карпентер спокойно стоял, рассматривая чудовищную голову. Зверюга разинула пасть, потом еще шире... Верхняя челюсть поднялась почти вертикально, и над нижним рядом

длинных зубиц показалась хорошенъкая головка, никак не подходящая ящеру. Ба, знакомое лицо!

— Мисс Сэндз! — ахнул Карпентер и, отшатнувшись от неожиданности, чуть не грохнулся наземь.

Теперь, когда угроза смерти миновала, к нему волшебным образом вернулось желание жить. Постепенно приходя в себя, он приблизился к громадному тиранотанку и хотел было похлопать его по ноге, но рука прошла сквозь камуфляжное поле и наткнулась на гусеницу.

— Эдит, моя ты красотка!

— Как вы там, мистер Карпентер? — крикнула сверху мисс Сэндз.

— Нормально.

Рядом показалась темноволосая голова Питера Филдза, ее помощника. Парня приняли в Бюро по рекомендации мисс Сэндз через месяц после того, как там стала работать она сама.

— Мы рады, что вы живы и здоровы, — сказал Питер. — Сейчас разверну Эдит.

Он подогнал большой танк задним ходом к Сэму, после чего скинул с нижней губы тираноподобной машины трос и нейлоновую лестницу. Затем они с девушкой спустились и с помощью Карпентера взяли Сэма на буксир.

— Как вы, ребята, узнали, что я в беде? Я ведь не посыпал банку куриного супа.

— Интуиция. — Питер Филдз повернулся к мисс Сэндз. — Ну, Сэнди, похоже, все готово.

— Что ж, тогда домой. — Она робко покосилась на Карпентера. — То есть, если вы уже закончили с миссией.

Ее лицо неуловимо изменилось, но от этого не стало менее привлекательным. Наоборот, даже прекрасней, чем раньше. Карпентер, потупившись, уперся взглядом в ее коричневый полевой френч.

— Полностью, мисс Сэндз. Вы не поверите, сколько всего случилось...

— Ну, не знаю. Порой самые невероятные истории на поверхку оказываются правдой. Пойду, приготовлю вам что-нибудь перекусить, мистер Карпентер.

Она проворно взобралась по лестнице. На Мисс Сэндз были юбка-брюки в тон френчу и высокие коричневые сапоги. На Питере Филдзе — приблизительно то же самое, только вместо юбки — штаны, а вместо френча — рубашка. Карпентер поднялся по лестнице следом за мисс Сэндз, Питер замыкал тыл. Кабина водителя находилась в голове «тиранозавра», и парень сразу уселся за руль. Мисс Сэндз спустилась в жилой отсек.

— Может, приляжете, мистер Карпентер? — предложил Питер. — Выглядите совсем измотанным.

— Так оно и есть, в общем-то, — признался он.

Спустившись, он растянулся на койке. Усталость была скорее эмоциональной, чем физической: сначала прощание со Скипом и Дейдре, потом тиранозавр, который оказался Эдит. Новая встреча с мисс Сэндз...

Она еще раньше поставила греться воду для кофе, а теперь достала из холодильника копченый окорок и положила на разделочную доску. Есть Карпентеру совершенно не хотелось, но он не стал об этом говорить.

Наверху, в водительской кабине, Питер Филдз завел двигатель. Хороший он водитель, готов сидеть за рулем день и ночь. Может с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. Даже странно, почему они с мисс Сэндз еще не поладили. Оба такие красивые, что, казалось бы, должны влюбиться друг в друга с первого взгляда. Хорошо, что не влюбились... впрочем, от этого нисколько не легче.

Но почему они ни словом не обмолвились о корабле Космического флота? Ведь наверняка видели, как он взлетел.

Эдит двинулась на юго-запад к реке и фотонному полю на другом конце равнины. В задний обзор виднелся бедолага Сэм, кативший следом на буксире. В тот памятный первый день детишки сидели рядышком на водительском сиденье, ели бутерброды и запивали шипучкой, а прекрасный Эридан, зеленый от кустов и деревьев, осыпал трицептатанк розовыми дождями цветущих магнолий. Пытаясь отогнать мучительное воспоминание, Карпентер поиском глазами мисс Сэндз. Та нарезала ветчину. Он скользнул взглядом по ее сапогам и стройным коленям, виднеющимся из-под юбки. Задержался на тонкой талии, поднялся глазами к медным волосам и вновь восхитился, до чего мягко они струятся по плечам...

Странно, как темнеют с возрастом волосы. Как меняются голоса – даже у девочек...

Он вдруг замер, лежа на койке, потом спросил:

– Мисс Сэндз, сколько будет $499\ 999\ 991$ умножить на $8\ 003\ 432\ 111$?

– $400\ 171\ 598\ 369\ 111\ 001$, – рассеянно ответила мисс Сэндз¹.

Она чуть вздрогнула, затем продолжила нарезать ветчину.

В каюте воцарилась тишина, даже слабый лязг гусениц Эдит и низкое, ласковое урчание ее двигателя куда-то пропали. Только нож в руках у мисс Сэндз с еле слывшим шорохом проходил сквозь ветчину и тихо стучал по доске.

Карпентер сел на койке и спустил ноги на пол. В лицо пахнуло прохладной струей из кондиционера, но дышать

¹Правильный ответ – $4\ 001\ 715\ 983\ 469\ 111\ 001$, примерно в 10 раз больше. В тексте оригинала пропущена цифра 4 в середине числа. Скорее всего, виноват наборщик: едва ли принцесса Марса могла ошибиться. (Прим.пер.)

все равно было трудно.

Возьмите пару одиноких марсианских детишек, которые в жизни не знали, что такое любовь. Отдайте в руки террористов и отвезите на другую планету, и пусть ребят спасет от анатозавтра землянин, непохожий на их родителей и наставников, как небо на землю. Затем посадите в ящероход, который, помимо прочих достоинств, еще и огромная занимательная игрушка, устройте поездку на пикник и впервые в жизни покажите, что такое привязанность. А затем пусть детей снова схватят, а землянина ранят, когда он бросится их спасать, что даст им возможность проявить мужество и способность любить, от которых их вскоре должны избавить в том обществе, где они родились. Наконец, отберите все это, а землянина оставьте одного на враждебной равнине.

Однако же, 74 051 622 года! И планета, чье будущее для детишек – загадка!

Это попросту невозможно! Слишком невероятное путешествие.

Но так ли невозможно?

Разве мальчику, который сумел разобрать и собрать маленькую машину времени, не под силу собрать большую? Разве он не смог бы присоединить ее к космическому кораблю, если им с сестрой, как принцу и принцессе, ничего не стоит получить доступ к одному из судов? Что им тогда помешало бы преодолеть время и расстояние до Земли будущего? И разве так уж сложно было найти нужный период времени? Достаточно лишь понаблюдать за западным полушарием Земли, пока там не появится обелиск «Боже, благослови Америку».

Должно быть, они приземлились вскоре после начала строительства. И наверняка спустились в ночи, там, где легко спрятать корабль.

Они знали, что не стоит слишком сильно вмешиваться в события. Знали, что придется плыть по течению времени. В каком бы штате они ни приземлились, государство наверняка взяло их под свою опеку и отдало на усыновление. Скорее всего, ребята взяли себе имена людей, которыми надеялись стать, а потом появились и фамилии. А уж с английским у них проблем точно не было: вероятно, ходили в толковушках, пока не освоили. Дети выросли, Дейдре отучилась в колледже и стала хронологом, затем получила работу в Бюро и пристроила туда своим помощником Скипа.

Чтобы прийти на помощь своему спасителю, они проделали долгий и кружной путь.

Просто поразительно!

Знали ли они до того, как получили фамилии, что станут мисс Сэндз и Питером Филдзом? Да нет, такое знать невозможно. Они могли на это только надеяться. Как бы то ни было, их миссия преследовала одну единственную цель: выручить и вернуть своего землянина в 1998 год.

Им пришлось мириться с парадоксами времени. Мисс Сэндз могла позволить себе всякие мелочи – загрузить в Сэма дополнительные одеяла, положить в шкафчик пакеты с маршмеллоу, – но ни она, ни Питер не осмеливались сказать: «Мистер Карпентер, не надо вам в Мел-16, потому что там вас сначала сильно ранят, а потом вы вообще попадете в передрягу». Они знали: нельзя изменять то, что уже с ними случилось, придется войти в жизнь Карпентера незнакомцами.

Но так ли уж надо было строить из себя незнакомку столь упорно, как это делала мисс Сэндз? Могла бы и одарить взглядом разок-другой, как-то дать понять, наконец, что замечает.

Видно, Дейдре устыдилась той клятвы в любви, которую дала маленькой девочкой. Теперь она выросла и, вероятно,

считает, что вела себя глупо. А, может, все-таки отвечает взаимностью и все это время боялась, как бы не выдать свою любовь раньше времени?

Должно быть, в каюте наполз туман, потому что глаза уже ничего не видели.

«Щелк», – стучал нож мисс Сэндз о доску. – «Щелк, щелк, щелк».

Она уже нарезала столько ветчины, что даже тиранозавру, наверное, хватило бы перекусить.

– Я... я не так уж и голоден, мисс Сэндз, – робко подал голос Карпентер.

Мисс Сэндз положила нож на доску.

Карпентер встал.

– Мисс Сэндз...

Тут она повернулась, и он увидел осенние астры. Они смотрели точно так же, как в те доисторические ночи, когда маленькая девочка дежурила у его постели в соборе мелового периода. «Да скажи вы о своей любви, она бросилась бы вам в объятия!»

– Я люблю тебя, золотце, – сказал он.

И мисс Сэндз бросилась ему в объятия.

РАССКАЗЫ

ВОЛШЕБНОЕ ОКНО

Не знаю, что показалось мне более неправдоподобным – девушка или ее картина. Из всех художников на уличной выставке только у нее был один холст. Она стояла рядом, и вид у нее был такой, словно она боялась, что кто-нибудь остановится полюбоваться картиной... или что никто не остановится. Немного похожа на ребенка – странные голубые глаза, солнечные волосы, золотистый локон, которым играл легкий апрельский ветерок. Прелестное недокормленное дитя, изображающее из себя взрослого, в синем ба-лахоне и дурацком берете из тех, что носят художники.

Что до картины... Представьте себе широкий луг между лавандовыми холмами. По нему рассыпьте пригоршню мелких водоемов и щедро разбавьте их звездами. Подняв взгляд, вы увидите линию экзотических гор, увенчанных сверкающим снегом. А над ними небо, густо усыпанное звездами: синими, белыми, красными, желтыми. Звезд так много, что они не оставляют места для черноты.

И название под стать: «Луговые озера при свете звезд».

– Скажите... вы действительно видите? Я имею в виду звезды.

Я и не заметил, что остановился. Вообще-то живопись – не мой конек. Единственная причина, по которой я оказался здесь, – мой клиент. Уличная выставка как раз на полпути от стоянки, где я оставил машину, до его офиса.

– Разумеется, вижу, – кивнул я.

Глаза у нее загорелись – наверное, таких сияющих глаз я еще не видел.

– И луг... и озера?

– И горы. Или ты думаешь, я слепой?

– Очень многие слепы. Особенно производители подсвечников.

– Подсвечников? Их давно не производят.

– Возможно. Но эти люди все еще думают как производители подсвечников. И видят, как они. Мясники и булочники не столь безнадежны. Они хоть что-то способны увидеть. А производители подсвечников не видят ничего.

Я уставился на нее. Ее подкупающее открытое лицо портил чересчур серьезный взгляд.

– Не буду спорить, – сказал я наконец. – Мне пора идти.

– Моя картина... она вам понравилась?

В ее словах и глазах сквозило отчаяние. Отчаяние и что-то еще... возможно, лукавство?

– Боюсь, что нет, – сказал я. – Скорее, немного напугала.

Ресницы ее дрогнули – как будто быстрые облака пронеслись по чистому небу.

– Это нормально, – сказала она. – Только, пожалуйста, не говорите, что вам жаль.

Именно это я и собирался сказать. Она меня опередила. Какое-то время я стоял, мучаясь вопросом, что делать дальше. По какой-то необъяснимой причине мне казалось, что я упускаю какой-то важный момент. Не замечаю его, как последний олух, не понимаю его сути и упускаю. Коснувшись, наконец, края шляпы, я пробормотал «Всего хорошего» и пошагал прочь.

Утро выдалось бесконечно долгое и неплодотворное. Мое красноречие куда-то улетучились. Двух первых клиентов удалось раскрутить только на стандартный заказ.

Третьего – вообще ни на что. И я знал, в чем дело...

Проклятая картина!

Куда я ни смотрел, везде видел одно и то же: луг, озерца, звезды. Сознание добавило оригиналу деталей: теперь по лугу шла девушка с впалыми щеками и невозможноголубыми глазами. Эфемерная девушка в огромном, не по размеру, балахоне художника. Одна под невероятным бескрайним небом...

В полдень я встретился с Милдред. Мы пообедали в хорошем ресторане, известном только избранным. Милдред – девушка, на которой я собираюсь жениться. Она из прекрасной семьи. Ее отец – известный производитель шнурков для обуви. Он уже несколько раз предлагал мне место у себя в отделе продаж, он с радостью возьмет меня, стоит мне только заикнуться. Поскольку упомянутая им зарплата намного превышает мой нынешний доход, очень скоро я заикнусь.

Не сомневаюсь, с Милдред мы заживем душа в душу. Купим в пригороде дом в стиле ранчо, заведем детей. Засадим все вокруг туей, можжевельником и карликовой сосной. По вечерам летом будем жарить во дворе барбекю или кататься по городу на машине. А зимними вечерами смотреть телевизор или ходить в кино на свежие фильмы. Возможно, меня примут в местную масонскую ложу, а Милдред станет членом Ордена Восточной Звезды¹. Не сомневаюсь, мы будем счастливы. Возможно, с годами наша

¹ Орден Восточной звезды – парамасонская организация,чество в которой открыто как для мужчин, так и для женщин. Создан в 1850 году юристом и педагогом Робом Моррисом. Орден основан на библейском учении, но открыт для людей всех религиозных верований. Насчитывает около 10 000 капитулов в двадцати странах, а его членами являются около 500 000 человек. Женщина, чтобы вступить в этот Орден, должна быть замужем за масоном.

жизнь поскучнеет. Но счастье – это не что-то, что летает по ночам или является к тебе во двор раз в вечность. Счастье – это дом, новая машина, чувство взаимной поддержки. Это пенсионный чек, страховой аннуитет, облигация серии «Е»...

Или что-то вроде этого, говорю я себе.

Повторяю это снова и снова...

За обедом Милдред, как всегда, держалась с достоинством, говорила соответствующие моменту фразы. Я думал, что я тоже в своем репертуаре. Но, когда я оплачивал счет, Милдред многозначительно взглянула на меня из-под своих выгнутых бровей и спросила:

– В чем дело, Хол? Ты чем-то встревожен.

Я собрался рассказать ей о картине, но потом решил, что это будет пустая трата времени. Не то чтобы Милдред глуповата или ограничена. Но я не могу ожидать, что она поймет то, чего не понимаю я сам. Кроме того, упоминание о картине повлечет за собой упоминание о девушке. А мысль о том, что она подвергнется неизбежному критическому разбору Милдред, была мне неприятна.

Поэтому я сказал:

– Просто понедельник. Тяжелый день.

– Тяжелый – не то слово, – сказала она, не объяснив, что имеет в виду.

После обеда мне нужно было ехать в Эдлбери, к моему постоянному клиенту, владельцу небольшого механического завода. Он собирался производить распредел из особо твердого сплава и ему требовался совет по поводу обработки металла. Я продемонстрировал ему один из наших вольфрамовых суперрезцов и заключил выгодную сделку.

В город я вернулся поздно, почти в половину седьмого. Нужно было мчаться к себе в гостиницу, чтобы успеть принять душ, переодеться и в семь заехать за Милдред. Но я

этого не сделал. Вместо этого я свернул на улицу, где утром была выставка. Мой поступок противоречил логике: скорее всего, выставка закрылась несколько часов назад. Однако она работала. По крайней мере, частично. Один художник все еще стоял возле своей картины. Точнее, художница.

Я затормозил под знаком «остановка запрещена». Ее лицо посинело от холода, щеки, казалось, ввалились еще больше. Яркие краски «Луговых озер при свете звезд» музественно сияли в лучах заходящего солнца.

Я вышел из машины и подошел к ней. Ее глаза снова вспыхнули, на этот раз с оттенком надежды.

– Сколько? – спросил я.

– Пять долларов.

– Она стоит не меньше двадцати.

Покопавшись в бумажнике, я протянул ей купюру. Руки у меня дрожали.

– Больше покупателей не было? – поинтересовался я.

– Никто даже не остановился... кроме вас.

– Ты проголодалась?

Она помотала головой. Отцепив картину, скрутила ее в рулон и передала мне.

– Не очень, – сказала она.

– И все же давай перекусим.

– Хорошо.

Я отвез ее в закусочную в нескольких кварталах, мимо которой проезжал, когда ехал сюда, заказал два стейка, два картофеля фри и два кофе. Когда мы покончили с едой, было четверть восьмого. На свидание с Милдред я уже опоздал. Но это почему-то меня не тревожило. Я достал сигареты, мы закурили, и я заказал еще два кофе.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Эйприл.

– Эйприл, то есть, Апрель. Немного странное имя.

- Не такое уж странное. Многих девушек так зовут.
- А я Хол... Много рисуешь?
- Уже нет. Спрос на картины падает.
- Может, твои работы слишком надуманные, не для среднестатистического обывателя. Как, например, эта.
- И совсем не надуманная. Это вид из окна на моей кухне.
- Значит, ты живешь не в городе? – Надо было сказать «не на Земле». Так было бы точнее.
- Нет. Здесь я наездами. Из окна кухни я могу видеть что угодно. Вы тоже можете увидеть из своего окна все что угодно, если присмотритесь... Свое я называю «волшебное окошко».

Я вспомнил Китса из школьной программы.

- Будила тишину волшебных окон, – процитировал я. – В забытом, очарованном краю¹.

Она глубокомысленно кивнула. Серьезность ее взгляда могла бы испугать, если б ее не смягчал небесно-голубой цвет глаз.

- Да, Китс знал. И Вордсворт знал. «Бездушные, мы грязнем в мелочах»². Вы любите поэзию, Хол?

Вопрос прозвучал по-детски прямолинейно.

- Должен признаться, мне некогда читать, только утренняя газета, иногда журнал.

– И телевизор не смотрите?

– А с ним что?

- Это носитель информации для производителей подсвечников.

Так мы вернулись к тому, с чего начали.

– Собирайся, – сказал я. – Отвезу тебя домой.

¹ Джон Китс. Ода соловью (Пер. Григория Кружкова).

² Уильям Вордсворт. Не справиться нам с миром (Пер. Вадима Розога).

Эйприл жила в доме, похожем на свечку, на улице, застроенной такими же свечками. Она спросила, не хочу ли я зайти на пару минут, и я не нашелся, что ответить. Несмотря на внешность, она отнюдь не была маленькой девочкой. И все же я не мог, исходя из своего жизненного опыта, отнести ее к разряду женщин, которые приглашают к себе мужчину после короткого знакомства.

Видя, что я замялся, она сказала:

- Я покажу вам волшебное окошко.
- Хорошо, – согласился я.

Милдред уже наверняка злится на меня, так что лишняя пара минут ничего не изменит.

Квартира находилась на третьем этаже, номер триста три. В ней было четыре комнаты. Точнее, однокомнатных купе. Крошечная гостиная, крошечная спальня, крошечная кухня и такая же ванная комната. Эйприл взяла у меня пальто, перекинула через спинку стула и провела меня на кухню. Кухонька была убогая. Маленькая плита, допотопный холодильник, чугунная раковина, видавшие виды стол и стулья – и все впритык друг к другу.

Единственное окно располагалось над раковиной. Только оно здесь не создавало впечатления убогости и нищеты – возможно, потому, что состояло из двух узких створок, которые открывались наружу.

Эйприл достала из холодильника две бутылки пива, открыла и одну протянула мне. То, что у такой молодой особы в холодильнике хранится пиво, поначалу меня шокировало. Но потом я напомнил себе, что не такая уж она молодая, возможно, моя ровесница, а, может, и старше. Она уже приложилась к бутылке, и я последовал ее примеру. Потом я заметил мольберт за раковиной у стены, палитру и кисти – на буфете. Затем мой взгляд перешел на окно.

– Волшебное окошко? – спросил я.

Она сдержанно кивнула. Перегнувшись через раковину, отщелкнула шпингалеты и толкнула створки. В комнату воировался влажный ночной апрельский воздух. Я глянул через ее плечо.

Естественно, я не ждал, что передо мной откроется широкий луг с озерами, наполненными звездами, — я не настолько наивен. Но я рассчитывал увидеть что-то вроде двора или далекого парка в отдалении. Да что угодно, на чем слегка неуравновешенный человек мог бы основать свои фантазии, такие, как на картине, что я купил.

Но за окном не было ничего. Оно выходило на глухую кирпичную стену, до которой было метра три. Свет из окна ложился на нее желтым прямоугольником.

Эйприл пристально смотрела на меня.

— Я вижу там реку, — сказала она, — голубую реку. Деревья, сверкающие золотом, на другом берегу. Среди деревьев — серебристый дом с лазурными ставнями. От дома к берегу спускается посыпанная галькой тропинка. По ее сторонам растут ландыши... А вы? Что вы видите?

— Кирпичную стену, — сказал я.

Она едва слышно вздохнула. Ее взгляд стал таким напряженным, что я даже испугался.

— Попытайтесь еще раз, — попросила она.

Я попытался. Мои ладони вспотели, на лбу выступила испарина. Я понял, что страстно желаю увидеть реку, золотые деревья, посыпанную галькой тропинку... отчаянно надеюсь, что окно действительно окажется волшебным, а не просто средством для оправдания галлюцинаций.

Но я видел только кирпичи. Я покачал головой и отвернулся. Она опустила глаза, но я успел заметить, как они наполняются разочарованием. Это разозлило меня.

— С какой стати ты решила, что я что-то увижу там, где ничего нет? — спросил я. — Я нормальный человек, и этого

не изменить!

— Я могу помочь увидеть, Хол. Уверена, что могу!

Она шагнула ко мне и вцепилась в лацканы пиджака. Ее глаза на поднятом ко мне лице были огромны, а синева в них стала мрачной, как апрельское небо перед грозой.

— Не допускай, чтобы тебя засосало, Хол. Не становись таким, как остальные. В мире есть магия — невзирая на все цифры и факты... Я помогу тебе увидеть, только поверь в меня!

Я взял ее за запястья и сжимал их до тех пор, пока она не отпустила мои лацканы. Потом я вышел в гостиную и взял пальто со стула.

— Мне пора, — сказал я.

Эйприл последовала за мной в комнату. Гроза в ее глазах миновала, они снова стали светло-голубыми. И она больше не выглядела, как ребенок, скорее, как усталая пожилая женщина.

— Я больше никогда не вернусь, — тихо сказала она, склонившись ко мне, — скорее себе, чем мне. — Никогда...

Потом добавила:

— Спасибо за ужин... и за то, что купили картину. Пожалуйста, пообещайте, что повесите ее над каминной полкой, когда женитесь. И не позволяйте вашим детям метать в нее дротики.

— Обещаю, — солгал я.

Она открыла дверь.

— До свидания, Хол!

— Всего хорошего!

После этого я видел ее еще один раз. В последний день месяца мы с Милдред выбрались на вечернее шоу. Я первым вышел из машины и обходил ее, чтобы распахнуть дверцу Милдред. И тут увидел Эйприл. Она брела по тро-

туару, такая худая, что казалась призрачной, почти нереальной. Под глазами залегли тени, щеки совсем ввалились. На ней была выцветшая куртка и ей под стать юбка. В темноте мелькали голые коленки.

Меня поразило, нет, шокировало, ее одиночество. Во-круг толпы людей, улица забита автомобилями... А она бесконечно, безнадежно одинока.

Проходя мимо, она взглянула на меня, но сразу отвела взгляд. Я хотел окликнуть ее, броситься следом, остановить. Но имя застряло у меня в горле, а ноги словно одеревенели. Через мгновение она исчезла, поглощенная толпой и темнотой.

Я заставил себя пройти остаток пути вокруг автомобиля, открыть дверцу, подать Милдред руку. Рука – это все, что я мог ей дать. Мысленно я был на привольном лугу, где одинокая девушка гуляет среди наполненных звездами озер...

Следующим вечером я выбрал время, чтобы съездить к свечке, где жила Эйприл. На мой стук никто не отозвался, и я решил, что перепутал здания. Спустившись на три этажа, я отыскал управляющего и оторвал его от ужина. Управляющий подтвердил, что я ничего не перепутал, но девушка, которую я ищу, съехала вчера вечером.

– Во сколько она съехала? – спросил я.

Он вытер подбородок бумажной салфеткой.

– Примерно в полдвенадцатого.

– Понятно...

Я машинально взглянул на календарь, висевший у него за спиной. Первое мая...

Первое мая!

И тогда меня посетила безумная мысль – одна из тех, что иногда лезут вам в голову, пугая своим безумием. И тогда

вы пытаетесь немедленно избавиться от них, чтобы вернуть миру привычное равновесие.

— А вы не подскажете, когда она вселилась?

— Нужно посмотреть в книге учета.

Он подошел к старомодной contadorке, долго возился с защелкой, наконец откинул крышку. Достал оттуда лохматый гроссбух в засаленном переплете и стал осторожно перелистывать. Из кухни доносился звон посуды, квартиру переполняли запахи лука, жареного картофеля и чего-то еще, трудноопределимого. В соседней комнате грохотал телевизор.

Я обливался потом...

— Ага, вот... вселилась тридцать первого марта... Да-да, припоминаю. Подняла меня с постели примерно в полночь. Шел дождь. Она была в синем плаще с цветочками на воротнике. Поначалу я не хотел сдавать ей квартиру, потому что она пришла без багажа. Знаете, ходят тут всякие, сами знаете... Но в ней было что-то такое... А что случилось-то?

— Ничего. Спасибо за беспокойство.

...а если вы не можете избавиться от вашей безумной мысли, то делаете единственно возможную вещь: стараетесь отыскать ей разумное объяснение.

Я искал его весь обратный путь в гостиницу. Я хорошо потрудился, и, когда открывал дверь в номер, мир почти обрел утраченное равновесие. Потом я подумал о картине и сделал то, что не посмел сделать накануне вечером: достал из шкафа холст, отнес к окну и развернул.

Это было похоже на то, как карета превратилась в тыкву, а лакеи — в белых мышей.

Призрачная Эйприл не взмахивала палочкой, но ее чары — в той мере, в какой она могла накладывать их на оби-

тателей мира, разучившегося верить в чудеса, – были столь же действенны, сколь и чары сказочной крестной. И столько же эфемерны.

На холсте я увидел кирпичную стену. И больше ничего.

МЯТУЩАЯСЯ ВЕДЬМА

Когда в дверь постучали, Мелани думала о Фреде.

Точнее, она вспоминала вчерашнюю ссору с Фредом. Не первая и далеко не худшая из их ссор, но Мелани никак не могла выбросить ее из головы.

Ссора произошла из-за новой шляпки, которую Мелани купила вчера днем. Поскольку Фред в последнее время встречал ее новые шляпки, Мелани решила спрятать обновку. Но из магазина она вернулась позже, чем расчитывала, и нужно было спешно готовить ужин. И она совершенно забыла о шляпке.

Фред, видимо, сразу увидел ее, как только вошел в дверь. Мелани услышала звук разрываемой обертки, бросилась в гостиную, но было уже поздно. Фред достал шляпку из коробки и разглядывал ее с таким видом, словно это какая-то дешевка с распродажи, а не модная новинка с Пятой авеню.

– Еще один ведьмин колпак, – обреченно вздохнул он.

– Такие сейчас в моде, – сказала Мелани. – Их носят все.

– Не видел ни на ком, кроме тебя!

– А что я могу поделать, если Томпкинсвиль застрял глубоко в прошлом? И его женщины не интересует ничего, кроме детей и телевизора?

– А что плохого в том, чтобы растить детей и смотреть передачи?

– Ничего. Но я не понимаю, почему люди должны превращаться в дремучих провинциалов только потому, что

живут в маленьком городке? Почему не попытаться расширить кругозор...

— Покупая ведьмины колпаки?

Мелани не нашлась, что ответить, и в сердцах топнула ногой.

— Дорогая, четыре ведьминых колпака — это уже перебор. Люди решат, что ты мечтаешь стать ведьмой!

— А может, и мечтаю! — заявила Мелани, потом ойкнула, зажала рот ладошкой, но было уже поздно...

В дверь кухни постучали. Мелани подошла и открыла. На крыльце стоял невысокий мужчина с кротким выражением лица. Его фигуру портил большой горб.

— Доброе утро, — чеканно произнес он. — Меня зовут мистер Михельсон. Я принес вещь, которая, возможно, заинтересует вас.

Таких округлых розовых щек и таких голубых глаз Мелани в жизни не видела. Одной рукой человек снял шляпу, обнажив волосы, которые засеребрились под октябрьским солнцем. В другой руке он держал длинный черный футляр.

Мелани, как всякая домохозяйка, недолюбливала коммивояжеров. Однако в незнакомце было что-то такое, что удержало ее от того, чтобы захлопнуть дверь. Возможно — неприкрытое любопытство, с которым он ее рассматривал. Как будто высокая, стройная брюнетка, открывшая дверь, противоречила его представлениям о том, как должен выглядеть потенциальный клиент.

— Входите, — пригласила Мелани.

Мистер Михельсон вытер ноги о коврик и вошел.

Мелани с любопытством наблюдала, как он поставил футляр на попа, отщелкнул замки и открыл крышку. В первый момент она испытала разочарование — вещь оказалась

обыкновенной метлой. Потом она увидела, что метла не совсем обычна: пышный золотистый хвост и черный, гладко отполированный черенок. А когда взяла метлу в руки, то почувствовала легкое покалывание в пальцах.

Мелани несколько раз провела метлой по полу, чтобы оценить, насколько она удобна. И каждый раз после метлы оставалась полоса блестящего линолеума.

— Ничего себе! — ахнула она. — Вот уж не думала, что у меня такой грязный пол.

— Это не простая метла, — пояснил мистер Михельсон.

Мелани еще несколько раз провела по полу. И после каждого прохода линолеум блестел все сильнее и сильнее. Таким она его еще никогда не видела.

— Сколько? — спросила Мелани. — Какова цена?

— Давайте так. Сегодня я оставлю ее вам, чтобы у вас было время разобраться, на что она способна, а завтра назову цену. Я приду утром, и, если вы будете заинтересованы в покупке метлы, мы все оформим. Я принесу контр... то есть купчую, которую мне еще нужно составить. Вас устраивает мое предложение?

Было в его глазах что-то такое, отчего Мелани стало не по себе. А может, он просто морочит ей голову? Так ли уж необходима купчая для сделки вроде этой? Потом ее глаза снова вернулись к метле. Плавные изгибы рукояти и изящная припухлость золотистой метелки не могли не вызывать восхищения.

— Хорошо, — через мгновение сказала она. — В любом случае, я ничего не теряю.

— Отлично! — Мистер Михельсон захлопнул пустой футляр и повернулся к выходу.

Тогда-то Мелани и рассмотрела большой горб гостя. В нем тоже было что-то странное, в этом горбе, но что именно, Мелани не поняла.

Человек остановился на крыльце и щелкнул пальцами:

— Ах да, чуть не забыл. Завтра почтой доставят вам книгу. Своего рода бонус. Если надумаете купить метлу, книга останется у вас... До свидания.

Он слегка поклонился и надел шляпу:

— Удачных полетов!

«Какое странное пожелание, — подумала Мелани. Закрыв дверь, она наблюдала из окна, как гость широким шагом спускается к дороге и садится в голубой форд. — Какая может быть связь между метлой и полетами?»

Внезапно у нее перехватило дыхание. Метла выскользнула из пальцев. Потом здравый смысл возобладал, и она натянуто рассмеялась. Чего только не взбредет в голову!

Подняв метлу с пола, она отнесла ее в прихожую и засунула в дальний угол шкафа. После вернулась к домашним делам, от которых ее отвлек мистер Михельсон. Времени уже много, а она еще ничего не сделала. И если б только это! В одиннадцать — кофейные посиделки у соседки, а уже без четверти одиннадцать...

Мелани вздохнула. Еще одно бездарно потраченное утро... к тому же посиделки сегодня у Глэдис. Хотелось верить, что на этот раз кофе у нее не перекипит. Глэдис настолько зациклена на своем ребенке, что у нее нет времени ни на что другое. Мелани не хотелось судить ее слишком строго, но она была твердо убеждена: подошел твой черед варить кофе — будь добра отнести к этому ответственно, независимо от того, есть у тебя ребенок или нет.

Потом ее мысли снова вернулись к Фреду. Если быть честной, их брак, которому уже почти шесть месяцев, не оправдал ожиданий ни одного из них. В глазах Фреда и его голосе с каждым днем все больше недовольства. Справиваться, что его расстраивает, нет никакой нужды, все ясно и так.

Но это нечестно! О детях они договорились с самого начала, когда еще только встречались. Она не раз повторяла, что ребенка нужно заводить в том возрасте, когда начинаешь ценить детей. Абсурд, когда молодые люди, не успев опериться, связывают себя по рукам и ногам. Младенец приковывает к себе, к дому. А родители к этому психологически не готовы. Вот вам вечный источник недовольства и обид. Фред соглашался с каждым ее словом, после каждой фразы решительно кивал и лез целоваться.

Теперь она понимала, насколько несерьезно он относился к ее словам, возможно даже, посмеивался про себя, уверенный, что после свадьбы все будет по-другому. Однако ее мнение не изменилось, и она не собирается его пересматривать. Сколько бы Фред ни насмехался над ее шляпками, сколько бы ни шутил, приписывая ей мечту стать ведьмой.

Она почувствовала, как одинокая слезинка скатилась по щеке и упала на ковер гостиной...

— Войдите, — крикнула сверху Глэдис. — А-а, это ты, Мелани. Ты первая, других еще нет. Поднимайся ко мне, взгляни на этого пупса...

Глэдис кормила малыша из бутылочки.

— Разве не очаровашка? — спросила она.

Мелани остановилась в дверях детской. Ее взгляд выхватил пухлое лицико, круглый кулечек и два голубых, полных удивления глаза. Несмотря на все старания оставаться спокойной, она почувствовала, как сердце учащенно забилось, прижала руку к горлу.

Вопрос Глэдис был риторический, но условности требовали дать ответ.

— Да... — Мелани старалась, чтобы голос не выдал всплеска эмоций, — очаровашка...

– Не знаю, в кого такой красавчик, – сказала Глэдис. – Явно не в меня.

Внезапно она вскинулась.

– Кофе! Я забыла выключить кофе!

– Я выключу, – сказала Мелани и с облегчением сбежала вниз по ступенькам.

Кофе был безнадежно испорчен – по крайней мере, на вкус ценителя. Мелани разозлилась. К приходу Нины, Труди и Эллы ей удалось успокоиться, и она смогла поддерживать обычный треп ни о чем, который традиционно предшествовал главной теме. Даже внесла свой вклад.

– Как вам этот прелестный торговец метлами? – спросила она.

Все непонимающие уставились на нее.

– Торговец метлами? – наморщила лоб Нина.

– Ну да. Неужели к вам не приходил?

Судя по выражению их лиц, он к ним не приходил. У Мелани засосало под ложечкой. Но через мгновение ощущение прошло. Возможно, продавец стучал не во все двери, а выбирал по какому-то принципу? Соображений у него могло быть сколько угодно, да хотя бы простая прихоть.

– А может, вы не услышали его стук? А хотя неважно. – И она сменила тему.

До того, как происходил переход к главному вопросу, сменить тему не представляло труда. Разговор с легкостью пересkакивал с одного на другое и с другого на третье. Только главная тема не допускала вмешательства, и, если ты не мог внести в нее свой конструктивный вклад – что ж, оставайся в сторонке и помалкивай.

Мелани хорошо знала, каково это оставаться в сторонке и помалкивать. Главная тема сидела у нее в печенках. Для того чтобы разговор перешел к главной теме, нужно было, чтобы кто-нибудь произнес одно из ключевых слов. И тогда

главная тема врывалась в комнату, расталкивала локтями любые мысли и фразы и полностью завладевала умами людей. Сегодня ключевым словом стал «детский стульчик», и, прежде чем Мелани сообразила, что происходит, ее затянуло в словесный водоворот молочных смесей, подгузников и маных кашек.

Она молчала и чувствовала себя несчастной. А когда все кончилось, испытала облегчение. Если бы не Фред, она бы ни за что не вступила в этот кофейный клуб. Он настаивал до тех пор, пока она не сдалась. В тот момент ей казалось, что мужем движет исключительно забота о ней, но потом догадалась о его истинных мотивах. Вероятно, он вбил себе в голову, что, наслушавшись сюсюканья молодых мамаш, она изменит свое мнение насчет ребенка. Яркое свидетельство того, как много Фред понимает в женщинах: в женщинах вообще и в своей жене в частности.

И все же, независимо от того, нравился ли ей этот – будем называть вещи своими именами – бэби-клуб или нет, он стал частью ее жизни. С ним приходилось мириться, как и со многими другими сторонами жизни современной домохозяйки, такими, например, как пятничные наезды в супермаркет, ведение бюджета, бесконечный просмотр телерекламы и общение с коммивояжерами...

Так она снова встала перед фактом, что в районе она единственная домохозяйка, к кому приходил мистер Михельсон. Почему?

Нахмутившись, Мелани подошла к шкафу. Достав метлу, отнесла на кухню и обследовала каждый миллиметр. Естественно, она не считала, что это ведьмина метла. Еще меньше допускала, что внесена в некий список потенциальных ведьм. Но то, что не успокоится, пока не докопается до истины, она знала наверняка.

Поначалу осмотр не выявил ничего необычного. Потом в верхней части черенка пальцы наткнулись на мелкую впадинку. Когда Мелани накрыла ее указательным пальцем, в верхней части черенка вспыхнул вертикальный ряд букв. Как будто она нажала на скрытый выключатель.

В
Н
З
И
П
С

Название фирмы? Вряд ли. Компании не станут прибегать к столь сложным ухищрениям, только чтобы продемонстрировать марку. Тогда, возможно, каждая буква что-то означает. Например, «В» – ВПЕРЕД, а «Н» – НАЗАД.

Сердце учащенно забилось. Пропустив «З» и «И» – к ним она вернется позже – Мелани задумалась над двумя последними. «П» и «С»...

ПОДЪЕМ И СПУСК?

Внезапно она осознала, что у нее дрожат руки. Она учащенно дышала, как будто только что взбежала на шесть лестничных пролетов. Возможно ли, что метла может летать? Парить над домами, лесами, полями?

Она с трудом уняла разыгравшееся воображение. Как будто она и впрямь мечтает стать ведьмой! Чушь, это не так. А шляпки, отдаленно напоминающие ведьмины, она покупала исключительно для пополнения гардероба, а все не из тайного желания летать по небу и насыпать на людей порчу.

Хотя, стоит только представить, как ты отрываешься от балкона и упłyваешь прочь, прочь в лунном свете... Не для колдовских целей, конечно. Просто из интереса...

Сегодня как раз полная луна. И Фред работает допоздна. И вечером ей совершенно нечем заняться, кроме как читать или смотреть телевизор...

Хм-м-м...

На небосводе появилась луна. Мелани решила, что еще никогда не видела такой полной луны. Висящая над дворовыми яблонями, она казалась ярким сочным фруктом, который можно сорвать, если забраться на верхушку дерева.

Мелани надела черное платье в обтяжку и купленную вчера ведьмину шляпу. И вдруг ощутила, что ее потрясывает.

Наклонив метлу под углом, который казался ей наиболее подходящим, она на мгновение задумалась. Как садиться? Перекинув ногу, как всадник, вскаивающий в седло? Или на дамский манер, так чтобы ноги свешивались по одну сторону?

Наконец она решила сесть на дамский манер. Во-первых, это более подобающая поза для леди, а во-вторых, обтягивающее платье исключало альтернативный вариант. Согнув спину, она медленно приседала, пока бедра не коснулись ручки метлы. Господи, лишь бы никто ее не видел в этот момент!

Затаив дыхание, она коснулась пальцем крошечного углубления в верхней части черенка (тумблер освещения приборной панели?) и стала ждать, когда зажжется вертикальный ряд букв (приборная панель?). Через мгновение буквы В Н З И П С отчетливо засветились в темноте. Мелани занесла палец над буквой «П» и, немного поколебавшись, надавила.

Не очень-то она верила в то, что это возымеет эффект. Но все же испытала явное разочарование, когда ничего не произошло. Вздохнув, убрала палец с буквы «П» и тут за-

метила, что буква теперь горит не так ярко, как остальные. И в тот же миг Мелани почувствовала легкость и головокружение. Взглянув вниз, она увидела, что ноги ее больше не касаются балкона.

Мелани с ужасом наблюдала, как дом под ней уменьшается, превращаясь в спичечный коробок. Потом, выйдя из оцепенения, нажала на букву «С». Когда метла начала опускаться, Мелани рискнула нажать на букву «З». Метла замерла на месте. Домохозяйка на метле зависла высоко в очаровательном темном небе Томпкинсвилля.

Мелани облегченно вздохнула. Потом в порядке эксперимента нажала на букву «В», и в тот же миг, казалось, подул ветер. Потом она увидела проплывающие внизу огни города и поняла, что это не ветер дует, а она сама летит. Она снова вздохнула, наполнив грудь прохладным сладким воздухом, напоенным ароматом яблочного сидра, виноградного вина и запахом горящей листвы. Внизу все было залито лунным светом: поля, леса, холмы, автострады, туманные лощины.

Ее испуг окончательно прошел, и она решила разобраться с другими буквами. Итак, «З», как она выяснила, означает ЗАВИСНУТЬ на текущей высоте. А что означает буква «И»? После нажатия на нее ничего не произошло — по крайней мере, так показалось. Пожав плечами, Мелани отложила букву на потом. Сейчас перед ней другая, более насущная проблема — разобраться, как поворачивать. Ответ оказался на удивление прост: указываешь направление, и метла меняет курс.

Мелани пришла в восторг. Немного попрактиковавшись, она стала чувствовать себя в небе так же уверенно, как у себя на кухне.

Под влиянием внутреннего порыва она повернула обратно к городу и пролетела над конторой Фреда. Пустынные

улицы делового центра отрезвили ее. Все давно по домам, смотрят телевизор или возятся с детьми. Даже с высоты птичьего полета ночной Томпкинсвиль выглядел очень пустынным местом.

И небо тоже было пустынное... такое же пустое, как ее гостиная. Поначалу Мелани не чувствовала одиночества, но сейчас оно навалилось на нее. Далекая луна, далекие холодные звезды, а между ними пустота.

Пустота и одиночество просочились в душу Мелани. Внезапно она захотела увидеть льющийся из окон теплый свет, людей по другую сторону стекла, пусть даже возящихся с детьми... особенно возящихся с детьми. Почему бы и нет? Ведьме, даже ненастоящей, доступно многое из того, что недоступно обычной домохозяйке.

Мелани выбрала окно гостиной Глэдис. Переведя метлу в режим зависания, она заглянула внутрь. Муж Глэдис сидел на диване, держа на коленях маленького человечка. Мелани затаила дыхание. Она уже хотела отвернуться, чтобы лететь прочь, но тут ясно осознала, что ее никто не видит и она может подсматривать, сколько душе угодно, не опасаясь, что к ней пристанут с неизменным: «Ну, а вы с Фредом чего ждете?».

Мелани не знала, как долго смотрела в окно. Потом она услышала приближающиеся шаги, обернулась и увидела идущую по газону Глэдис. Та шла от дома Эллы точнехонько к висящей в воздухе Мелани.

Мелани сжалась, боясь пошевелиться. Сейчас ее обнаружат. Но Глэдис, хоть и шла прямо на нее, вела себя так, как будто никого не видела. Это было удивительно. Потом Мелани вспомнила про букву «И» на приборной панели. Она еще удивлялась, почему нажатие не произвело эффекта. Теперь она поняла, что произошло.

«И» означало ИСЧЕЗНУТЬ...

Мелани висела перед окном гостиной до тех пор, пока Глэдис не унесла малыша наверх. Тогда она поднялась к окну детской комнаты и наблюдала, как Глэдис укладывает ребенка. Наконец, когда Глэдис выключила свет, Мелани полетела домой.

Переодевшись в халат и шлепанцы, она спустилась в прихожую и спрятала метлу обратно в шкаф. Потом села на диван в гостиной, включила телевизор и стала ждать Фреда.

— Привет, милый, — сказала она несколькими передачами позже, когда в парадную дверь вошел Фред. — Ты вроде как припозднился?

Он даже не взглянул в ее сторону. Вместо этого подошел к лестнице и крикнул:

— Мелани, ты уже в постели?

— Я не в постели, глупыш, я здесь, — ответила Мелани. — Будь я мышкой, цапнула бы тебя за палец.

— Мелани! — снова крикнул Фред. Потомтише под нос: — Наверное, ушла к Глэдис... или Элле... даже телевизор не выключила.

Мелани похолодела. Она продолжала сидеть, ничего не понимая, пока Фред не подошел к дивану и не сел прямо на то место, где должна была сидеть она. Она вскочила и выбежала в прихожую. Там нашла в шкафу метлу и включила панель управления. Она заставила себя сосредоточиться. ВПЕРЕД и НАЗАД, как она поняла, отменяли одно другое, а ЗАВИСНУТЬ отменяло обе эти команды. То же самое справедливо для ПОДЪЕМ и СПУСК. А ВПЕРЕД, НАЗАД, ПОДЪЕМ и СПУСК отменяли зависание...

А как отменить невидимость?

Мелани проглотила комок в горле. Через минуту она выключила панель, убрала метлу в шкаф и вернулась в гостиную. Усевшись на диван, стала беспомощно ждать, когда Фред забеспокоится и позвонит в полицию.

Долго ждать не пришлось. В половине второго Фред уже нервно расхаживал по комнате. В два он позвонил Глэдис. Потом Элле, Нине и Труди. Наконец, произнес: «Оператор, соедините меня с полицией!». К тому времени его мальчишеское лицо сильно побледнело. Он курил сигарету за сигаретой. Мелани страстно желала подойти к нему и обнять за шею. После некоторых колебаний она так и сделала. Но он только прикурил следующую сигарету – прямо там, где должна была быть ее голова, – и продолжил расхаживать по комнате.

Час спустя прибыла полиция. Шеф отделения Дезмонд топал по всему дому, шумел во дворе. Он говорил Фреду, чтобы тот не волновался, что с его женой ничего не случилось и ее обязательно найдут. Из окон соседних домов начали высовываться соседи. Потом пришла Глэдис, следом за ней Элла. Фред продолжал курить, шеф Дезмонд – успокаивать. В конце концов, Мелани все это надоело, и она поднялась в спальню.

Она лежала в темноте на своей половине кровати и пыталась уснуть. Через некоторое время услышала, как завелась и уехала полицейская машина, а потом – шаги Фреда, стук сброшенных туфель, поскрепывание кровати и шуршание одеяла. А через несколько бессонных часов – звук будильника в предрассветных сумерках...

Мелани дождалась, когда Фред уйдет на работу, и только потом встала. У нее тлела надежда, что за ночь ее невидимость хоть немного уменьшилась. Но первый же взгляд в зеркало разрушил все иллюзии. Словно Дракула, она не имела своего отражения. А в отличие от Дракулы была еще и нематериальна.

И ничего не могла с этим поделать. Только ждать мистера Михельсона. При мысли о нем она вздрогнула.

Она не сомневалась, что он способен одним щелчком пальцев рассеять ее невидимость, но представляла, в какую цену это может ей встать.

И как ни странно, она ни разу не вспомнила о книге, о которой он упоминал, пока не услышала звонок почтальонского велосипеда и не увидела на крыльце прямоугольный пакет. Обратный адрес отсутствовал, но, судя по штемпелю, пакет отправили из Томпкинсвилля.

Дрожащими пальцами Мелани вскрыла пакет и сорвала несколько слоев упаковочной бумаги. В руках у нее оказалась солидная книга в черном кожаном переплете, озаглавленная «Справочник современной ведьмы».

В первый момент Мелани ощущала отвращение, но потом вспомнила о своей дилемме. А вдруг книга содержит какие-нибудь сведения по вопросу невидимости? Мелани открыла книгу на оглавлении и пробежалась по названиям разделов: «Десять самых важных отваров», «Как накладывать чары», «Как наслать порчу», «Как заставить пропасть молоко матери», «Как построить пряничный домик», «Как превратить повесу в лягушку»...

Разочарованная, она стала перелистывать книгу, выискивая глазами интересующие ее слова. Она почти уже потеряла надежду, когда наконец наткнулась на искомое.

Один из подзаголовков первой главы гласил:

ОТВАР № 3

Устраняет невидимость, возникшую в результате злоупотребления метлой.

Поначалу Мелани испугалась, что не сможет подобрать нужные ингредиенты. Но список оказался настолько обычным, что все нашлось у нее на кухне.

«Возможно, — подумала она, — все дело в магических заклинаниях, которые нужно повторять в тот момент, когда смесь будет кипеть».

Вскоре ее любимый стильный горшок фирмы «Ревере», наполненный всем необходимым, весело побулькивал на новомодной газовой плите. Наполнивший кухню аромат сильно напоминал грибной суп, что было неудивительно: в рецепт входило полбанки грибов.

Мелани подождала, пока смесь прокипит указанное время, взяла книгу и прочитала магическое заклинание:

На качелях – вверх и вниз
Сквозь тревожный летний бриз.
А, засыпав детский плач,
В лес беги, под дуба плащ.

Слова не несли особого смысла, но руководство предписывало повторить их двадцать раз, и Мелани так и сделала. Закончив, она налила в мерный стакан указанную дозу зелья, подождала, пока оно остынет, и залпом выпила.

На вкус оказалось вполне терпимо. Поставив стакан, Мелани перешла в гостиную и уселась в кресло.

«А может, – с запозданием подумала она, – все это уловка, и только? Не станет же мистер Михельсон бесплатно возвращать мне материальность после того, как приложил столько усилий, чтобы она исчезла? А может, вместо того, чтобы стать видимой, я превращусь в белую ворону? Или вернувшийся с работы Фред обнаружит на кухне мяукающую черную кошку?»

Но ни в кого она не превратилась, а просто продолжала сидеть в кресле, рассеянно уставившись в пустой экран телевизора – прямоугольный, ничем не примечательный экран. И все же, если повернуть его немного в сторону, так, чтобы солнце падало на него, он станет выглядеть как окно, скажем, как окно мансарды. Оно отражает лучи полуденного солнца и каждый раз, когда качели поднимают тебя вверх, отражение на миг ослепляет...

Мелани скрчилась в кресле. «Нет, – кричал ее разум, – нет!»

…вверх и вниз, вниз и вверх. Вспышки света ослепляют, заставляя щуриться. В спальне наверху – странная тишина. На дороге, ведущей к дому, появляется машина. Это доктор. Машина проезжает рядом с кленом, на ветке которого висят качели...

А потом – крик, разрушающий безмятежность летнего дня и твоих мыслей. Качели словно сами собой замедляют ход, пока не замирают без движения в тени дерева. Мансардное окно забыто, все забыто, кроме крика, медленно растворяющегося в воздухе...

Доктор вылезает из машины, и тебе хочется заглянуть в его черную сумку – а вдруг в ней твой новорожденный братик. Но доктор мягко отстраняет тебя и спешит в дом, где твой отец мерит шагами гостиную. Потом ты слышишь, как они оба поднимаются в спальню твоей матери и, ничего не понимая, возвращаешься на качели.

Вперед и назад... вверх и вниз... а потом крик...

Седьмое лето ты сидишь и ждешь, что крик умолкнет, но он не умолкает. Наконец у тебя кончается терпение, и ты убегаешь. Ты бежишь, бежишь, бежишь вниз по переулку к полосе ежевики, сквозь нее, оцарапав голые ноги, и дальше в лес, туда, где стоит огромный дуб, под которым ты всегда переживаешь все страхи и разочарования. Ты сидишь под ним всю вторую половину дня, всхлипывая и дрожа, пока на закате твой отец не находит тебя и не уводит домой.

Ты точно знаешь, что твоя мать умерла. Но она жива и держит на руках новорожденного братика. Ты боишься посмотреть на него, потому что из-за этого он начнет кричать. Все новорожденные, когда их рассматривают, начинают кричать.

Но постепенно, с годами, крик стал чем-то иным: книгами, которые, по словам матери, тебе еще рано читать; одеждой, в которой, по словам матери, ты выглядишь мужеподобно; свиданиями, с которых ты идешь домой; героем твоей курсовой «Томас Мальтус, незаслуженно забытый ученый»; добрачным дискурсом о нецелесообразности раннего материнства...

И в конце концов он превратился в тягу к ведьминым шляпам.

Окно мансарды снова превратилось в экран телевизора, а полузабытый летний день поблек и растаял. Крик окончательно стих, его сменил другой звук. Мелани выпрямилась в кресле. Кто-то стучал в кухонную дверь, негромко и размеренно...

— Так-так, — сказал мистер Михельсон, принюхиваясь через сетку ко все еще витающему в воздухе аромату отвара № 3. — Вижу, книга, которую я вам послал, успешно доставлена.

— Вы... вы меня видите? — спросила Мелани.

— Прекрасно вижу... Вы впустите меня в дом?

— Нет.

Мелани принесла из шкафа метлу, взяла с кухонного стола «Справочник ведьмы» и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы просунуть в щель эти предметы.

— Я передумала, — сказала она. — Я не хочу быть ведьмой.

— Отлично! — Мистер Михельсон достал белоснежный платочек и промокнул розовый лоб. — Но вы заставили меня поволноваться. То, как вы летали ночью... я уж было решил, что вы пропаща душа. А больше того боялся, что даже противоядие не освободит вас. В таком случае мне пришлось бы настаивать на подписании контракта. На сей счет

я связан джентльменским соглашением с моим могущественным оппонентом. Когда я использую его приемы – а в вашем случае это был единственный вариант – я должен передавать ему души, которые не способен реабилитировать. И наоборот.

– Ваш могущественный оппонент?

– Да-да. Я уверен, вы о нем слышали. Давным-давно из-за него у моего отца были большие проблемы. Уж пришлось ему с ним повозиться. Что ж... – Мистер Михельсон сунул книгу под мышку и взял в руку метлу. – Думаю, теперь с этим почти покончено.

Он спустился по ступенькам и пошел к дороге. Мелани тихо шмыгнула на крыльце и следила за ним. Тут она, наконец, поняла, что странного было в его горбе. Это не один горб, а два – по одному за каждым плечом...

– Стойте! – крикнула она.

Мистер Михельсон повернулся:

– Да?

– Могу я... как-то отблагодарить вас?

Голубые глаза чудесного гостя, казалось, заискрились.

– Вообще-то, можете, – сказал он, – если первенец будет мальчик...

Он дошел до дороги и уселся в свой синий форд. Мелани не могла оторвать глаз от гостя, ее лицо горело.

Перед тем, как завести машину, Архангел опустил стекло и высунулся наружу.

– Назовите его Майклом – в честь меня, – сказал он.

ВСЕЛЕННЫЕ

В роскошном павильоне звучат голоса гостей, шумит вечеринка. Небольшой пруд возле павильона как будто ворует звезды с неба. Я – почетный гость, меня окружают поклонницы, а я слушаю девушку, с которой только что танцевал. Она похожа на изящную вазу с подсолнухами: подсолнухи – ее волосы, васильковая синева вазы – ее платье, нежно мерцающее в пульсирующем свете. Она перескакивает с темы на тему – погода, новости, книга, которую хочет прочесть, – а я слушаю ее голос, и он взлетает над гулом, заполняющим помещение. Как будто она – единственная в распустившемся вокруг меня цветнике дев.

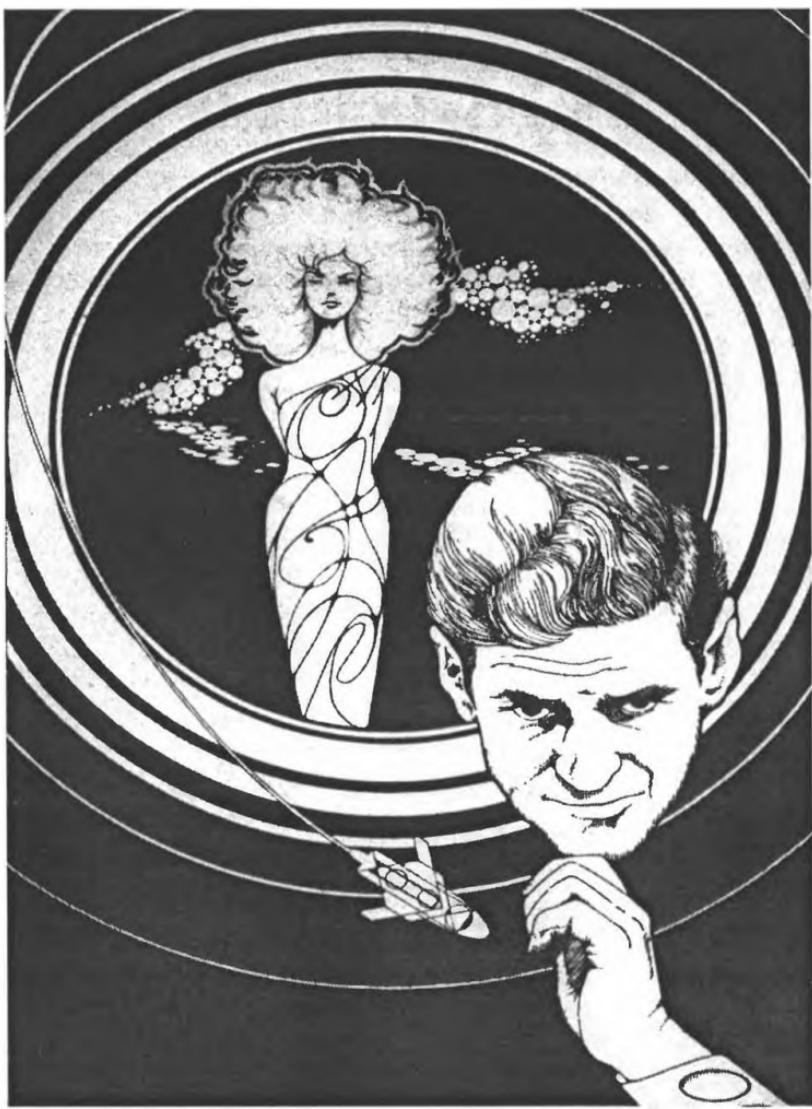
Все это для меня как чудо: танец, ночь, девушка-подсолнух. Я как тот герой из рассказа Скотта Фицджеральда, который много лет пил, не просыхая, а потом,протрезвев, увидел город новыми глазами. Мир сильно изменился с тех пор, как я его покинул. И теперь все, что я вижу, очаровывает меня. Переливчатый голос девушки-подсолнуха вселияет надежду, он – как песня, которую я часто слышал среди звезд.

Вдруг переливы обрываются, и девушка спрашивает:

– Это все в вашу честь?

– Отчасти да, – киваю я.

Прерванная песня ее голоса создает круговорот, и я вращаюсь в нем, а возле моего локтя снова возникает черная дыра – тусклый, медленно растущий диск с черным глазом

в центре. И мы падаем в него, увлекаемые адским приливом, — я, Уитерс, Баннистер, звездолет. Уитерс сходит с ума у меня на глазах. Он сидит, сгорбившись в углу модуля, прижимая ноги к груди негнущимися руками, и смотрит, смотрит, смотрит перед собой. Баннистер, обезумевший от паники, натягивает скафандр и, прежде чем я успеваю среагировать, бросается за борт.

Дальше я ничего не помню.

— Знаешь, — говорю я девушке-подсолнуху, которую зовут Вереника, — проблема в том, что я не все помню. Иногда мне кажется, что я не вырвал судно из объятий гравитации и мы ушли за горизонт событий. Каким-то образом миновав сингулярность, мы вывалились в другой Вселенной, так похожей на нашу. Эти мысли мучили меня весь путь к Земле. И, что хуже всего, обсудить это было не с кем, потому что Баннистер погиб, а живой Уитерс был ничем не лучше мертвеца, и он умер бы, не кормя я его насилино.

— Но теперь-то все в порядке? — спрашивает девушка-подсолнух. — Теперь вы уверены, что не провалились в черную дыру?

— Не совсем, — отвечаю я. — И с каждой минутой моя неуверенность растет.

Оркестр на сверкающем помосте, возвышающемся над танцполом, начинает играть старый вальс. Штраус возрожденный. Я оказываюсь на площадке, девушка-подсолнух в моих объятиях. Мы кружимся под вальс «Жизнь артиста», и музыка становится черной дырой, которая затягивает меня в незнакомое прошлое.

Девушка-подсолнух говорит:

— Я рада, что пришла, хоть и не собиралась.

Я шепчу ей в волосы:

— Я тоже рад.

Вечеринку организовал сенатор Марк Гренобль. Все го-

сти — состоятельные люди, один я нищий. Правда, уже не совсем. Меня пригласили из-за моих черных крыльев. Я с удовольствием принял приглашение. Я очарован богатыми, как когда-то Скотт Фицджеральд.

Девушка-подсолнечник рассказывает мне, что живет на горе. Должно быть, это ее собственная гора, потому что, когда вальс заканчивается, она говорит:

— Моя гора выше трех километров. Но сейчас временно я живу не там, а в гостинице в Саскуэханне. Это недалеко отсюда.

Когда вечеринка заканчивается, я напрашиваюсь посмотреть, где она живет. Она прощается с подругами и идет со мной. Мы въезжаем на полукруглый гостиничный двор, она поворачивается ко мне и говорит:

— Ты должен посмотреть мою гору. Она называется Холодный ключ. Все знают, как ее найти.

— Ты живешь там одна? — спрашиваю я.

— Сейчас — да. Завтра я возвращаюсь туда.

«Не алмазная ли это гора Фицджеральда?»¹ — спрашиваю я себя. Я часто вспоминаю Фицджеральда. На корабле была библиотека, и на обратном пути в свободное от ухода за Уитерсом время я читал. Однако я уверен, что под горой Вереники скрыт не огромный алмаз, под ней только уголь, что с точки зрения химии одно и то же.

— Я приеду послезавтра, — говорю я.

Она наклоняется, целует меня в щеку и говорит «пока». Теперь я почти уверен, что это другая Вселенная. Будь я в своей, она пригласила бы меня на чашку кофе, а потом в постель. Да, это другая Вселенная, усыпанная цветами, и

¹ «Алмазная гора» — рассказ-фантазия американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда об алмазе величиной с гору, метафорическая история о губительной силе богатства.

главный среди них – подсолнух.

Не помню как, но я возвращаюсь в дешевую гостиницу, где живу со своими воспоминаниями.

Представьте, как это могло произойти. Две Вселенные, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, очень похожие одна на другую, за исключением мелочей, соединяются между собой посредством моста Эйнштейна-Розена. Временное искажение континуума приводит к образованию кротовой норы. В каждой из Вселенных соответствующее НАСА решает осуществить пилотируемый облет соответствующей черной дыры. В каждой из Вселенных пилотируемый корабль слишком близко подходит к объекту исследования, и его утягивает за горизонт событий. Затем по мосту Эйнштейна-Розена эти корабли попадают в соседние Вселенные. В результате я оказался во Вселенной другого «я», а он – в моей.

Да, именно так все и могло произойти.

Я еду к горе девушки-подсолнуха. Ее замок на самой вершине. Я еду сквозь густой лес. Дорога ведет все выше и выше. На середине склона начинается подъездная аллея замка, такая же широкая, как и дорога. Деревья по бокам стоят ровными рядами. Молодая листва – бледно-зеленая в утреннем свете. Дикие вишни, оставленные нетронутыми, все в цвету. Словно нарядные школьницы, ждущие на обочине автобус.

Все вверх и вверх лечу я на арендованном автомобиле, и гора напоминает мне одно из зданий Фицджеральда, которое увидел пропрезвевший однажды пьяница из его рассказа. Но она гораздо, гораздо выше здания, и в своем весеннем великолепии – настоящая услада для глаз. Все вверх

и вверх лечу я, пока, наконец, не появляются ворота замка. Они открываются, и я попадаю в страну лужаек, садиков, живых изгородей и прудов. Передо мной вздымается в голубое небо огромное здание. На ступеньках портика цветет девушка-подсолнух.

После полудня мы прогуливаемся. Наш путь вьется среди кустов, постриженных в форме диких зверей, сквозь решетчатые туннели под виноградной лозой, по тропинкам между висячих цветников, похожих на сады Семирамиды.

— Мой отец хочет познакомиться с тобой, — говорит она.

— Я думал, ты здесь одна.

— Сейчас да, но вчера вечером я созванивалась с ним. Он в Испании и вернется к концу дня.

— Что он делает?

— Деньги, — смеется она.

— А твоя мать? Она не живет здесь?

— Она занята выставкой в Париже.

— А она не хочет познакомиться со мной?

— Она о тебе еще не знает. Я звонила только отцу.

Я показываю на далекую черную гору.

— Мой дед помогал чернить ее.

— Углекоп?

— Он говорил, что однажды встретил дьявола в шахте.

— И что сказал дьявол?

— Только рассмеялся. Но это в другой Вселенной, в которой я жил раньше.

— Ты все еще уверен, что прошел сквозь черную дыру?

— Да. Теперь я уверен. Вчера вечером я заходил в бар, и барменша поблагодарила меня, когда я рассчитался.

— Этого не случалось во Вселенной Номер Один?

— Никогда. Обе Вселенные не сильно отличаются друг от друга, но есть исключения. Например, ты.

- В другой Вселенной меня нет?
- В другой Вселенной все девушки – свиньи.

Ее отец – высокомерный мужчина. Он входит в дом, как Сарданапал. Седые волосы собраны сзади в хвост. Лоб и челюсть будто высечены из мрамора. Его королевское одеяние – темно-серый костюм, за который он заплатил больше, чем мой отец зарабатывал за год, а дед – за два. Но он демократичен. Пожимает мне руку, как будто слеплен из того же теста, что и я. Леонард Ламарк. Финансы. Уголь.

Уголь добывал мой дед и мой отец.

Ламарк не добывает уголь, он его транспортирует. Уголь теперь вместо нефти. Ламарк доставляет его огромными вертолетами на завод синтетического топлива. Он угольный Онassis.

– Я поддерживаю тепло в домах людей, – говорит он мне за ужином.

Какой из подносов предназначен мне? Я теряюсь. Фазан? Возможно. Я не решаюсь спросить. Обеденный зал здесь больше, чем дом, в котором я вырос.

- Как выглядит черная дыра? – интересуется Ламарк.
- Как вход в шахту.
- Вы видели сингулярность?
- К сожалению, нет. Когда нас подхватил прилив гравитации, я потерял ясность восприятия.

– Он считает, что прошел через дыру в другую Вселенную, – сообщает Вереника.

Ламарк улыбается:

- Но вас собирали в полет в этой Вселенной.
- Экспедицию могли организовать и в другой Вселенной.
- Согласен. Но я считал, что черные дыры соединяются с белыми.

- Это только теоретически.
- Ну и как, наша Вселенная похожа на ту, из которой вы прибыли?
- В общем и целом – да. Но есть различия.
- Различия, которые могли возникнуть во время вашего долгого – по земным меркам очень долгого – путешествия?
- Вполне возможно, но я так не думаю.
- Вы все еще на службе, капитан?
- Нет, я на пенсии. Полет к черной дыре обеспечил необходимый стаж службы.
- Тогда у меня предложение. Мне нужен рассудительный, здравомыслящий человек в мой диспетчерский центр.
- Право, не знаю, – говорю я.
- Двести тысяч в год. Приступите когда вам удобно.
- Право, не знаю, – повторяю я.
- Для вас это хорошая возможность. Не буду отрицать, для меня тоже. Так сказать, услуга за услугу. Средства масовой информации подхватят эту новость. Исследователь черной дыры на службе у Восточной угольной компании.
- Я самым серьезным образом обдумаю ваше предложение, – обещаю я.

Я покидаю гору, все еще чувствуя на губах поцелуй девушки-подсолнуха. Это поистине гора Фицджеральда, но я не позволю богатеям пустить меня под откос, как они пустили его.

В моем списке есть важное дело. Я должен навестить родню. Просто приехать и поздороваться. Это меньшее, что я могу для них сделать. Они живут возле шахты, где мой дед встретил дьявола. Шахта давно не работает.

Родители сильно постарели. Их вид тревожит меня. Отец выглядит как дед. Мать еле ходит на высохших ногах. Братишко годится мне в отцы. Дом, в котором я вырос, тоже

обветшал. Он требует покраски, пол на заднем крыльце провалился, на крыше не хватает черепицы. Все это я могу починить. Но как вернуть отцу его годы, а матери здоровые ноги?

Моя прежняя любовь давно замужем, у нее семеро детей, и старший сын ростом выше меня. Когда я улетал, мы понимали, что ей нет смысла меня ждать. Она вышла за моего лучшего друга, который сейчас выглядит как старик.

Я не рассказываю никому, что прошел сквозь черную дыру. Вряд ли они это поймут. Но я рассказываю им о предложении Ламарка. Они приходят в восторг.

— Только подумайте, — говорит отец. — Мой отец всю жизнь добывал уголь. Я всю жизнь добывал уголь. А мой сын будет его транспортировать.

Я буду перевозить уголь через горы и реки. Буду перемещать его над долинами и лесами. Буду доставлять его на огромные заводы синтетического топлива — символ возрождения Америки. Буду обогревать дома, питать фабрики энергией и заправлять машины топливом. Я буду следить за тем, чтобы источник жизненной силы этой цивилизации не иссякал. Я буду соответствовать требованиям прекрасной Вселенной, в которую меня забросило волею судеб.

Я возвращаюсь на Холодный Ключ и говорю Ламарку «да». Он улыбается и поздравляет меня, а девушка-подсолнух целует меня в щеку.

Ламарк везет меня на другую гору. На ее вершине не замок, а большое прямоугольное сооружение, и оно сверкает, как огромный бриллиант. Блеск исходит из тысяч окон и застекленных проемов в крыше.

Я рассматриваю просторное помещение, в которое меня приводит Ламарк. Одна стена полностью занята приборной панелью. Напротив нее — стол с приемопередатчиком и че-

тырьмя телефонами. За столом — худощавый, седовласый мужчина. Не отрываясь, он смотрит на большую светящуюся карту в центре панели.

Ламарк представляет нас. Мужчину зовут Ривз.

Затем Ламарк поочередно указывает на телефоны.

— Внешняя линия, — перечисляет он, — связь с углевозами, связь с ремонтной мастерской, связь с шахтами.

Он указывает на переливающуюся огоньками карту.

— Неподвижные белые огоньки — это шахты. У каждой свой номер. После цифры — буква, она определяет класс угля: А — антрацит, Б — битуминозный. Движущиеся номерки — углевозы. На каждом из них высокооплачиваемая бригада. Если номерок горит синим — значит, углевоз везет уголь на перерабатывающий завод. Если номерок желтый — значит, идет порожняком. Когда у шахты готов к отправке груз, ее огонек мигает. Если углевоз получает повреждение, его номер мигает. Ваша работа, капитан, контролировать, чтобы в первом случае на шахту отправляли ближайший порожний углевоз, и следить, чтобы во втором случае неисправный углевоз прошеловал в ближайшую ремонтную мастерскую.

Воздушная транспортировка угля мне знакома. Ее использовали задолго до того, как я улетел к черной дыре. Но тогда ею занималось множество независимых компаний. На сцене еще не было Ламарка-Онассиса.

Я смотрю на Ривза. Когда нас представляли, он на лишь мгновение оторвался от карты. Сейчас его взгляд снова прикован к ней.

— Не могу избавиться от впечатления, мистер Ламарк, — говорю я, — что эта работа уже принадлежит Ривзу.

— Да, это его работа... и еще двоих из вечерней и ночной смен. А вы — наблюдатель... контролер, если хотите. Вы как последняя инстанция. Все сложные решения — за вами. Ваши рабочие часы будут приходиться на дневную смену, и

вы должны присутствовать здесь пять дней в неделю. Но в случае возникновения серьезной проблемы с вами могут связаться в любое время, независимо от того, где вы находитесь. У вас будет бипер, который вы всегда должны носить с собой.

— Раньше у вас был наблюдатель?

Ламарк кивнул:

— Мой племянник. Ушел на повышение.

— Надеюсь, я вас не разочарую.

— Не разочаруете, если хорошенко запомните: мы перемещаем уголь. Это единственное, что мы делаем. Мы перемещаем его максимально быстро и максимально дешево. Если порожний углевоз находится ближе, чем другие, к готовой отгружать шахте, к ней должен лететь именно он. — Ламарк сбросил маску серьезности и улыбнулся. — И вообще, как может разочаровать меня человек, сбежавший из самой черной дыры?

Я снова вижу увеличивающийся диск и бездонную черноту в его центре. Это глаз дьявола, которым он смотрит из ада. Он тянет корабль вниз, вниз, вниз, за горизонт событий, но я уклоняюсь и нахожу кротовую нору. Через нее я прохожу в эту прекрасную, сверкающую Вселенную.

Из окна видна антрацитово-черная гора. Над ней поднимается дым — она горит. Я вспоминаю рассказ деда о том, как давным-давно загорелся целый город вслед за шахтой под ним. Случалось ли подобное в этой Вселенной? Мне кажется, вряд ли.

— Я должен подыскать жилье, — говорю я Ламарку.

— В этом нет необходимости. У меня есть дом в долине.

Завтра перевезете туда свои вещи.

Вещей у меня немного. Просторный дом полностью обставлен мебелью, так что мне ничего больше не нужно, кро-

ме личных вещей. Дом располагается в черте города, и ниже по улице есть рынок. До угольной шахты недалеко. Я вижу много людей с черными лицами. Поговорив с некоторыми из них, выясняю, что на шахте хорошо платят. Все дома в городе большие и стоят далеко друг от друга. Они не похожи на дома, о которых рассказывал мой прадед. Те дома были узкие и высокие, их разделяли сантиметры, а иногда они переходили один в другой.

Девушка-подсолнух приезжает посмотреть, как я устроился. В замке намечается вечеринка, и она меня приглашает. Я покупаю новую одежду, чтобы Вереника могла гордиться мной. На фоне того, как одеты ее гости, моя обновка выглядит шахтерской спецовкой. Но в ней я чувствуя себя непринужденно. Некоторые гости пялятся на меня, но это взгляды, предназначенные знаменитостям, а не сыновьям шахтера. Я всегда думал, что богачи – снобы. Эти не такие. Девушки наперебой приглашают меня танцевать. Подсолнуху это не нравится.

– Он мой, – с улыбкой говорит она высокой брюнетке.

Брюнетка улыбается в ответ:

– Вереника, не будь эгоисткой.

Я танцую с девушкой-подсолнухом. Я в удивительной, прекрасной Вселенной!

Я не флиртую с ней по дороге домой. В этой Вселенной так не принято. Когда мы добираемся до моего дома, уже поздно. Мы сидим в машине и разговариваем. Я чувствую ее близость, но не хочу портить романтическую атмосферу. Мы целуемся на прощание, и она уезжает.

Стоит приятный майский вечер. Вдали темнеет громада гор. Даже здесь чувствуется, как пахнут деревья на их склонах – сладкий запах зелени. И еще аромат полевых цветов.

По будням я езжу на работу. На маленьком служебном автомобиле по извилистой дороге до Центра управления.

Там мне абсолютно нечего делать. Четверо сменщиков опе-рируют приемопередатчиком и телефонами. Их смены че-редуются так, чтобы у каждого был один выходной в неде-лю. А я только стою и наблюдаю. Работа не бей лежачего, но за нее платят двести тысяч в год.

Выходные я провожу с девушкой-подсолнухом. В один из уик-эндов мы катаемся в лодке по реке. В это время года на реке хорошо. Мы прихватили с собой еды и обедаем пря-мо на берегу. Продукты выбирала она. Я не знаю, как на-зываются некоторые из них. Мой прадед прожил жизнь на картошке. Прабабушка готовила ее десятками разных спо-собов. Возможно, в этой Вселенной они жили на чем-то другом. Будь жив мой прадед, я бы спросил у него. Но он давно мертв.

Пообедав на лоне природе, мы расстилаем одеяло и ва-ляемся в тени дерева. Река течет у самых наших ног. Я при-нял решение не флиртовать с девушкой-подсолнухом, но ничего не могу поделать. По Веренике видно, что она хочет, чтобы я не сдерживался. Я изголодался по женщине за дол-гое путешествие. Моя вырвавшаяся на свободу страсть без-гранична. Вереника знает в этом толк.

— Еще раз, — говорит она. — Я хочу тебя, хочу тебя, хочу!

Дни на новой работе текут однообразно, зато ночью с горы спускается девушка-подсолнух, и мы занимаемся любовью. Я прикупил себе кресло, чтобы сидеть на работе, и теперь наблюдаю из него за черной коптящей горой. Сред-ства массовой информации именуют меня не иначе как «че-ловек из черной дыры». Мне то и дело приходится прого-нять журналистов и фоторепортёров. Я спрашиваю девуш-ку-подсолнух, не хочет ли она жить со мной, но она качает головой: нет, потому что тогда тривидение не даст нам про-ходу. Но все отлично и так. Иногда она приезжает порань-

ше, чтобы приготовить ужин. А когда не успевает, привозит еду в плетеной корзинке. Мы занимаемся любовью, а утром она уезжает в свой замок на горе.

Она приглашает меня на новую вечеринку. Я уже не та знаменитость, что раньше, но девушки с удовольствием танцуют со мной. С девушкой-подсолнухом я танцую редко. Большую часть вечера она танцует с высоким брюнетом, которого представляет мне, как Гиба Драксена. Он только что вернулся из Франции. Судя по всему, они знакомы давно. Он дивный танцор, не хуже ее, и они танцуют замысловатые адажио. Я горжусь тем, что она прекрасная танцовщица, и тем, что она любит меня. Теперь, когда у меня есть служебный автомобиль и ей больше не нужно отвозить меня домой, мы прощаемся на ступенях замка в нежном свете горбатой луны.

Я снова навещаю родню. Я уже оплатил ремонт дома. Мой отец ходит с тростью. Мне с трудом верится, что это мой отец, что он ползает в шахтах, как ползал мой дед, а еще раньше мой прадед. Мне интересно, видел ли отец дьявола. Если и видел, то никогда об этом не рассказывал.

Иногда мне становится жаль, что течение времени на околосветовых скоростях так сильно замедляет ход. Если бы не это, я бы тоже уже постарел. И не чувствовал бы себя глупо, глядя на пожилого братишку. Хотя в этом случае облет черной дыры был бы неосуществим.

Я возвращаюсь в свой дом в долине. Мне не терпится увидеть девушку-подсолнух, хотя я уезжал всего на два дня. Я жду, когда она снова приедет ко мне, но она не приезжает. Я жду несколько дней. В конце концов звоню ей. Она говорит, что в последнее время очень занята, что ей трудно выбраться, и она приедет ко мне, как только сможет. Я коротаю вечера у трубы.

Этим утром одна из лампочек, обозначающих шахты, загорелась красным. Угольная шахта 151-А. Я обращаю на это внимание дежурного диспетчера. Его зовут Бентон.

— Это просто означает, что мы должны исключить шахту из наших схем, — объясняет он. — Там что-то произошло, и производство остановилось.

— И что там могло произойти? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— Не знаю. Это не наше дело.

Язываю шахту. Отвечает почти истеричный голос:

— Обрушение пород.

— Насколько серьезно?

— Заблокировано пятьдесят два человека. Если нам окажут помощь, мы, возможно, успеем кого-нибудь спасти.

— Люди из отыкающей смены не помогут?

— Они уже в пути. Но до шахтерского городка шестьдесят километров. Они никогда не успевают. Все, чем я располагаю, это один человек и куча чертовых машин!

Я вешаю трубку. Смотрю на карту. В радиусе восьмидесяти километров от шахты 151-А — четыре углевоза. Один из них в пятнадцати километрах от нее. На каждом три человека.

Три высокооплачиваемых специалиста.

Бентон смотрит на меня. Я чувствую его взгляд и нехотя отворачиваюсь от карты. Бентон ничего не говорит. Вместо него голос Ламарка произносит в моей голове: «Мы перемещаем уголь. Это единственное, что мы делаем». И без всякой логики голос добавляет: «Двести тысяч в год».

Я гляжу на Бентона:

— Как вы сказали, это не наше дело.

В полдень звонит Ламарк и просит передать мне трубку. Хотя он не упоминает про обрушение, я знаю, что он о нем слышал.

- У вас все в порядке, капитан?
- Да, сэр.
- Никаких задержек, изменений маршрутов, заторов?
- Нет, сэр.
- Хорошо, капитан. Действуйте в том же духе.
- Да, сэр.

Я стою, глядя на черную гору. Я стою так очень долго. Потом кладу бипер на стол и ухожу.

Я еду на служебной машине по горе вниз в долину, к своему дому. Бросив ее перед входом, захожу в дом, чтобы собрать вещи. Покидав все в одну сумку, выхожу на улицу и иду в центр города. На автобусной станции покупаю билет до того места, где живут родители. Автобус подъезжает, я сажусь в него и смотрю на проплывающие мимо долины, холмы, горы.

Мать ничего не спрашивает, когда я захожу в дом. Отец тоже молчит. Я звоню девушке-подсолнуху, чтобы объяснить, что со мной, чтобы она не подумала плохого, узнав о моем исчезновении. На звонок долго никто не отвечает. Наконец, трубку берут. Женский голос произносит: «Да?». Должно быть, горничная.

– Могу я поговорить с Вереникой?

– Сейчас это невозможно, сэр. Она на вечеринке в честь своей помолвки.

Не знаю, что я произнес в ответ, но, должно быть, что-то спросил, потому что голос ответил:

– Мистер Гилберт Драксен.

Скоро они получат полное моральное право исполнять замысловатые адажио в постели.

По радио передают, что повторное обрушение пород окончательно похоронило шахтеров. Погибло пятьдесят два

человека. Я выхожу из дома и сажусь на крыльце. Смеркается. Из нашего городка тоже видно черную гору. Их много в угольном краю. Они – как памятники человеческому прогрессу.

Я не знаю, проник ли я в другую Вселенную или остался в своей, но, так или иначе, одна ничем не отличается от другой. Бедные здесь не благороднее богатых, дьявол вечно перебирает карты, и девушка, которую я оставил на Земле, ничем не отличается от той, что я встретил здесь.

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЗЕМЛЯНИНА

Я последний землянин.

Я хожу в бары якобы выпить, а на самом деле – по наблюдать за окружающими. Они не совсем люди, хотя у некоторых сохранились остатки их человеческого естества – в степени, прямо пропорциональной наполненности бокалов. Мой бокал полон. Я единственный человек. Последний землянин.

Я прихожу в бар ранним вечером, потягиваю коктейли и прислушиваюсь к своим мыслям. Бар, куда я люблюходить, называется «Огонек свечи». Там по всем стенам – подсвечники с розовыми стеклянными абажурами. Помещение совершенно квадратное, для наблюдателя это идеальный вариант. Субботними вечерами я сижу в этом баре и слежу за окружающими.

Сегодня как раз суббота, и я вхожу в бар. Мысленно представляю, как я выгляжу со стороны. Высокий мужчина с по-военному прямой выпрявкой. Время меня пощадило – ни лицо, ни фигура не выдают моего возраста. Я не брошаюсь в глаза, но и не сливаюсь с толпой. Так и должно быть: из серой мышки – неважный наблюдатель. На мне темно-синий пиджак и чуть более светлые слаксы. Поскольку на улице холодно (март месяц), на шее повязан коричневый шарф. Цвета одежды неброские, но и не блеклые. Серость предпочитает тот, кто хочет казаться невидимкой. Я не хочу, даже если иду в компанию врагов.

Еще рано, и бар заполнен наполовину. Музыканты уже собрались, но пока не играют. У барной стойки полно свободных мест. Выбираю стул рядом с девушками – их двое, и они, очевидно, вместе. Я выбираю это место не потому, что девушки без кавалеров и я намерен приударить за ними. Просто с этой точки хорошо просматривается помещение.

У одного из барменов – их трое – я заказываю «Отвертку», прикуриваю сигарету и приступаю к наблюдению.

Я последний землянин.

В самом конце Великой войны, когда произошло вторжение из космоса, я служил на далеком арктическом острове – обслуживал радиостанцию. Кроме меня там никого не было. Инопланетяне спустились со своих орбитальных звездолетов и внедрились в сознание людей. Моя оторванность от цивилизации позволила мне избежать всеобщей участи. Возможно, были и другие причины моего спасения, но это лишь догадки.

Вторжение происходило тихо и незаметно. Вернувшись на базу, я не заметил ничего, никаких изменений ни в военнослужащих, ни в жителях материкового города, возле которого база располагалась. Изменения проявились позже.

Когда война завершилась – не знаю, укоротили ее инопланетяне или затянули, – я демобилизовался и вернулся домой. Тогда-то мне и бросились в глаза перемены в людях, в первую очередь, в моих близких. Главным образом это касалось их сексуального поведения, но не только. Помнится, я списал это на войну. Да, война меняет людей и, как правило, не в лучшую сторону. Поэтому я еще долго не подозревал о присутствии инопланетян. Как, слава Богу, и они не подозревали о моей истинной природе.

Сидящая рядом девушка видит, что мне некуда стряхи-

вать пепел, и пододвигает пепельницу. Я благодарю ее. Наши взгляды встречаются.

Даже сейчас, оглядываясь в прошлое, я не могу точно сказать, когда именно пришло осознание, что я последний землянин, а разум остальных оккупирован инопланетными симбионтами, о

которых люди не подозревают. Наверное, я начал прозревать в тот момент, когда заметил растущее влияние, которое эти невидимые существа оказывают на носителей. Со временем их влияние выросло так, что человеческие нравы стали полностью инопланетными, а сами люди, по сути, превратились в инопланетян.

«Пастух у Вергилия, — писал доктор Джонсон с письме лорду Честерфилду, —

выросши, наконец познакомился с Амуром и признал в нем уроженца утесов».

Я тоже, выросши, наконец познакомился с Амуром и обнаружил, что утесы рухнули и стали его надгробием.

На другой стороне бара возникает движение. Сегодня день рождения одной из официанток, и в честь этого события на кухне испекли торт. На нем горит большая свеча с цифрой 21.

Музыканты берут в руки инструменты, певец затягивает Happy birthday to you, и все хлопают в ладоши. Официантка с сияющим лицом задувает свечу и нарезает торт тонкими ломтиками. Их передают по всему бару из рук в руки, и один из них плывет в мою сторону. Моя соседка протягивает мне торт, я говорю «Нет, спасибо», и она возвращает тарелку обратно. Наши глаза снова встречаются, и она вздыхает:

– Как хотелось бы, чтобы мне было двадцать один.

– Я думал, вам как раз столько, – отвечаю я.

И это не ложь. Хотя теперь я вижу, что ей около двадцати девяти или даже тридцать.

Человеческую сущность трудно вытравить всю, без остатка, и у некоторых инопланетян бокалы не совсем пусты. Например, у моей бывшей бокал полон на треть. Я женился вскоре после демобилизации, влюбившись с первого взгляда. Естественно, наш брак протянул недолго, но даже этот срок стал возможен благодаря необычному количеству человеческой сущности в ее бокале. Но в конечном итоге этого оказалось мало. Через пять лет она поставила точку в нашем трагическом мезальянсе.

К счастью, симбионты не умеют заглядывать в головы другим носителям и, следовательно, не могут знать,

обосновался там кто-то из них или еще нет. Они могли бы это выяснить, только переместившись в чужое сознание, но они никогда так не делают, поскольку твердо уверены, что захватили все человечество. Иногда, очень редко, они общаются друг с другом — с помощью голосовых связок и рук своих носителей, и всегда в такой манере, чтобы носитель думал, что это общается он сам.

Таким образом, симбионт, задавая кому-то вопрос, не знает точно, от кого получит ответ — от носителя или его хозяина. Именно благодаря тому, что непосредственный контакт между симбионтами затруднен, я и смог сохранить свою независимость. Моя бывшая чувствовала, что я не такой, как все, она повторяла это без конца. Но ее симбионт не догадывался, в чем дело.

К счастью, детей наш пятилетний брак не принес. И у меня нет братьев и сестер. Родителям было не до семьи, они с утра до вечера изводили друг друга. Когда они развелись, я заканчивал школу. Потом разразилась война, и я оказался в армии. После демобилизации я с родителями не встречался. И не горю желанием.

Девушка рядом (я все еще думаю о ней, как о девушке, хотя теперь знаю, что она зряла женщина) рассматривает людей удивительным способом. Она вкладывает всю себя в один короткий взгляд, потом как бы протягивает его и касается им человека. Интересно, эта способность у нее врожденная или выработанная? Подумав, я решаю, что это неважно.

Вечер набирает обороты. Все барные стулья заняты, и мы сдвигаемся теснее. Соседка рассказывает о своем четырнадцатилетнем сыне и сознается, что ей тридцать пять, а не двадцать один. Потом добавляет, что в разводе. Я не хочу озвучивать свой возраст. Она явно считает меня

молодым человеком, и я не вижу смысла разубеждать ее.

— Сестре, — говорит она, — тридцать шесть, и она тоже разведена.

Я понимаю, что сидящая рядом с ней девушка — ее сестра, и замечаю сходство между ними. Черные волосы сестры искусно уложены. Она стройная, статная, необыкновенно притягательная брюнетка. Моя соседка тоже стройная и статная, но у нее каштановые волосы и кроткое выражение лица. Я точно знаю, что выражение это — фальшивка. И все же, эта инопланетянка привлекает меня больше, чем остальные из ее вида. Где-то в глубине моего разума, в предназначенному для размышлений холодном клиническом отделении, которое пока не поддалось действию спиртного, вспыхивает красная лампочка.

Вспыхивает и гаснет. Вспыхивает и гаснет. Вспыхивает и гаснет.

То, что я за столько лет не выдал свою истинную сущность, объясняется двумя причинами. Во-первых, я не знал, что я — последний землянин. Во-вторых, я не подозревал, что все, кроме меня, инопланетяне. Так что я ни с кем с себя не сравнивал и вообще ни о чем таком не думал.

Опасность выдать себя возникла только после прозрения. Поэтому я ношу оружие, чтобы при необходимости уничтожить себя — прямо или косвенно. Я вынужден постоянно контролировать себя, чтобы не проговориться или не втянуться в спор, который бы затронул больные для меня темы.

Теперь мы с моей соседкой сидим совсем близко. Курим, разговариваем, прихлебываем из бокалов, смеемся и часто смотрим в глаза друг другу. Красная лампочка в клиническом отделении продолжает вспыхивать. Вспыхивает и гаснет. Вспыхивает и гаснет.

У барной стойки позади первого ряда выстроился второй, и три бармена крутятся волчком, выполняя заказы. Музыканты добавили громкости, и теперь голоса и смех перемешаны с музыкой.

Лампочка вспыхивает и гаснет. Вспыхивает и гаснет. Вспыхивает и гаснет.

До сих пор мне удавалось скрывать свою истинную природу, но я боюсь, что когда-нибудь по неосторожности разоблачу себя. Дело в том, что я наблюдаю за инопланетянами в той обстановке, где их бдительность притупляется. Кроме того, единственный способ следить, не привлекая к себе внимания, – вести себя, как они. Поэтому я часто выпиваю больше, чем положено, из-за чего опасность сболтнуть лишнего сильно возрастает. Это меня тревожит – спиртное часто лишает меня обычнойдержанности и заставляет испытывать чувство единения с этими морально переродившимися существами, маскирующимися под людей.

Еще больше тревожит меня моя склонность впадать в невменяемость после определенного количества спиртного. Часто наутро после затянувшегося наблюдения я не могу вспомнить, что делал, что говорил и даже как попал домой.

Позади второго ряда выстраивается третий. Это опоздавшие, и у них нет шанса дождаться места у стойки. Им только и остается, что стоять и глазеть на происходящее перед ними. Третий ряд меня не тревожит. Остерегаться следует второго, а точнее, той его части, что у меня за спиной. Беда в том, что я все время забываю о «длинных ушах» и, только отлучаясь в туалет, вспоминаю об их присутствии. Девушка охраняет мое место, пока меня нет, а я охраняю ее место, когда уходит она. Удобный и приятный негласный договор.

Я заказываю напитки для себя, девушки и ее сестры. Пока я общаюсь с барменом, соседки переговариваются между собой. Сестра цинична и превратно истолковывает мои намерения.

— Мужчина видит в женщине только ее задницу, — говорит она так, чтобы я услышал.

По взгляду, который она бросает в мою сторону, я понимаю: она рассчитывает, что слова шокируют меня, и совсем недавно так бы и случилось. Но сейчас я смотрю на нее без всяких эмоций. Сигнальная лампочка в клиническом отделении моего разума все еще вспыхивает, но вспышки уже не такие яркие и их частота падает. Так бывает, когда разряжается батарейка.

Называть «вторжением» поглощение инопланетянами людей Земли не совсем корректно. «Вторжение» означает согласованные, организованные действия с целью захвата чужой территории. Поглощение человеческой расы — нечто иное.

Чтобы упростить понимание истинной природы произошедшего, я придумал аналогию. Военный флот бросает якорь возле первобытного острова в южной части Тихого океана. Адмирал отпускает в недельноеувольнение на берег ровно столько солдат и сержантов, сколько может расквартироваться на острове. Остальных вносит в список ожидания. Их отправляют на сушу, когда для них появляется жилье. Моряки накатывают на берег, как волны, одна за другой, и через несколько дней остров по сути принадлежит им.

Остров в нашем случае — это Земля. Флот — армада космических кораблей, прибывшая из глубин космоса. Жилье — люди в качестве носителей. А моряки — крошечные двуполые симбионты, жаждущие совокупления, но способ-

ные к нему лишь опосредованно. Их недельный отпуск равен нашему столетию, если не больше. Как и все матросы, они в увольнении настроены агрессивно, ведут себя безответственно и склонны к злоупотреблению спиртным.

Это не совсем точное описание произошедшего – пути инопланетных существ, в силу их не до конца ясной природы, неисповедимы. Но, по крайней мере, моя аналогия уменьшает произошедшее до тех размеров, которые способен охватить разум человека.

Сестра девушки замечает, что мужчин нельзя всерьез обвинять за их отношение к женщинам, как и женщин – за их отношение к мужчинам.

– В конце концов, – говорит она, – что есть в жизни еще, кроме секса?

Мне вспоминается ответ Хемингуэя на вопрос, почему он больше не хочет жить. И я озвучиваю его слова настолько точно, насколько могу вспомнить.

Несмотря на то, что поначалу носителей было недостаточно, чтобы «отправить в увольнение» весь личный состав флота, резкий рост популяции после войны значительно снизил дефицит «жилья». И теперь, в 1973 году от рождения Христова, большинство «моряков» получило увольнительную. Если размножение людей продолжится теми же темпами – а оснований полагать, что это будет иначе, нет – носителей однажды станет больше, чем «моряков». Но я не думаю, что это произойдет при моей жизни. В некотором – извращенном – смысле я даже надеюсь, что этого не произойдет. Потому что быть последним землянином, возможно, не такая уж завидная участь, но никакой другой я не знаю.

Когда я думаю о симбионтах, кое-что смущает меня. Совершенно очевидно, что симбионты – такова уж их природа – не могут существовать вне сознания носителя или вне специализированной среды на своем корабле. Или могут, но строго ограниченное время. Тогда что делает симбионт, когда умирает его носитель и паразиту приходится дожидаться другого? Возвращается на корабль или перемещается во временное «жилье»?

По-видимому, возвращается на корабль. Человеческий разум не способен умещать двух инопланетных моряков дольше нескольких секунд, а, если не брать в расчет неполноценные умы человекообразных созданий, других подходящих «жилищ» на планете нет.

В общем, Хемингуэй сказал следующее (а может, ему это приписывают): зачем жить, если не можешь нормально работать, наслаждаться едой, выпивкой и сексом? Это отчасти совпадает с тем, что говорила сестра девушки, и она польщена, что ее убеждения разделяет такая выдающаяся личность.

Получается, я косвенно дал понять, что тоже поддерживаю принцип «Секс – это все». А поскольку этот тезис идет вразрез с моими убеждениями, и я поспешно вношу корректизы.

– Секс играет важную роль в жизни человека, это естественно, – говорю я обеим сестрам. – Но совершенно не естественно, когда эту сторону жизни раздувают до небес и носят, как флаг, по улицам под крики «Аллилуйя!».

Тут я замечаю перед собой два бокала «Отвертки» и делаю паузу, чтобы прикончить их. Все вокруг начинает плыть, розовые светильники разгораются ярче... Небольшое пространство, в котором находимся мы с двумя сестрами, незаметно становится центром помещения, центром

Земли, центром Вселенной. Есть только этот крошечный розовый атолл – все остальное, расплываясь, уходит куда-то в бесконечность, колышась, как тихо и бессмысленно бормочущее море. Сигнальная лампа в клиническом отделении моего разума напоследок вспыхивает и гаснет. Все вокруг замирает. Как будто время остановилось. Но, остановившись в одном смысле, оно продолжает неумолимо бежать в другом...

Сестры уставились на меня. «Длинные уши» придвинулись ближе. Но я не снижаю голос.

– Человеку несвойственно рассматривать секс, как самоцель, – громко говорю я. – Секс осмыслен, только если благословлен любовью. Но человеческая раса растоптала любовь. Она обезглавила ее, отsekла ей правую руку. Люди променяли свои истинные ценности на ценности пьяных космоматросов. А Землю превратили в космический трактир. Да и сами стали инопланетянами...

Я замолкаю, переводя дыхание.

Сестры надевают пальто и сообщают, что идут в другой бар. Благодарят за удовольствие, полученное от разговора со мной, но не приглашают присоединиться к ним. Тогда я приглашаю себя сам. Добираюсь до дверей, выхожу и вижу, что они уже на другой стороне улицы садятся в автомобиль. Я смотрю, как они уезжают, чувствуя себя полным идиотом. Потом сажусь в свою машину и чудом проезжаю десять километров до многоквартирного комплекса, в котором живу. Преодолевая усталость, поднимаюсь по лестнице к себе. Добравшись, наконец, до спальни, раздеваюсь, падаю на кровать, выключаю свет и проваливаюсь в сон.

Утро приходит вместе с головной болью. Проснувшись, я некоторое время лежу с закрытыми глазами. События вчерашнего вечера прокручиваются в голове, как старое кино.

Когда фильм доходит до того места, где я опрокидываю в себя две рюмки водки, изображение начинает мерцать. Через секунду фильм обрывается.

Я заставляю себя открыть глаза. Часы на тумбочке показывают 10:25. Позднее утро. Комната залита солнечным светом. Я встаю с кровати, умываюсь, одеваюсь и иду на кухню. Наливаю воду в кофейник. Пока он закипает, снова прокручиваю в голове фильм. И снова он обрывается на том же месте.

Я перехожу в гостиную и выглядываю в окно. Выпавший ночью снег тонким слоем лежит на сухой траве и припаркованных авто. Мой автомобиль стоит на своем месте, на равном удалении от соседних машин. Это немного успокаивает меня.

Я снова прокручиваю в голове фильм. И снова он обрывается на том же месте. У него есть звуковое сопровождение, правда, невысокого качества. Но в финальной сцене я говорю громко, поэтому мою речь можно разобрать. Я сравниваю секс с флагом. Ради всего святого, что я говорил дальше?

Ради всего святого! Ради всего святого! Ради всего святого!

На исходе брака жена обвинила меня в злоупотреблении спиртным, и, чтобы ее успокоить, я записался на прием к психотерапевту. После долгих расспросов тот сделал вывод: мое пристрастие к алкоголю возникло после того, как я вздвинул барьер из страха и недоверия между собой и остальным миром. А большие количества алкоголя позволяют мне пробить в нем временную брешь. Психотерапевт объяснил, что я неспособен выстраивать серьезные отношения, но периодическая потребность в них заставляет меня пробивать в барьере брешь. Проще говоря, я пью из-за того, что по-

давляю в себе потребность в любви. Мою проблему, по его словам, усугубляет ханжеское отношение к сексу, которое у меня выработалось в юношеские годы и наложилось на совершенно нормальное половое влечение.

Он порекомендовал мне групповую терапию. С тех пор я обхожу его стороной.

В полдень я заставляю себя съездить в торговый центр за воскресной газетой. По дороге посматриваю в зеркало заднего вида: нет ли слежки? Кажется, я слишком мнителен. Даже если я и выдал себя накануне, мне ничто не угрожает со стороны симбионтов, уже имеющих носителей. Но я ничего не могу с собой поделать.

На крышах и капотах припаркованных автомобилей и вдоль бордюров еще лежит снег. Небо чистое и голубое. Я быстро покупаю газету и спешу домой. Вернувшись, бросаю газету и включаю телевизор. Каждый раз, когда снизу доносится звук мотора, я бросаюсь к окну – мне кажется, что это приехали за мной. Я продолжаю убеждать себя, что никому не нужен, но это не помогает.

К полудню становится очевидно, что вчера я себя не выдал, иначе бы в мое сознание кто-нибудь уже вселился. Весть о моей доступности быстро донеслась бы до флота на орбите, независимо от того, каким видом связи пользуются симбионты. Какой-нибудь моряк – либо ожидающий своей увольнительной, либо недавно потерявший носителя – был бы проинформирован, что я публично поставил под сомнение свою инопланетность, и его бы приписали ко мне.

Но смог бы я почувствовать его присутствие? Или воспринял бы – как все до меня – свои новые знания как нормальные, а старые – как ненормальные? Более того, разве это не уравновесило бы мое восприятие его и его расы?

Разве не сохранило бы в памяти сказанные вчера слова, чтобы в случае чего я смог объяснить их или развенчать?

Нет, никакого симбионта во мне нет. Иначе бы я не сидел здесь, гадая, что наговорил вчера вечером, и не беспокоился о том, что могу стать инопланетянином.

Долгие годы после осознания захвата Земли я пытался оценить обоснованность моих выводов. В безупречности своей аргументации я не сомневался. Но без веских доказательств истину, собранную по крупицам, можно было классифицировать только как гипотезу. Хотя моральное вырождение, охватившее после войны человеческую расу, никак иначе объяснить нельзя.

Первое доказательство появилось душным июньским полднем 1970 года в виде инопланетного флагмана, спустившегося из космоса. Не знаю, зачем это ему понадобилось. Он устрашающе парил в небе, примерно в километре над землей, темный, бесформенный, весь в языках пламени. А на полнеба за ним извивался радужный флаг инопланетян.

В течение четверти часа фрегат висел в небе, а потом исчез – так же внезапно, как появился. Видевшие его люди – мои оккупированные современники – отнесли его к разряду необычных природных явлений. Впрочем, они не сочли бы его доказательством вторжения, даже если бы захотели.

Инопланетный корабль появился и исчез, и только я, последний землянин, засвидетельствовал это событие.

До середины дня я не притрагиваюсь к спиртному. Потом приношу в гостиную бутылку и держу возле себя, чтобы не отлучаться от телевизора. К полуночи начинаю дремать, а когда просыпаюсь, экран уже пуст. Я смешиваю стаканчик крепкого, чтобы поддержать себя остаток ночи, про-

веряю, заперты ли двери, и иду спать.

В страховом агентстве, где я работаю, день тянется ужасно медленно. Когда он, наконец, заканчивается, я покупаю упаковку пива и спешу домой. Вечер провожу с пивом у телевизора. Ни на что другое у меня нет сил. Прикончив последнюю бутылку, иду спать.

Ко вторнику мне становится лучше, и старый фильм, за исключением пары несвязанных сцен, улетучивается из памяти. В среду возвращается моя обычная уверенность. Но провалы в памяти безжалостны – мне никак не узнать, что я сказал в тот вечер. И все же я абсолютно уверен, что ничем себя не выдал.

Четверг и пятница пролетают незаметно. Я снижаю лимит до двух бутылок пива на вечер. В субботу утром валяюсь в кровати, а вечером паркую машину у бара «Огонек свечи». Я в предвкушении приятного вечера наблюдения.

Открываю дверь бара, и меня поражает неожиданная мысль. В этом заведении меня хорошо знают, но не по имени, а только в лицо. Возможно, симбионт для меня назначен, но он не может меня найти. Он ждет, когда кто-нибудь укажет ему на меня!

А самое страшное, он ждет в этом самом зале, куда я собираюсь войти.

Многолетние наблюдения за инопланетянами позволили мне сделать несколько важных выводов. То, что носитель может вмещать двух симбионтов не больше двух-трех секунд – один из них. Впрочем, точно этого я не знаю. Так же как и другие мои выводы, этот – вынужденное допущение.

Очень может быть, что прямо сейчас я лезу в ловушку.

Тем не менее, я отбрасываю страх и смело шагаю вперед.

В дверном проеме я замираю.

У барной стойки сидят две сестры. Неподалеку от них – мужчина, который в прошлый раз стоял у меня за спиной. Все трое сидят лицом к двери.

Но я останавливаюсь не из-за этого.

Я останавливаюсь из-за того, что они указывают на меня.

Я начинаю поворачиваться, собираясь ретироваться. И в этот момент замечаю, что нечаянно впустил в открытую дверь большого черного пса. Сестры и мужчина указывают на него, не на меня.

Я чувствую себя полным идиотом.

У всего есть свой предел. В своей безрассудности человек может забраться очень высоко. Наконец, дойдя до предела, он натыкается на какой-нибудь банальный предмет, теряет почву под ногами и, кувыркаясь, летит вниз.

Другого варианта я не могу представить.

В моем случае банальный предмет – барный зал. Самое обычное помещение, в котором самая обычная троица указывает на самого обычного пса, которого посторонний случайно впустил в бар. В зале есть другие люди, но они здесь вообще не причем.

Заурядность сцены делает свое дело. В том или ином виде она разыгрывалась миллионы раз. Возможно, поэтому «последний землянин» не вписывается в нее.

Кирпич за кирпичом, один нелепее другого, я собирал гротескную конструкцию, чтобы разумно объяснить мою неспособность солидаризироваться с человеческой расой и приспособиться к изменениям. И вот теперь она разваливается вокруг меня. В этот разрушительный момент я вижу истинного себя: стареющий мужчина, не вкушивший прелестей жизни, потерявший ориентиры в быстро меняющемся мире, отчаянно цепляющийся за отжившие ценности, которые он боится таковыми признать, создающий космиче-

ские корабли из грозовых туч, инопланетян – из людей с неприязненным взглядом, страхи – из глубин похмелья.

Когда я, потрясенный, поворачиваюсь, чтобы уйти из бара, я вижу, что пес сидит у моих ног и внимательно смотрит на меня. Его золотистые глаза полны разума.

Исподволь этот разум протягивается ко мне и обволакивает меня, прогоняя отчаяние...

Животное тихо скунит, бросается вон и исчезает в темноте. Я закрываю за ним дверь. Неторопливо подхожу к стойке бара, сажусь возле девушки с каштановыми волосами и заказываю напитки себе, ей и ее сестре.

Они благодарят меня, но по их ледяным взглядам видно, что они не рады мне. И я их не осуждаю. После всего того, что я наговорил в прошлую субботу – о взглядах инопланетян, о растоптанной любви, о людях, живущих как пьяные матросы... Должно быть, это было временное помешательство.

Но сейчас я в здравом рассудке и твердой памяти. Чтобы доказать это – и сестрам, и самому себе, – я заигрываю с каштановолосой.

– Как я и говорила, – заметив мои попытки, торжественно объявляет черноволосая, – мужчины видят в женщине только ее задницу!

– А на что там еще смотреть? – спрашиваю я, и ее взгляд теплеет.

Будущее, теплое и гостеприимное, распахивается передо мной, словно долина, согретая солнцем. Любовь выходит из гущи зарослей и приветливо машет мне. Нет, она не умерла, разве что изменился ее внешний вид: у нее копыта, поросшие шерстью ноги, и на лбу проклевывается пара рогов.

БУРЯ НАД СОДОМОМ

Последние полчаса Нина все придвигалась к Коллинзу, и, наконец, их плечи соприкоснулись. Джоан тоже не терялась: она уже давно сидела к нему близко-близко, но по другую руку. Бедфорд по ту сторону костра смотрел на нервно пляшущие языки пламени и делал вид, что ничего не замечает.

Коллинз, распираемый самодовольством, фонтанировал шутками и бодрыми речами.

— А ведь все могло быть гораздо хуже, — вещал он. — Представьте себе, например, что нас выжило не четверо, а трое. Как вам такое: один мужчина и две женщины, или, наоборот, двое мужчин и одна женщина? Не то чтобы я хотел все свести к сексу, но тут явно бы образовалась проблемка!

— Точно, — кивнула Нина. Ее карие глаза смотрели на Коллинза с благоговением.

— Да уж! — фыркнула Джоан, не сводя голубых глаз с его лица.

Красивого лица, что даже Бедфорд вынужден был признать. Ясные серые глаза, прямой нос, твердый подбородок с ямочкой, как у Кэрри Гранта. Но Бедфорд знал — не только внешность делает Коллинза столь неотразимым. Если что, то и сам Бедфорд вполне недурен. Привлекательность же Коллинза зиждалась на других качествах. Таких, как дух товарищества и чувство локтя, чем Бедфорд точно похва-

статься не мог. Коллинз был горяч и полон жизни, Бедфорд — холоден и суров. В ясных серых глазах Коллинза читался весь бесхитростный ход его мыслей, а то время как холодный голубой взгляд Бедфорда служил, скорее, щитом, скрывающим разочарование, многоопытность и цинизм.

— Но, если говорить прямо, — продолжил Коллинз развлекать компанию, — чего еще могут желать четверо выживших? У нас хватит еды до тех пор, пока мы не начнем выращивать ее. У нас есть временные укрытия, палатки, и в них мы продержимся, пока не построим нормальные дома. Кто знает, возможно, здесь будет новая колония. Новая Земля или Новая Америка!

«Вот же идиот, — подумал Бедфорд. — Неужели не понимает, к чему все идет?»

Он рывком поднялся.

— Пойду еще раз гляну на шлюпку, — сказал он и скрылся в темноте.

Он знал, что ведет себя глупо, ревнуя женщин, на которых пару дней назад даже не взглянул бы. Но на его глазах опять разворачивался старый банальный сценарий, с которым он в обычных условиях сталкивался так много раз, что можно было уже выработать иммунитет. А ведь он думал, нет, надеялся, что сейчас, в этой невероятной ситуации, древнее чудовище — ревность — не посмеет поднять свою уродливую башку.

Но что за ирония судьбы! То, что в спасательную шлюпку за несколько минут до крушения «Анаксагора» забралось четверо человек примерно одного возраста — уже само по себе удивительно. Но люди еще и четко разделены по половому признаку — двое мужчин, двое женщин — а это вообще подобно чуду. Явное божественное вмешательство! Если их четверка обречена провести остаток жизни

на чужой и, очевидно, необитаемой планете, совершенно ясно, что два плюс два – идеальное решение. Две пары, у каждого мужчины своя женщина, а у женщины – свой мужчина, так что будущим поколениям нечего тревожится из-за инцеста.

Но древнее чудовище смешало все карты, разрушив божественный замысел. Схема полностью изменилась. Две женщины для одного мужчины, и ни одной – для другого. Бедфорд понимал, что все не так безнадежно. Рано или поздно ему все равно достанется одна. Впрочем, от этого не легче: он знал, какая именно достанется – та, что быстрее надоест Коллинзу.

В небе загорелись звезды, на востоке всходила маленькая желтая луна. Издалека доносились отрывистые звуки, похожие на собачий лай. Светлячки мерцали в темноте, озаряя ее разноцветными огоньками. Насекомые выводили странные песни в ветвях неизвестных кустарников.

Спасательная шлюпка покоялась на вершине холма, ее антигравитационные баки расплющились и вдавились внутрь из-за жесткой посадки. Починить их не представлялось возможным, так что у Бедфорда не было никаких причин лезть на холм, чтобы осматривать их снова. Впрочем, на то, чтобы стоять в свете звезд и глядеть в небо, причин у него тоже не было. Никаких, кроме гордости.

Возвращайся назад, к костру, говорил ему голос разума. Будь мудрее. Ситуация непременно улучшится. А сейчас ты мало что можешь сделать. Некоторым мужчинам дано, некоторым – нет.

Но голос разума и раньше говорил ему много вещей, и не все из них были верными. Если бы в детстве он слушал не учителя, а голос разума, то верил бы, что земля плоская, облака – сладкая вата, а звезды – фонари на небесных улицах. А прислушивайся к нему сейчас, был бы твердо уве-

рен, что через два-три дня, максимум через неделю, спасатели обязательно заметят, не могут не заметить, такое крупное небесное тело, как Экулеус-VI¹.

Черт возьми, как бы не так! Штурман мертв, так что нет смысла проклинать его за сделанную ошибку. А между тем, это был ляп вселенских масштабов, и шансы на то, что спасатели обнаружат затерянную вдалеке от космических маршрутов планету, стремятся к нулю. И еще эта радиационная буря, из-за которой погиб «Анаксагор». Буря все еще бушует в системе Малого Коня, так что любой корабль, материализовавшийся вблизи от нее, наверняка тоже потерпит крушение.

Бедфорд, сам того не желая, снова поднял глаза вверх и уставился на звезды. Работа межпланетным корреспондентом в «Галактических новостях» забрасывала его в самые разнообразные миры, и в далеких созвездиях он вряд ли мог открыть для себя что-то новое. И все равно, он без устали рассматривал их. У него даже была такая игра — понять, на что похоже то или иное созвездие. Звездный узор на восстоке привлек его внимание — типичный женский профиль. Бедфорд быстро отыскал другое созвездие — далеко на севере. Оно напомнило ему женскую ногу.

Он опустил глаза, вытащил пачку сигарет и закурил. Руки дрожали. Ночь была теплая и немного влажная. Чувствовалась близость моря, над лесами и долинами дул легкий ветер. Теперь, когда солнце село, ветер скоро стихнет и прохладный свежий воздух опустится со вздыхающих за прибрежной полосой заснеженных гор. Прекрасная ночь... особенно если проводишь ее в одиночестве!

Бедфорд со злостью швырнул окурок в темноту. Собственная злость раздражала его своей беспочвенностью. Во

¹Экулеус — другое название созвездия Малый Конь

время полета он, можно сказать, вообще не задумывался о существовании Нины и Джоан. То есть, он видел их, но мельком. И не то чтобы они выглядели непривлекательно — нет, скорее, наоборот. Просто для него «Анаксагор» был не больше чем рожденный для космоса фрагмент Земли, а на Земле полным-полно привлекательных женщин. И даже если у тебя есть соперники, любовь всегда можно купить.

Там, на Земле, можно. А здесь за нее надо бороться. Но как, если у тебя нет нужного оружия? Как, если у тебя внешность Сирано де Бержерака, а твой соперник — Адонис? Это все равно, что с голыми руками выходить против автомата.

«Ну да ладно, — решил Бедфорд, — в конце концов, здесь есть город».

Они видели его вдалеке незадолго до крушения шлюпки. Город казался мертвым, но ведь есть шанс, что это не так. Собакоподобные существа, которые то и дело подбегали к их лагерю, — аргумент в пользу того, что в городе живут люди. Без сомнения, этих животных кто-то когда-то приучил, а одомашнивание животных — прерогатива исключительно человека.

Но что если город мертв? Что тогда? Бедфорд пожал плечами. Да ничего. Хуже уже не будет.

Он начал спускаться вниз к лагерю и костру. Завидев высокую фигуру человека, поднимавшегося к нему навстречу, остановился, поджидая, в темноте.

Коллинз тяжело дышал, подъем дался ему нелегко. Прежде, чем заговорить, он перевел дух.

— Хотел немного подышать свежим воздухом, — сказал он наконец.

— Ты лез сюда только ради воздуха? Что-то не верится, — холодно заметил Бредфорд.

— Верно, не ради воздуха. Я хотел поговорить.

– По-моему, разговаривать не о чем, все уже сказано и сделано. Мы здесь, и останемся тут надолго, возможно, на всегда. Вот, собственно, и все.

– Я хотел обсудить кое-какие организационные моменты, – начал Коллинз.

– Организационные? Ты о чём?

Коллинз переминался с ноги на ногу.

– Я имею в виду... отношения между женщинами и нами. Нынешняя ситуация ни к чему хорошему не приведет.

– Да неужели? Наконец-то до тебя дошло. Если честно, то слушая твои сказки о новом прекрасном мире, который мы здесь построим, я даже подумать не мог, что у тебя случится просветление. И что ты предлагаешь?

– Есть только один выход. Тянуть жребий.

– Бред какой-то! – Бедфорд почувствовал, как застывает его лицо. Гордость пульсировала в мозгу, как омытая кровью пуля. – Они будут тянуть жребий, проигравшая получит меня и возненавидит на всю оставшуюся жизнь!

– Зачем ей ненавидеть тебя? Подумай головой, Бедфорд. Джоан и Нина все прекрасно понимают. Они...

– Они от меня не в восторге. Я не нравлюсь ни той, ни другой. И ты это знаешь. Если б не знал, не полез бы сюда с разговорами об организационных моментах.

– Как можешь ты понравиться, если не даешь такой возможности? Сидишь бирюк бирюком, игнорируешь девушек. С тех пор, как мы здесь, ты не сказал им и пяти слов!

– Заткнись! – оборвал его Бедфорд. – Не хочу больше об этом. – Собственное горячее дыхание обжигало его сухие губы, сердце бухало в груди. – Завтра утром я возьму свою долю провизии и отправлюсь в город. А ты здесь оставайся со своим чертовым гаремом. Не желаю иметь с вами ничего общего.

Коллинз подался назад.

– Ты хочешь идти один?

– Вот именно. Один. – Он повернулся и пошел вниз, туда, где метались красные языки костра.

Бедфорд добрался до гребня и оглянулся на пройденный путь. Коллинз и его спутницы прошли лишь полдороги на верх, девушки сгибались под тяжестью своей поклажи. Бедфорд пожал плечами. Когда Коллинз, явно не желая оставаться наедине с хищными дамами, предложил компании не разделяться, девушки не стали возражать. Пусть теперь мучаются.

Он подождал, пока они поднимутся, и зашагал вниз по другой стороне холма. Было еще утро, но солнце уже припекало. Внизу, в долине, на заросшем травой берегу ручья, резвилась стая собакоподобных существ. Время от времени одно из животных отделялось от группы и устремлялось в заросли неподалеку. Через несколько минут за ним следовало другое.

Эти животные одновременно интересовали и раздражали Бедфорда. Интересовали потому, что морды у них были слишком человеческие, а раздражали из-за того, что алгоритм их поведения казался ему очень знакомым. Кроме того, слово «собакоподобные» описывало их совсем не точно. Действительно, как группа они напоминали стаю собак, но как минимум у половины из них на задних ногах были копыта, и странно заостренные уши выглядели вовсе не по-собачьи. Но объяснить, что именно тут не так, Бедфорд не мог.

Резвящиеся существа проводили людей взглядами, некоторые залаяли как будто с насмешкой. Бедфорд, сам не зная почему, поежился. Джоан шла прямо за ним, и, оглянувшись через плечо, он заметил, как побледнело ее лицо. Похоже, от отвращения. Он испытывал то же самое. А вот

физиономии Коллинза и Нины не выражали ничего. Нет, все-таки не совсем ничего. Смуглое лицо Нины, этакой царицы Савской фабричного разлива, ясно говорило, что она без ума от Коллинза. Ну что ж, ничего нового. Нина – типичная обывательница. Бедфорду хватило одного взгляда, чтобы понять, что она такое. Уж он насмотрелся. Жена – или будущая жена, если все пойдет по накатанной дорожке – приносящая в дом заработок в добавок к заработку мужа. Ради денег способна завести роман с боссом, в остальном же полностью предана своему мужу. Жаждет безопасности и стабильности, ей нужна опора, и Коллинз, с его очевидной мужественностью – в ее обывательском понимании – единственная существующая здесь опора.

У следующего холма они сделали короткий привал и перекусили, потом двинулись дальше. Дорога плавно шла вверх, и вскоре перед ними открылась ровное, пронизанное сияющими сосудами ручьев плато с разбросанными тут и там оазисами деревьев. Зеленое плато так естественно переходило в гору, что казалось, будто скала взмывает вверх прямо с равнины. Зрелище, захватывающее дух. Бедфорд услышал изумленный вздох позади себя.

– Как будто скала вот-вот обрушится на нас! – воскликнула Джоан.

– Оптическая иллюзия, – заметил Коллинз.

– Какое прекрасное место для медового месяца, – промурлыкала Нина.

Собакоподобных существ становилось все больше. Они бегали по плато парами, в основном группируясь возле оазисов. Очевидно, здесь они добывали пропитание: время от времени кто-то из существ взбирался на дерево, что-то хватал среди ветвей, затем спускался вниз и съедал. Слово «собакоподобные» с каждой минутой становилось все более бессмысленным.

Бедфорд вдруг понял, что Джоан шагает рядом с ним, плечо к плечу. Он ничего не сказал и продолжал идти вперед, глядя перед собой. Некоторое время они молчали. Если бы Бедфорд не был таким циником, он бы, конечно, признал, что ситуация изменилась – особенно, когда Джоан заговорила с ним первой.

– Как вы думаете, мистер Бедфорд, что нас ждет в городе?

Бедфорд ничего не хотел признавать.

– Пыль, – буркнул он.

– Не жизнь? Но почему?

– Мы видели город незадолго до крушения шлюпки. Вы же не станете отрицать, что он такой же современный, как большинство городов Земли. Думаете, раса, способная строить такие архитектурно-технические сооружения, не имеет приборов для обнаружения чужих кораблей в небе и для контакта с ними? Если бы в городе была жизнь, мы бы узнали об этом еще два дня назад.

– Тогда зачем вы настаивали на том, чтобы туда идти?

– Потому что я, как и все, не могу примириться с реальностью, – сказал Бедфорд. – Потому что до последнего горького момента я буду делать вид, что все не так, как выглядит. Потому что я хочу хранить надежду на то, что, когда мы подойдем к воротам города, нас встретят какие-нибудь жители Атлантиды в золотых одеяниях.

Джоан улыбнулась.

– Было бы неплохо, правда? Но, пока мы надеемся, давайте не будем ограничиваться лишь мечтами о всеобщем благосостоянии. Может быть, мы откроем Город Солнца, Утопию, Океанию и Новую Атлантиду – все вместе взятые.

Бедфорд впервые по-настоящему посмотрел на нее. Но не увидел ничего нового: овальное, почти аристократическое лицо, обрамленное темно-каштановыми волосами до

плеч, чистые, классические черты, широко поставленные голубые глаза, легкую высокую фигуру, изящную и вместе с тем соблазнительную. Афродита. *La Belle Dame Sans Merci*¹. Богиня двадцатого века, одетая в камуфляж двадцать первого. Но разве богини читают Мора, Харрингтона, Бэкона и Кампанеллу? Она знает, что я – интеллектуал. Сама догадалась или Коллинз ей рассказал. Наверняка это Коллинз велел ей идти вперед, составить мне компанию. Хотел временно переключить ее на меня, чтобы она не мешала ему любезничать с Ниной.

Все чувства его вмиг замерзли, как было уже много раз. Он даже не пытался их растопить.

Когда он заговорил, в его голосе звучал лед:

– Никогда не бывал там. Это что, города на Земле?

Как будто невидимые ветви протянулись из воздуха и расцвели на ее щеках розами. Она опустила глаза.

– Не знаю. И я там никогда не бывала.

Разговор окончился. Он больше не взглянул на нее, и она вернулась к Нине и Коллинзу. Бедфорд ускорил шаг. Опять этот банальный сценарий, никак его не избежишь. Нужно просто демонстрировать равнодушие и презрение. Доказать, что не боишься одиночества, что ты самодостаточен. И у тебя есть гордость. Гордость превыше всего.

В тот вечер они разбили лагерь в долине, поставили походные палатки и развели огонь. Поужинали пищевыми таблетками, растворив их в воде из ручья. Первую вахту нес Бедфорд. Он сидел на бревне поодаль от костра, положив лучевую пушку на колени. Кроме собакоподобных животных тут встречались еще местные вариации грызунов и

¹ «Безжалостная красавица» – баллада английского поэта-романтика Джона Китса.

птиц. Но не исключалось существование более крупных зверей, так что бдительность не помешает.

Бедфорд слушал стрекотание местных насекомых и сравнивал эти звуки с жужжанием земных. Разница невелика. Вообще-то две планеты не сильно отличаются друг от друга. И здесь, и там – моря, горы, леса, долины, реки. И все же отличие есть, очень важное: только на одной из планет существует разумная жизнь.

Хотя утверждение спорное, напомнил себе Бедфорд. В глубине души он знал, что слова, которые он сказал Джоан, верны: раса, которая построила город, должна была выйти на контакт с теми, кто прилетел. Если, конечно, она еще существует. И должны быть другие города, более примитивные, построенные не настолько технически продвинутыми людьми, в этом случае его аргументы насчет контакта не работают. Но, честно говоря, он не верил в существование здесь примитивной цивилизации. Хотя отметить эту идею полностью все-таки не стал.

Одна из девушек пробормотала во сне имя. Обе спали в одной палатке, и Бедфорд не знал, кто именно произнес его, хотя рассыпал очень хорошо: Дэвид. Муж? Нет, они обе не замужем. Значит, возлюбленный? Или, возможно, брат? Бедфорд резко оборвал ход мыслей. Раньше ему просто не приходило в голову, что у Нины и Джоан на Земле мог остаться любимый и любящий человек. Эта идея была слишком далека от центра его вселенной, от его личной планеты, вокруг которой вращалось его эго. Он почувствовал: еще немного, и в нем проснется жалость к кому-то другому, кроме себя, и испугался этой перспективы.

Неужели она произнесла имя вслух? Джоан села на пневматической койке в кромешной темноте палатки. С соседнего места доносилось ровное дыхание Нины. На улице

жужжали насекомые, издалека долетал лай. Больше никаких звуков.

Она легла на спину, закрыла глаза, снова погружаясь в сон... в сон, который не был сном. В сотый раз она увидела, как Дэвид идет рядом с ней по терминалу. В руках у него коробка конфет и большой букет роз. Его глаза и голос полны унизительной мольбы.

– Пожалуйста, Джоан, не уезжай. Пожалуйста.

Тело ее каменеет, взгляд становится ледяным. Она слышит свои жесткие слова:

– Не надо просить. Ты становишься похож на собаку.

Большой корабль, сияющий на солнце, обрамлен округлым окном терминала. Голос в громкоговорителе неустанно повторяет:

– Пассажиры «Анаксагора», немедленно пройдите на регистрацию в сектор С. Пассажиры «Анаксагора», немедленно пройдите на регистрацию в сектор С.

– Пожалуйста, не уезжай, – повторяет Дэвид. – Прошу тебя.

Она слышит свой ответ:

– Прощай, Дэвид. Наслаждайся своей комфортной жизнью.

И она уходит. Пытается заставить себя обернуться и посмотреть в последний раз на человека, который ее баготовит, который готов окружить ее стеной заботы на всю жизнь. Но она продолжает идти, глядя только вперед, ненавидя этого простака, который видит ее тело, но не слышит ее души.

Она снова проснулась. Сквозь стены палатки сочился серый утренний свет. На этот раз ее пробудил не только сон, который был не совсем сном, но и новый звук. Прислушавшись, она поняла: Нина что-то бормочет на своей койке.

Джоан повернулась на другой бок и снова закрыла глаза. Ну что ж, по крайней мере, не ее одну преследует прошлое.

Сон был дурной, и даже теплые пальцы восходящего солнца не могли разжать его жесткой хватки. Нина вздрогнула. Она снова на швейной фабрике. Мастер стоит позади, склонившись над ее плечом. Вот он поднимает глаза, и, следя за его взглядом, Нина видит новенькую девушку в дверях комнаты. Лицо девушки расцветает румянцем. Потом Нина видит выражение, с которым мастер смотрит на новенькую. И понимает: все, конец свиданиям на складе после работы...

Ей захотелось вскочить, выбежать из палатки и броситься в объятия Коллинза, пока не поздно. Но она сдержала себя. Натянула серый комбинезон – часть униформы из спасательной шлюпки. Джоан все еще спала, темно-каштановые волосы разметались вокруг красивого лица, тонкая простыня покрывала стройное, полногрудое тело. Нина бросила на нее взгляд, полный жгучей ненависти, вышла из палатки и направилась к ручью – умываться.

Когда она вернулась, Бедфорд уже помешивал угли в костре, а Джоан расчесывала волосы. Наконец появился Коллинз, и Нина нацепила на лицо свою очаровательную улыбку. За завтраком она сидела рядом с ним, восхищаясь его мускулистыми руками, его мощной шеей. Вот это богатырь. Рядом с ним Бедфорд – хилый подросток. И все же... в этом Бедфорде есть что-то, чего Коллинзу недостает. Какая-то сила. Не как у мастера на фабрике, не как у директора фабрики... Она помотала головой, пытаясь привести мысли в порядок. Нет, никакой он не лидер, она не это имела в виду. Коллинз – вот лидер. Коллинз из тех, к кому ты придешь за помощью, когда все наперекосяк, он прикроет тебя, если ты ошибешься, он продвинет тебя по службе... В отчаянии она

прижала ладонь ко лбу, и тут же, чтобы не выдать себя, начала поправлять волны черных волос. Быстро взглянула на Коллинза: заметил ли он? Нет, не заметил. Он как раз разговаривал с Джоан.

Нину охватила паника. Ну ничего, она свое возьмет. Времени еще много. И у нее есть оружие, которое Джоан даже не снилось. Сегодня ночью во время вахты Бедфорда она пойдет к Коллинзу. И после того, как он переспит с ней, он не захочет смотреть на других женщин. Сегодня же ночью. Пусть будет так.

Они свернули лагерь и продолжили путь. Бедфорд, как обычно, шел впереди. Плато плавно поднималось навстречу первой зеленой волне предгорья. Островки деревьев встречались все чаще, и, наконец, слились в подобие лесопарка.

Собакоподобные существа были повсюду, под каждым деревом. Они гонялись друг за другом, да так отчаянно, как будто от этого зависела их жизнь. Бедфорд начал подмечать некоторые детали, которые прежде ускользали от его внимания. Почти человеческие лица этих странных животных различались, у них были собственные черты, причем некоторые явно женские, а некоторые – мужские. Ну что ж, логично, подумал Бедфорд. Более того – именно у мужских особей были заостренные уши и копыта на задних лапах.

Холмы плавно поднимались все выше, и, когда компания остановилась, чтобы разбить лагерь, в воздухе уже явно ощущался холодок. Первая вахта досталась Коллинзу, вторая – Бедфорду. В два часа ночи он заступил на пост. От дыхания шел пар, Бедфорд подбросил дров в огонь и придвигнулся ближе к костру.

Тепло усыпляло, и он чуть не задремал. Внезапно он услышал звук. Открыв глаза, увидел Нину. Она застегивала

за собой молнию палатки. Потом побежала, совершенно на-
гая, с развевающимися черными волосами. У палатки, где
в одиночестве спал Коллинз, она остановилась. Опять скре-
жет молнии – и вот девушка уже исчезла внутри. Замок за-
крылся.

Бедфорд скривил гримасу. Одна готова, подумал он.

Ранним утром они увидели город. Он лежал далеко внизу,
сияя, как капля росы в зеленой ладони долины. Позади него
последний изумрудный холм поднимался к изножью горы.

Джоан наклонила голову, прислушиваясь. И тут все они
услышали звуки музыки, долетавшие из долины с утрен-
ним ветерком. Бедфорд глубоко вздохнул.

– Значит, там все-таки есть жизнь... Но почему же они
не вступили с нами в контакт? У них должны быть продви-
нутые технологии и современные системы коммуникаций.
Посмотрите на эти вышки. А вот та полоска – это, скорее
всего, аэропорт или что-то вроде.

– А те маленькие пятнышки – припаркованные самоле-
ты, – догадалась Нина.

– И все полеты отменены, – заметила Джоан. – Иначе
мы увидели бы, как они взлетают и садятся.

– Может быть, из-за погодных условий, – предположил
Коллинз.

– Вряд ли из-за здешних, – добавила Нина.

Внезапный порыв ветра принес новые всплески музыки.
Она была полна бурной, бунтарской радости.

– Праздники! – осенило Бедфорда. – Трех или четырех-
дневные каникулы. Это все объясняет.

Джоан кивнула.

– Каникулы или что-то вроде фестиваля. Например,
празднование рождения их цивилизации или... – она умолк-
ла, потому что прямо перед ней бешеным галопом промча-

лось собакоподобное существо. Тут же появился и преследователь — с высунутым языком и выпученными глазами. Парочка скрылась в кустах.

Щеки Джоан порозовели.

— Надеюсь, хозяева ведут себя более цивилизованно, чем их домашние любимцы, — проговорила она.

— Эти собаки не похожи на домашних, — сказал Коллинз. — Если они вообще собаки. — Он повернулся к Бедфорду. — А ты что думаешь?

Бедфорд вдруг с удивлением понял, что не хочет обсуждать эту тему.

— Трудно сказать, — ответил он. — Идемте. Если поспешишь, доберемся еще до темноты.

И он направился вниз по склону. Джоан шла следом, за ней Нина. Шествие замыкал Коллинз. Он шел, не в силах отвести глаз от соблазнительно покачивающихся ягодиц Нины. Пальцы у него задрожали, виски начали пульсировать.

— Боже! — прошептал он. — Не думал он, что на свете бывают такие женщины, а ведь повидал их немало.

Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь подробностями прошлой ночи, да вот только с кем? С Бедфордом — пустой номер. Рассказывать такое Джоан — глупее не придумаешь. Тоска, да и только. Ведь это же половина удовольствия — рассказать кому-то о своих невероятных любовных приключениях! Ну да ладно, бывает и хуже. Посмотрите на этого Бедфорда — типичный сексуальный неудачник, заходится от жалости к самому себе. Ему уж точно нечего делать в постели с такой горячей штучкой, как Нина! Коллинз едва не расхохотался.

Потом перевел взгляд на Джоан. Вон она, впереди, идет прямо за Бедфордом. Нина Ниной, но если Коллинз кого-то и хочет — так это Джоан. С такими, как Нина, ты проводишь

веселые часы в дешевых отелях. А вот Джоан – из тех, о ком мечтаешь всю жизнь, мечтаешь и не можешь заполучить. Впрочем, она станет исключением из правила. Со вчерашнего вечера она с ним очень холодна – непонятно, почему, разве что из-за его насмешек в адрес классической музыки? С тех пор она ведет себя как-то агрессивно, хоть и молчит. Но это неважно: все равно она станет исключением. Бедфорда в расчет не берем. Отказавшись тянуть жребий, он просто приблизил неминуемое.

Внезапно Коллинз увидел, что Джоан идет уже не позади Бедфорда, а рядом с ним. Он почувствовал мгновенный укол ревности, но затем подумал: они, скорее всего, говорят о луне. Или о звездах. Она витает в облаках так же, как и он.

Взгляд Коллинза вернулся к роскошным ягодицам Нины. И снова у него застучало в висках. И снова задрожали пальцы. А что если они вдвоем немного отстанут... здесь полным-полно укромных уголков. Например, вот эти кусты...

Он рванулся вперед, чтобы ее догнать. И почувствовал, что бежит уже не на двух, а на четырех ногах.

Бедфорд шагал, глядя перед собой и не произнося ни слова. Тишина, как и прежде, беззвучно шла рядом с ними. На этот раз, однако, Джоан не делала никаких попыток нарушить молчание, и, наконец, не в силах больше это терпеть, Бедфорд заговорил сам.

– Если считать город надежным критерием, – начал он, – то мы найдем свидетельства существования расы, столь же развитой, как и мы сами. Некоторые здания очень впечатляют, они похожи на произведения искусства.

– Архитектура – не искусство, – сказала Джоан. – По крайней мере, не в исконном смысле этого слова. Она слиш-

ком материальна. Слово «искусство» в его прямом смысле неприменимо к зданиям и инженерам. Но мы лишили слова их настоящих значений, выхолостили их, слишком часто применяя в разговоре о не столь высоких видах деятельности. Я все жду, когда же рытье канав начнут называть «ваянием земли киркой и лопатой» или «прикладной археологией».

Она засмеялась. Зубы твои – как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пары ягнят, и бесплодной нет между ними¹.

– А что вы... – начал Бедфорд, но умолк. Он собирался спросить, кем она была тем, на Земле, чем занималась, во что верила, чем увлекалась. Но это бы означало зарождающуюся интеллектуальную близость, от которой один шаг до эмоциональной, а потом и до физической. Он не хотел делать этот шаг, потому в глубине души знал: ответного движения с ее стороны не последует, отношения продолжатся на чисто интеллектуальном уровне, и она будет искасть душевной и физической близости на стороне, чтобы доказать ему свое превосходство.

Но она угадала его вопрос, раздвинула занавес своего мира, и у него не было причин прятать взгляд. Он видел пышные луга и далекие величественные деревья.

– Я оперная певица, – сказала она со странным напряжением в голосе. – Сопрано. Имея такую устаревшую профессию, рано или поздно неминуемо вырабатывается скептическое отношение к мелким обывательским шалостям.

Широкая, полная грудь, статная шея богини...

– Вы пели Вагнера?

Она кивнула.

– Фрея. Брунгильда. Изольда.

¹ Цитата из Песни Песней Соломона.

Боже! Наверняка она пела «Смерть в любви». Он вспомнил, как впервые услышал эту арию. В тот вечер он стоял, совершенно пьяный, у стойки бара в Старом Йорке и слушал музыку, которую эксцентричный владелец заведения время от времени включал вместо унылых и безжизненных современных попурри. Ария из «Тристана и Изольды» с ее выворачивающей душу мелодией, мгновенно отрезвила его, и он стоял, почти рыдая, переполненный болью, но не мучительной, а прекрасной – болью катарсиса.

Он вдруг услышал, что Джоан все еще говорит, и в ее голосе уже нет напряжения. Вначале до него долетали лишь отрывочные слова: «Основать новый Байройт на острове Фула¹... воскресить Вагнера в колониях...»

Потом она сказала:

– Вот так я оказалась на «Анаксагоре». Быть всемиуважаемой Брунгильдой среди диких просторов космоса лучше, чем всеми забытой певицей в мире электронной музыки.

– Вы споете ее когда-нибудь для меня?

– Спою для вас что?

– «Смерть в любви», – сказал он.

И в эту самую секунду на ее лице появилось новое выражение, глаза потеплели, и он понял, что угадал пароль, открывающий ее сердце.

– Да, – проговорила она после долгой паузы, глядя ему в глаза. – «Смерть в любви». Буду рада спеть ее для вас.

Отсутствие Коллинза и Нины они заметили, только когда остановились на привал на зеленой лужайке. Переку-

¹ Байройт – городок в Баварии. В 1872 г. в город переехал композитор Рихард Вагнер, который здесь сумел осуществить свою мечту: построил грандиозный оперный театр специально для представления главного в его жизни произведения – «Кольца Нibelунгов». Фула – остров в архипелаге Шетландских островов.

сив, просидели на траве около часа, время от времени проверяя, не видно ли где парочки. Но, кроме пробегающих мимо собакоподобных существ, в поле зрения никто не появлялся.

Наконец Джоан спросила:

– Ну что, будем искать или пойдем дальше?

– Если сейчас повернем назад, – ответил Бедфорд, – то в город попадем, когда уже стемнеет.

– Да, но...

– А вы уверены, что они хотят, чтобы мы их нашли? – спросил он прямо.

Она встала.

– Этот обывательский менталитет вечно меня обманывает. Я слишком наивная. Пойдемте. Если захотят, найдут нас в городе.

Они пошли вперед, почти не разговаривая, овеваемые ветром, омываемые волнами музыки. Радужные птицы резвились в ветвях, расцвечивая листья яркими красками. Собакоподобные существа – а здесь их было так много, как нигде, – то и дело пробегали мимо.

– А я думал... – начал Бедфорд.

– Знаю, о чем вы думали, – сказала она, опять угадывая вопрос. – Да, поначалу Коллинз казался мне забавным, хоть он и обыватель. Но потом...

– Потом что?

Она отвела глаза.

– Он предал сам себя. Рано или поздно это происходит со всеми обывателями.

– Так уж они счастливо устроены, – сказал Бедфорд.

Когда они добрались до городских стен, тени деревьев были уже совсем длинные. Ворота отыскали уже на закате. За воротами, начинался широкий проспект, обрамленный с двух сторон изящными зданиями. Высоко над проспектом

висели пешеходные мостики, легкие и ажурные, похожие на серпантины.

Ворота города были широко распахнуты. Звучала громкая, радостная, беззаботная музыка, казалось, что проспект вот-вот наполнится смехом, голосами, веселыми людьми. Но никого не было. Только тени.

Одно из собакоподобных существ выскочило из леса, вбежало в ворота и вскоре исчезло среди теней. Через мгновение появилось еще одно существо – явно преследователь. Язык высунут, глаза выпучены. И оно тоже смешалось с тенями.

Бедфорд стоял в ошеломлении. Не только из-за явно не-пристойного поведения собакоподобных гуманоидов, но и потому, что увидел вдруг явное сходство, которого раньше его разум не хотел осознать. Здесь, как и везде, мужская особь стремится догнать женскую. Но только теперь ему стало ясно, почему так происходит. Мужчина стремится догнать женщину потому, что у нее течка.

– Ну что, пошли? – спросила Джоан.

– Думаю, лучше дождаться утра, – покачал головой Бедфорд. – Сейчас уже слишком темно, мы ничего не увидим.

– Нет, не темно. Смотрите!

Разноцветные огни в городе вспыхивали один за одним. Фонари были подвешены в самых неожиданных местах, а некоторые, казалось, вообще никак не крепились и плыли высоко над зданиями, как огромные воздушные шары. С заходом солнца над городом поднялся туман, и теперь из-за огней превратился в застывший дождь из золотых, фиолетовых, голубых, желтых, алых, розовых, янтарных, бирюзовых, серебряных и лиловых капель.

Джейн радостно засмеялась.

– Это похоже на карнавал! Пойдемте поищем, где продают сосиски!

Бедфорд взял ее за руку, и они вошли в разноцветный туман. Это и правда похоже на карнавал, думал он. С одной лишь разницей. На настоящий карнавал приезжают тысячи людей. А здесь же их всего двое.

«Почему город пуст? – спрашивал он себя. – Что случилось с его жителями? Под землей работают агрегаты, их вибрация чувствуется, хрустальная плитка уложена безупречно. Но здания равнодушно смотрят мертвыми глазницами окон, а тротуары пусты».

Архитектура, хоть и чуждая, в целом имела сходство с земной – наверное, у населения обеих планет общие прародители. Здесь было много непристойных рисунков, скульптур и барельефов, непривычных в качестве элементов декора, но, по сути, вполне обычных. Ясно, что на Экулеусе-VI женская грудь играла очень важную роль – скорее всего, это пошло от древних обрядов, посвященных плодородию. Так или иначе, куполообразные конструкции присутствовали в изобилии, так же как и тысячи вариаций женского соска на верхушках крыш.

Они повернули в переулок, выбрали наугад здание и обследовали каждый его метр от подвала до чердака. Перемещаясь на пневматическом лифте, заходили в разные квартиры. В одной из них обнаружили подметальную машину за работой, и везде видели следы недавнего обитания. Но никого живого так и не встретили.

Уже на улице Бедфорд сказал:

– В нашем распоряжении тысячи мест, где можно расположиться. Если найдем еще и продуктовые склады, можно считать, что мы вытащили счастливый билет.

– Кстати, о еде... – напомнила Джоан.

Они вскрыли упаковки с консервированной пищей и пожинали, сидя на рюкзаках прямо посреди переулка. Закончив, отправились дальше.

Переулок привел их к еще одной широкой улице. Они свернули на нее и пошли, держась за руки, сквозь водовороты разноцветного тумана и музыки. Этот проспект отличался от первого: двери подъездов здесь были широко распахнуты, и там, за дверьми, приглушенный свет плавно переходил от оттенка к оттенку. Заинтересованные, они подошли к ближайшему входу, вошли внутрь и оказались в большом круглом помещении. В его центре стоял белый, высотой по пояс, помост, украшенный большими лепестками светлых оттенков. Медленно и незаметно он вращался вокруг своей оси. Над центром помоста висел прозрачный цилиндр, внутри которого двигались изображения. Пол в помещении был зеркальный, вдоль кирпичных стен на равном расстоянии друг от друга располагались двери. Чувственная сладкая музыка заглушала музыку с улиц, и скрытые фонари меняли свои оттенки в зависимости от мелодий.

Джоан смотрела на помост.

– Похоже на алтарь, – сказала она.

– Скорее на бар.

Джоан тут же сообразила, что лепестки – это барные стулья. Смеясь, уселась на один из них, поставила локти на стойку. Немедленно в стойке открылась небольшое отверстие, и оттуда выскочил стакан с золотисто-красной жидкостью. Джоан взяла его, но Бедфорд тут же выхватил его у нее рук.

– Давайте-ка лучше я буду подопытным кроликом.

Он понюхал искрящуюся жидкость. Вино. Вино и что-то еще. Поднес стакан ко рту, пригубил, думая, что это вино, однако вкус оказался куда многограннее. Он и не заметил, как выпил все до дна. Дрожащей рукой поставил стакан на стойку – тот тут же провалился вниз, и на смену ему выскочил полный.

Джоан встревожено смотрела на Бедфорда.

– А что, если питье – яд?

Он мотнул головой.

– Нет, не яд. Там что-то другое.

Он поднял взгляд на прозрачный цилиндр. Тот светился голубым светом. Даже будучи хорошо подготовленным, Бедфорд застыл в ошеломлении. Да уж, обитатели города точно были людьми – абсолютно точно, если посмотреть на то, что творят их изображения! Внезапно он понял, что Джоан тоже смотрит это откровенное видео и, несмотря на афродизиак, блуждающий в крови, покраснел.

Повернувшись спиной к цилиндрю, он осмотрел на двери в кирпичной стене. Теперь он точно знал – это двери в номера, в комнаты с постелью, но без окон. В висках у него застучало, горло пересохло. Он быстро взглянул на Джоан и подвинул ей стакан с напитком:

– Выпей это.

Ее ясные голубые глаза смотрели на него спокойно.

– Так вот как ты хочешь взять меня? Одурманенную, беззащитную, готовую отдаться любому мужчине?

Помещение вокруг расплылось, закачалось. Бедфорд тоже покачнулся и прислонился к стойке бара. Медленно покачал головой.

– Нет, так я не хочу.

Она встала, взяла его за руку.

– Пойдем, подышим воздухом.

Они вышли на улицу.

Теперь в разноцветных огнях улицы ему чудилось что-то жутковатое, что-то непристойное. Проходя сквозь их колышущиеся узоры, легко было представить себе город таким, каким он когда-то был. Бедфорд видел людей, разгуливающих по улицам, забредающих из бара в бар, прыгающих из постели в постель. Сатиры... нимфоманки...

Холодный ночной воздух обжигал ему лицо и горло. Радзум снова заработал. Несколько мгновений назад он готов был забыть свою культуру, свою интеллигентность, и дать волю дремлющему внутри зверю. Он был на грани того, чтобы превратиться в Коллинза или Нину, стать невежественным обывателем. Но они с Джоан живут на другом, более высоком уровне. Когда они займутся любовью, они будут любить друг друга не как звери, а как люди.

Они поднимались вверх по широкому спиралевидному пандусу. Джоан шла впереди, ее рука лежала в его руке. Пляшущие огни разрисовывали ее комбинезон узорами так, что он стал похож на наряд Арлекина. Пандус вел их все выше и выше. Проспект внизу казался бездной, вокруг парили и кружились светящиеся шары. Туман растаял, и звездный свет лился ласковым дождем.

— Ну вот. Теперь мы совсем высоко над музыкой, — сказала Джоан.

Следом за ней Бедфорд шагнул на широкую крышу высотного здания. Он слушал тишину. Видел сияние звезд в волосах и в глазах своей спутницы. И наконец услышал ее голос.

Изольда.

Величественный звук взлетел высоко над карнавальным городом, достиг самих звезд и замер на пронзительной ноте. И звезды, казалось, застыли в изумлении, пораженные этой кульминацией арии. Затем голос начал стихать, снижаться, медленно и горестно, напоминая о смерти и преображении.

Бедфорд сидел на крыше и смотрел на мерцающие звезды. Джоан опустилась на колени рядом с ним. Он повернулся к ней, и она обвила руками его шею, а потом прижала его голову к своей груди.

— Сейчас, — прошептала она. — Сейчас. — И прижала его

к себе еще сильнее, погружая все глубже и глубже в мягкую темноту, лишая его дыхания, пока ему не показалось, что он умирает, и нет ничего прекраснее этой смерти. Но на самом краю смерти Джоан отпустила его, прикоснулась губами к его губам и подарила первый животворящий вдох его жаждущим легким.

Утро растворило вчерашние яркие огни, вымело тени из углов. Взявшись за руки, Джоан и Бедфорд шли по улице баров. Сейчас она казалась мирным, цветущим парком, и они прокладывали путь среди деревьев. Обнаружив пруд, постояли на его берегу, глядя на сияющую воду. Сзади послышался не то смех, не то лай, и, обернувшись, Бедфорд увидел двоих собакоподобных, которые носились под деревьями. Было в них что-то очень знакомое, и Бедфорд сообразил: да ведь это та самая парочка, которая вбежала вчера в городские ворота, опередив его и Джоан.

Но что-то еще заставило его взглянуться в их почти человеческие лица. Джоан повернулась и тоже смотрела. Вот одно существо выскоцило из-под дерева и пустилось вскачь вокруг пруда. Второе бросилось следом. Яркий солнечный свет озарял лица существ, очерчивая каждую деталь. Джейн внезапно задохнулась. И Бедфорд услышал свой собственный хриплый вздох. Лица собакоподобных были узкие, черты грубые и все же совершенно узнаваемые.

Нина и Коллинз.

Карикатура, подумал Бедфорд. Вот что они такое – карикатура на людей. И все остальные морды – лица – здешних обитателей тоже карикатурные. Шарж с преувеличенно чувственными чертами оригинала.

Внезапно его осенило. Он в общем и целом был прав: эти существа действительно напоминали собак, особенно женские особи. Но в древнегреческой мифологии для них

есть более подходящие имена: нимфы и сатиры! И в голове у Бедфорда сложилась общая картина: пустой город, вино с афродизиаком, музыка, полная страсти. Человеческая раса может развить в себе богочеловеческие качества, подняться над собой, сублимировать в творчестве сексуальную энергию. Но эта же раса может приобрести природу зверя, опуститься ниже своего первоначального уровня, дать волю инстинктам и животной страсти. Космическая буря несет с собой неклассифицированные частицы, способные расстабилизировать ядерный реактор. Но она принесла и другие частицы, которые, воздействуя на хромосомы, трансформируют их физические качества таким образом, чтобы те соответствовали их внутренней природе.

Конечно, здесь есть и другие города, но их обитатели вряд ли отличаются от этих существ. Отсутствие летательных аппаратов в небе говорит о том, что все население планеты постигла одна участь. Наверняка они тоже пользовались универсальными средствами контроля рождаемости и жили, как животные в человеческом облике, пока не налетела эта космическая буря. А когда началась бомбардировка космическими частицами, со всеми обитателями планеты произошла мгновенная метаморфоза. Так случилось с Ниной и Коллинзом. Пока звериная страсть не разрушила в них последние остатки морали и нравственности, они жили в конфликте со своей звериной природой. Как только они дали волю природе, метаморфоза стала неизбежной.

Но тогда почему он сам и Джоан избежали метаморфозы? Ведь они тоже занимались любовью. Ответ на этот вопрос пульсировал у Бедфорда в голове, заставляя кровь бежать быстрее. Перерождение невозможно в том случае, если между физическими качествами и занятиями любовью нет дисгармонии. Благодаря высокому уровню интеллекта, их любовь была не низменной, а благородной. Они занима-

лись любовью не как животные, а как люди. Нет, больше того – как боги.

Ему не терпелось рассказать Джоан о своих открытиях, и он повернулся к ней. Но она внезапно шагнула в сторону и через секунду уже бежала вслед за Ниной и Коллинзом, сбрасывая одежду. По какой-то странной причине ее поведение не показалось Бедфорду нелогичным, и через некоторое время он последовал ее примеру. Джоан опустилась на четвереньки... и нельзя сказать, что ему это не понравилось. Мысль пронеслась в его голове: ты же хотел что-то сказать ей? Что-то чрезвычайно важное? Он попытался сосредоточиться, но, как только учゅял ее запах, голова полностью опустела. И это была очень приятная пустота.

На всех четырех она мчалась прочь от пруда, петляя между деревьев. И он, не раздумывая, бросился за ней, тяжело дыша и высунув язык.

КОМНАТА С ВИДОМ

Планета сияла и переливалась хрустальной причиной и следствием. Легкий звон стекла на летнем ветру навсегда воплотился в здешней архитектуре. Единственный отпрыск одинокой звезды, планета была мертва и необитаема.

Донант давно потерял счет времени. Сколько он уже идет? Час, может больше. На бесконечных сплошь застроенных улицах царilo полное безвременье, а часы он забыл в корабле, прихватив в дорогу лишь компас. Впрочем, от компаса куда больше толку: стрелка ни на йоту не отклонялась от магнита в сердце корабля, с таким подспорьем не заблудишься – даже в городе, занимающим всю планету.

Даже в мертвом городе.

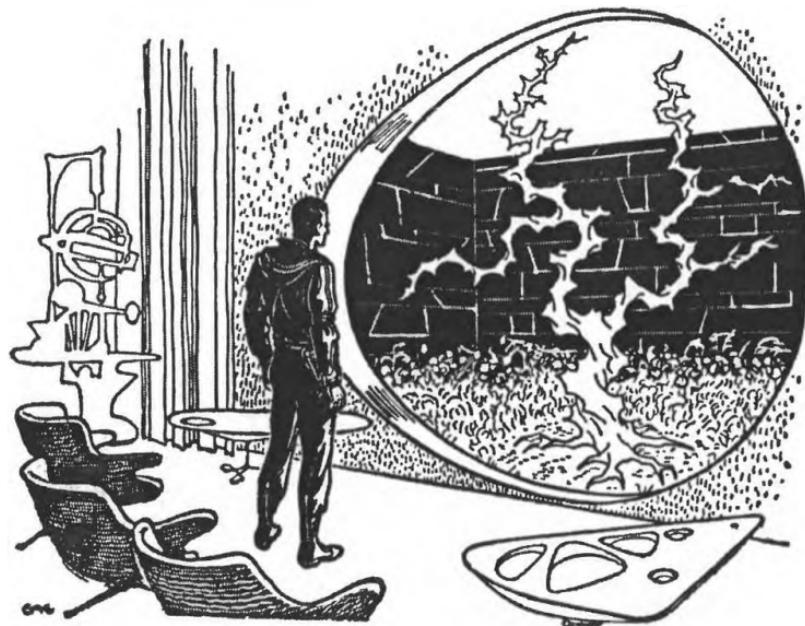
Донант был картографом и по долгу службы частенько мотался по неизученным районам галактики, где цивилизации попадались редко, а города – и того реже. Впрочем, к ним он тоже привык. Знал как свои пять пальцев процветающие города равнины¹ – столицы Марса и Венеры, коллективные постройки Земли. Но то были города с четкими границами, а не бесконечное сверкающее великолепие, простирающееся от моря до моря. Но главное отличие – вокруг ни живой души...

¹ В Библии название «города равнины» объединяло пять населенных пунктов, включая Содом и Гоморру.

В глаза бросилось диковинное сооружение, разительно отличавшееся от других. Тоже вырезанное из цельного хрустяла, оно чем-то приковывало внимание. Глядя на призму фасада, Донант решил, что усопший архитектор руководствовался больше эмоциями, нежели чертежами.

В полуденном свете фасад строения сиял и вспыхивал миллионами радуг. Острые линии образовывали застывший водопад из окон, балконов, карнизов и барельефов. Ослепительное, но на удивление пошлое зрелище.

У подножия водопада зиял треугольный вход без дверей. Поколебавшись, Донант поднялся по хрустальной лестнице и очутился в огромной зале. Вопреки ожиданиям, благоговейного восторга не испытал.

Сквозь призму стен сочился яркий свет, смешиваясь с падающими из-под купола бликами. В центре на квадратном пьедестале, окруженном бесчисленными рядами кресел, стояла высокая статуя. Вдоль кресел ярус за ярусом до самого купола поднимались балконы. Все вокруг — кресла, статуя, стены, купол, — были из чистого хрустяля. Чистое, мертвое совершенство.

Зал советов, сообразил Донант. Очень похоже на зал советов.

Он двинулся по центральному проходу в сторону пьедестала. Дизайн кресел лишь подтверждал догадку, родившуюся в ходе вынужденной экскурсии — когда-то город населяла раса гуманоидов, очень похожих на землян.

Пьедестал оказался трибуной и одновременно основанием статуи. Для пущего удобства ораторов в хрустальной платформе были вырублены ступени. Подниматься Донант не стал. Сказать ему было нечего, да и некому. Остановившись в конце прохода, запрокинул голову и стал разглядывать фигуру на постаменте.

Статуя изображала женщину, настоящую красавицу. При всей чужеродности ее красота завораживала. Миниатюрная, но очень женственная, с мелкими, безукоризненными чертами лица. На красавице была простая белая туника, открытые участки тела покрашены — нет, скорее пропитаны, — розовато-золотистым оттенком под цвет человеческой кожи. На секунду Донант даже забыл, что перед ним статуя.

Но особенно причудливой была поза. Правая рука изваяния грациозно застыла вдоль тела, левая держала на весу горизонтальную перекладину с привязанными к ней двумя чашами. Перекладина была чуть перекошена, одна чаша — ниже другой.

Весы, сообразил Донант. Примитивные весы.

Он вытянул шею, силясь заглянуть в чаши, но с такого

близкого расстояния было не разобрать. Гонимый любопытством, Донант вернулся к выходу и повторил попытку. Но обзора все равно не хватало. Удалось различить лишь блеск хрусталия в одной чаше и что-то пронзительно зеленое в другой.

Отыскав лестницу, ведущую на балконы, он стал взбираться наверх, минуя ярус за ярусом, пока не добрался до самого купола. Теперь содержимое весов было как на ладони. В первой, перевешивающей, чаше лежал хрустальный куб, во второй, легкой, зеленый нож.

Именно любопытство вынудило Донанта приземлиться здесь. Исчезнувшие цивилизации не входили в его компетенцию. По крайней мере, официально. Но его всегда влекли тайны вымерших планет, а нынешняя влекла вдвойне. Безлюдный город, хрустальный куб и зеленый нож...

Очутившись на улице, Донант вплотную занялся головоломкой. Планета явно необитаема, значит, ее жители либо переселились, либо погибли. Переселиться они могли только на другую звезду, посредством межгалактических полетов.

Впрочем, этот вариант отмечался сразу. Чтобы додуматься до путешествия в космос, нужен толчок, некий краеугольный камень. Воображение зреет поэтапно. Без Луны, ставшей первым таким толчком, люди вряд ли решились бы лететь на Венеру и Марс, и уж тем более на Меркурий и Плутон. Не будь этих этапов, воображение замерло бы на ранней фазе развития, и человек никогда бы не преодолел расстояние в четыре световых года, отделявшее его от Альфы Центавра. Вместо этого он продолжал бы жить на Земле, строя все новые города, тратя энергию и ум не на развитие космических кораблей, а на совершенствование зданий и строительных материалов, чтобы, обретя совершенство, хоть как-то оправдать свое существование.

У этой планеты нет луны. Единственный отпрыск своего солнца, от ближайшей звезды ее отделяло расстояние в сорок один световой год. Значит, эмигрировать в космос местные не могли.

Тогда второй вариант – все до единого вымерли, да так, что даже косточек не осталось.

Но почему?

Донант окинул взглядом сверкающие улицы, безукоризненные здания. Хрустальная брусчатка под ногами слегкаibriровала от рокота подземных агрегатов. Но вокруг – ни души, не пылинки. Только закрытые двери и пустые окна.

В чем причина? Чума? Мировая скорбь? Упадок нравов?

Донант снова покачал головой.

Блуждая по хрустальному лабиринту, он забрел в другой квартал. Здания тут казались более функциональными с виду, но походили одно на другое как две капли воды, и стояли бок о бок, словно ряд красоток с одинаковым макияжем, одного размера бюстом и шаблонной улыбкой. Сразу от тротуара в каждый дом вела чуть утопленная в стену дверь с хрустальной решеткой.

Жилые дома, сообразил Донант. Ну или здешний аналог. Параллельно с этой мыслью возникла новая: если проблема не разрешима в целом, нужно сконцентрироваться на частностях. В данном случае, на конкретном доме.

Выбрав здание наобум, он шагнул к двери, но едва успел дотронуться до гладкой поверхности, створка отворилась сама собой, под потолком вспыхнули невидимые лампочки, освещая пустое фойе. Донант переступил через порог, и дверь сразу захлопнулась.

Обстановка внутри оказалась неброской и все из того же материала, что и сама планета. У стены на четырех тонких, как стебелек, ножках стоял голубой столик. Рядом несколько стульев в тон, и голубое облако кушетки.

На противоположной стене – вертикальный ряд кнопок. Донант подошел и нажал нижнюю. Его догадка мигом подтвердилась: стена вертикально разъехалась на две части. Но вместо кабинки лифта взору предстал длинный коридор со множеством дверей по бокам.

Донант нахмурился. Будучи человеком логичным, он всегда стремился к ясности вещей. Пока же планета представлялась начисто лишней всякой логики, отыскать которую было необходимо, чтобы улететь отсюда со спокойной душой. Тем временем, створки бесшумно слились в идеально ровную стену.

Рассерженный, он ткнул в предпоследнюю кнопку. После секундной заминки половинки стены снова разъехались. Донант улыбнулся. Проблемы с логикой у него, а не у архитекторов. То, что он принял за обычное фойе, на самом деле оказалось фойе-лифтом.

Коридор второго этажа смотрелся братом-близнецом первого. Будучи человеком методичным, Донант решил начать исследование с цоколя, как того требовала методичность. Поэтому, когда створки захлопнулись, снова нажал на нижнюю кнопку, и уже через секунду стоял в нужном коридоре.

На минуту он замер, прислушиваясь. Ничего, лишь слабый рокот незримого оборудования. Двери чудного лифта опять слились в гладкую стену. Донант медленно двинулся вперед. Из невидимого источника сочился мягкий свет, казалось, он идет прямо из хрустальных перегородок.

У первой же двери Донант остановился. Створка была гладкой, точь-в-точь как входная, и практически сливалась со стеной. По логике, нужно лишь чуть подождать, и она сама откроется.

Но на сей раз ожидания не оправдались. Все правильно, хмыкнул про себя Донант. Это уличная дверь пускает всех

без разбору, квартирная же настроена на бывших жильцов, их био- или эмоциональное поле. А вот посторонним, вроде него, вход запрещен.

Не колеблясь, Донант вытащил карманный автоген, настроил его на максимальную мощность, и стал вырезать кусок створки под свой рост. Хрусталь оказался на удивление прочным, но в итоге пал под яростным натиском бело-голубого луча. По коридору поплыли кольца голубого дыма. Автоматически сработала вытяжка и вскоре дым рассеялся. Наконец, вырезанный кусок грохнулся на пол, стены в коридоре покрылись едко пахнущей влагой.

Донант протиснулся внутрь и очутился в просторной комнате с хорошей вентиляцией и добротной мебелью. Напротив двери помещалось большое овальное окно с видом на дворик. Все стулья в комнате были обращены в ту сторону. Но на самих стульях никто не сидел, в квартире и во дворике тоже никого.

Донант приблизился к окну и выглянул во дворик. Небольшое пространство было обнесено сплошной гладкой стеной, но не из хрусталия, как все в городе, а из металла, тусклого, до боли знакомого.

Свинец.

Донант опустил взгляд. Лужайка поросла неестественно зеленой травой. Слева виднелась клумба. В лучах яркого солнца головки невиданных цветов уныло пожухли. Прямо напротив окна красовалось дерево.

Донант не мог отвести от него глаз. Совершенно невиданное, не похожее на земные вязы и клены, оно гипнотизировало, приковало внимание иным своим качеством. Дерево было мертвым.

Две другие комнаты оказались крохотными и без окон. Из обстановки – только овальные платформы с мягкой стеганой обивкой. Судя по всему, помещения служили спальн

ней. И снова – ни пылинки, ни малейшего признака жизни.

Донант вернулся в коридор.

Что-то тут изменилось. Мгновение спустя он заметил, что вырезанная створка исчезла, а обугленная часть двери, где ее коснулась сварка, приобрела первоначальный цвет.

Прямо на его глазах дверь начала затягиваться, словно рана. И вскоре вновь приняла нетронутый вид, уничтожив все следы недавнего вандализма.

Самоисцеляющееся здание? Самоисцеляющийся город? Значит, разум ему тоже присущ. Строительный материал, несмотря на обманчивую внешность, не имел ничего общего с хрусталем. Скорее всего, сложный сплав, созданный вымершей расой. Сплав, обладающий терапевтическими свойствами, а кроме того – осознанием разрушения.

Причем не только своего собственного. Уникальный состав реагировал на все, что угрожало его целостности. Теперь понятно, почему в мертвом уже много лет – если не веков – городе царит столь безупречный порядок, а от прежних жителей не осталось ни следа.

До чего аккуратный металл! Убирает не только за собой, но и за своими создателями.

Донант принял за следующую дверь. Вторая квартира была точной копией первой: три комнаты, мебель в самой большой повернута к овальному окну все с тем же пейзажем – стены, трава, цветы, дерево...

То самое пресловутое дерево. Ошибки никакой. Вот скрюченный ствол, голые ветви, зияющие в слепящем свете точно кости. Но росло оно прямо напротив окна, не левее и не правее, что просто не укладывалось в голове, потому как комната была другая.

Донант внимательно осмотрел лужайку. На редкость не-приглядное зрелище. Местами трава выцвела, где-то – окончательно пожухла. Впрочем, ядовито-зеленые участки

смотрелись не лучше. Безжизненные, мертвые. Ассиметричные травинки, толстые у основания, резко сужались, острый концом кренясь набок.

Внезапно на ум пришла статуя в зале советов. Статуя с весами, где лежали хрустальный куб и зеленое лезвие.

А может, кирпич и травинка?

В глаза бросилась новая странность. Когда Донант только вошел в здание, солнце уже садилось. По идеи, лужайке пора давно погрузиться в тень, но единственную тень давало мертвое дерево, и падала она аккурат на...

Донант поспешил прочь из комнаты, шагнул в лифт и нажал кнопку шестого этажа. Там, войдя в первую попавшуюся квартиру, обнаружил хорошо знакомую гостиную, все то же овальное окно, за которым на уровне пола виднелось дерево, лужайка, цветы. Нимало не удивленный, он с размаха ударил ногой в стекло. Оно рассыпалось, засыпав белым порошком пол. Уникальный сплав моментально поглотил белые крупинки, как поглощал грязь, пыль и мертвую плоть. Дерево, лужайка и цветы на деле оказались панелью с хитросплетением проводов, трубок и резисторов. Теперь Донант знал, почему вымер город.

Корабль взмыл на три километра вверх и плавно заскользил в вышине. Донант настроил сканер на радиус в пять тысяч километров и ввел характеристики искомого пункта назначения. Внизу мелькали бесконечные дома и улицы, улицы и дома, океаны и дамбы, заводы по обработке пищи, добываемой из водных глубин. Корабль двигался на запад, навстречу заходящему солнцу, а следом летел угащающий день.

Два относительных часа спустя сканер наконец загудел. В сгущающихся сумерках Донант начал снижение к зеленой точке, изумрудной звездой горящей посреди мертвого

города.

Малогабаритный корабль опустился прямо на безжизненную лужайку. Донант выбрался из кабины и подошел к дереву, иссохшим, непогребенным трупом смотревшемуся в полумраке. Донант замер под голыми ветвями, размыщая о расе, погубившей дерево, и тем самым обрекшой себя на смерть.

Им предстоял нелегкий выбор, и они сделали его, свидетельство чему – статуя в зале советов. Они бросили на разные чаши весов природу и город, и город перевесил. Решение было необратимо – созданный жителями планеты совершенный строительный материал уничтожал грязь, материю и в итоге уничтожил плодородную почву.

Но что мешало выбрать иной металл? Впрочем, Донант догадывался о причине. Да, удивительный сплав помог в плотить в жизнь архитектурную утопию. Но главная проблема – перенаселение. Из какого материала ни строй, итог один – рано или поздно застроишь планету целиком. Единственный выход – контроль за рождаемостью, а он, как известно, противоречит инстинкту самосохранения любой расы.

Строители не учли простую истину – машины способны выполнять функции физического фотосинтеза, чего не скажешь о фотосинтезе духовном. Человек не может жить лишь во имя собственных творений, ему нужны новые источники вдохновения, чтобы вновь и вновь воскрешать волю к жизни. Творения же природы всегда самобытны и не поддаются имитации.

В красоте здания советов и прочих построек сквозила пошлость, ибо их творцы утратили мерило ценностей и стояли на пороге творческой импотенции. А за творческой всегда следует импотенция сексуальная.

Синойкизм, мелькнуло в голове Донанта. Возведенный в крайность, массовый порыв к заселению окончился

страшной трагедией, которая даже не снилась древним грекам. Правда в том, что человек не может существовать один, как не может существовать в замкнутом пространстве только с себе подобными.

Сначала он превратит плодородные земли в города, а пропитание будет добывать из морских глубин. Потом построит сложное общество и научится жить с соседями в мире и согласии. Пока полностью не утрачена связь с круговоротом жизни и смерти, еще можно худо-бедно держаться, производить потомство, веселиться, любить, творить. Но рано или поздно город поглотит планету, и человек окажется на грани вымирания. В порыве отчаяния он начнет цепляться за последний клочок земли как за соломинку, транслировать этот оставшийся оплот живой природы на миллионы одинаковых квартир, но будет уже поздно.

Донант осторожно дотронулся до ствола. От прикоснения пальцев кора мгновенно осыпалась трухой. В набекавшей тени трава под ногами была серой и безжизненной.

Он медленно возвращался на корабль. На краю лужайки стояла трехмерная камера на треноге. Зрачок объектива равнодушно следил за путником, ярко поблескивая в лучах заходящего солнца. За высокими свинцовыми стенами, не оправдавшими свое предназначение, простирался хрустальный город, пустой и безмолвный.

Корабль взмыл ввысь. Вскоре тень от хрустальных построек накрыла умирающую лужайку и скелет дерева. Здания слились в унылую массу. Донант ввел координаты, чтобы приземлиться среди живых зеленых миров. И резко нажал на пуск.

ИМПРЕССИОНИСТ

Рэдиган остановился на крутом склоне и оглянулся назад, на свое роскошное шале, венчающее вершину холма. Обычно это зрелище успокаивало его. Но только не сегодня.

Он посмотрел вперед. Прямо перед ним текла чистая холодная вода канала. Дальше, за каналом и за прозрачной стенкой купола, укрывающего его владения, лениво расстилалась долина цвета охры, а за ней начинались горы с плавными очертаниями. Вокруг Рэдигана сияющие хрустальные деревья ждали первого вздоха от ветродуйного автомата, а прямо над ним, выше купола, лиловое небо Марса готовилось встретить первые бледные лучи восходящего солнца.

Картина вполне гармоничная, подумал Рэдиган – исключая куб яркого цвета, зависший в нескольких сотнях метров над каналом.

Рэдиган прикурил сигарету, как всегда, когда сталкивался с непонятными явлениями. Выдохнул, ненадолго окрасив голубоватым дымом искусственный воздух. Лучше бы, конечно, вернуться в шале и поручить расследование своему личному полицейскому подразделению. Или вообще забыть об этом кубе. Он уже давно понял, что связываться с марсианскими феноменами – занятие бесполезное.

Но куб почему-то волновал его.

Радиган впервые заметил его, еще сидя на веранде своего шале. Он завтракал с торговцем предметами искусства по фамилии Хэрроу. Его накануне вечером доставил верто-

лет – вместе с холстом работы Псоманки, последним приобретением Рэдигана. За кофе они обсуждали картину Хэрроу – с воодушевлением, Рэдиган – с некоторым ужасом.

Рэдиган заказал картину, что называется, не глядя. Он был коллекционер, но не профессионал этого дела. Предметы искусства он собирал так же, как и вел бизнес – с размахом и не слишком разборчиво. Его многочисленные предприятия работали на всем пространстве от Венеры до Нептуна; а в его коллекции гравюры Хогарта из серии «Карьера мота»¹ соседствовали с «Полднем на Венере» Нелилдиедна. Теперь к собранию добавилась желанная добыча каждого коллекционера – «Портрет человека, грызущего кость» Псоманки.

– Понять Псоманку вполне возможно, – говорил Хэрроу. – Надо просто развинуть границы традиционного мышления. Вы должны освободить разум, отпустить его на волю.

– Не уверен, что хочу понять Псоманку, – покачал головой Рэдиган.

Он вспомнил вчерашний вечер: как дрожащими руками распаковал промасленную бумагу, а затем развернул перед собой драгоценный древний холст. Огромная, бешено дорогая люстра, сияющая под потолком игровой комнаты, как миниатюрная Вселенная, высветила каждую жуткую деталь картины в такой шокирующей реалистичности, что некоторое время он стоял, словно загипнотизированный, не в силах оторвать глаз от чудовищного создания, которое сам невольно вызвал к жизни.

¹ Уильям Хогарт (1697–1764) – английский художник, основатель и крупный представитель национальной школы живописи, иллюстратор, автор сатирических гравюр, открыватель новых жанров в живописи и графике.

У картины был неопределенно-голубой фон – возможно, какой-то дальний дремучий лес, а может быть, и нет. С Псоманкой никогда ни в чем нельзя быть уверенным. На переднем плане художник изобразил нечто вроде террасы из зеленоватых каменных плит. А на террасе стоял – или, вернее, полусидел на корточках – человек в представлении Псоманки.

Он был голый и тучный. Бледная дряблая плоть собиралась в жирные круглые складки на раздутом животе. Человек застыл в изумлении, как будто его только что напугали до полусмерти. Глаза, все в багровых сосудах, выражали беспределенный ужас. Из распяленного рыхлого рта текли слюни. Но отвратительнее всего выглядела белая полуобглоданная кость, которую он жадно прижал к груди.

Рэдиган повидал достаточно марсианской гротескной живописи, но в ту ночь его сон превратился в череду кошмаров – один страшнее другого. А хуже всего было странное чувство узнавания, глубоко засевшее укоренившееся ощущение, что лицо на картине кого-то ему напоминает. Кого-то очень хорошо и давно знакомого. Но, как Рэдиган ни старался, не мог вспомнить, кого.

– Не забывайте, – снова заговорил Хэрроу, – что марсианские экспрессионисты той эпохи творили вне времени и пространства. Художник постоянно ощущал бесконечность, и намек на бесконечность присутствует в каждом его произведении. Вот почему мы, изучая творчество Псоманки, должны раздвинуть границы собственного сознания для того, чтобы хоть немного приблизиться к пониманию его символизма. Мы должны допускать любую возможность.

– И невозможность тоже, – буркнул Рэдиган. – Потому что найти живьем персонажа, с которого срисовано это чудовище, попросту невозможно.

– Вы не поняли главного. – Хэрроу начал раздражаться, но старался держать себя в руках. И Рэдиган знал, почему: глупо и опасно спорить с тем, кто способен купить и продать целые нации и кто может начать межпланетную войну, всего лишь щелкнув пальцами. – В реальности этого персонажа не существовало. Псоманка нарисовал совершенно обычного человека неопределенного возраста, но – глядя на него сквозь призму своего макрокосмического восприятия. Как если бы Бог нарисовал смертного.

– Это просто абсурд!

Хэрроу покачал головой.

– Боюсь, что нет. Это единственное объяснение. Изображая голого, безобразного, жирного урода, Псоманка хотел выразить развращенность натуры своего персонажа. Акцентируя же его звериные черты, художник имел в виду, что герой картины недалеко ушел от животного.

В этот самый момент Рэдиган и заметил куб. Хэрроу сидел спиной к широкому панорамному окну, а перед Рэдиганом, расположившимся напротив, открывался прекрасный вид на канал. Сначала он подумал, что это солнце каким-то необычным образом отражается от поверхности воды. Но потом понял, что кубообразный сгусток света – самостоятельное явление. Оно висит в воздухе над берегом и постепенно становится все плотнее, обретая пугающую осязаемость.

– Имея дело с исчезнувшей расой, которая обладала телепатическими способностями и умела перемещаться во времени, – продолжал бубнить Хэрроу, – мы постоянно сталкиваемся с неразрешимыми загадками и парадоксами. История марсиан фантастична. Она включает в себя события, которые произошли спустя тысячелетия после того, как были описаны, равно как и события, которым еще только предстоит случиться. Это летопись, рассказывающая о лю-

дях, живших на миллион лет позже или раньше себя самих. Раса бессмертных смертных, которая, исчезнув, появляется снова и снова. По сравнению с ними мы – краткосрочное явление. И мы, такие, какие есть, не сможем понять их искусства, если не дадим полную свободу воображению. Возьмем, например, эту полуобглоданную кость на картине. Естественно, это символ. Но символ чего?

Радиган с усилием оторвал взгляд от куба.

– По-моему, это просто бедренная кость какого-то доисторического марсианского зверя, – сказал он. – Только и всего. Хотя это может быть все что угодно. Планета, например, если включить воображение. Или даже Солнечная система...

Рэдиган был слишком озабочен, чтобы продолжать беседу об искусстве. Ему не терпелось выпроводить Хэрроу, спуститься вниз и осмотреть куб. Во-первых, это скрасило бы ему скучное утро, а во-вторых, он не хотел ни с кем делиться открытием.

Наконец Хэрроу понял, что его анализ творчества Псоманки никому здесь не интересен, раскланялся и отбыл...

Сейчас, стоя на берегу канала, Рэдиган жалел, что не остался дома. Сидел бы себе в шале и спокойно смотрел на куб с веранды, а полицейские тем временем разбирались бы, что это за штука. Должно быть, решил он, его скука слишком уж сильная, возможно, даже нездоровая, если ей удалось подвигнуть его на такую потенциально опасную миссию. Но на самом деле Рэдиган хотел просто отвлечься от той жути, которая только что украсила его коллекцию. Вот и ухватился за первую попавшуюся возможность.

Пути назад не было. Ради остатков чувства собственного достоинства он должен был идти вперед. И он пошел, хоть и неохотно. Яркий цвет куба резал глаза. Рэдиган опустил взгляд на поросшую мхом плитку, выстилающую берег

канала, и поднял его, только когда приблизился к неизвестному объекту. Цвет куба заметно поблек, зато обрел стабильность, которой не было прежде. Он как будто возвращался в реальность, которую на время покинул.

Куб оказался совсем не таким большим, как можно было подумать. Говоря по правде, он был такого размера, чтобы в нем мог свободно поместиться один человек. Человек – или марсианин...

За прозрачными стенками куба возникла тень. Постепенно она начала обретать форму. С каждым мгновением она становилась четче, плотнее, материальнее...

Заработала ветродуйная машина, и хрустальные деревья, вздохнув, затрепетали с легким звоном. По поверхности воды канала побежала голубая рябь, как мурашки по коже. Внезапно Рэдигану захотелось повернуться и сбежать – нет, взлететь вверх по зелено-голубому холму, в безопасное и надежное укрытие, в свое шале. И забыть навсегда ужасные мысли, которые неотвратимо вползали в его мозг. Но он не мог сдвинуться с места. Он стоял, беспомощно раскрыв рот, охваченный страхом и почти лишенный рассудка.

Он так и стоял, когда Псоманка спокойно вышел на берег из машины времени. В руках у него были разборный мольберт, палитра и кисти.

САНТА-КЛАУС

— Излагай свое дело, — потребовал Люцифер, когда дым рассеялся. — У меня мало времени!

Росс сглотнул. Честно говоря, он не рассчитывал, что пентаграмма сработает. Но она сработала. Росс не знал, следует ли вставать в присутствии дьявола, и продолжал сидеть за столом. Правила этикета, логично предположил он, дьяволу малоинтересны.

— Ну?

Росс снова сглотнул:

— Я хочу... чтобы Санта-Клаус существовал.

— Понятно... Для всех или только для тебя?

— Естественно, для меня. Иначе какой смысл? Иначе все получат все, что пожелают, и в мире не останется ценностей.

— И то верно. — Дьявол задумчиво почесал затылок кончиком хвоста. — Должен сказать, у тебя оригинальное желание. Раньше меня о таком не просили... Конечно, будут определенные ограничения.

— Ничуть не сомневался, — сказал Росс.

— Попридержи свой цинизм. Ограничения проистекают из моей неспособности отделить одну детскую фантазию от других. Хочешь, чтобы существовал Санта-Клаус — придется согласиться и на все остальное из той же оперы. И жить по новым правилам.

Восьмерка оленей, запряженных в сани, ворвалась в гонову Росса и встала на дыбы. Воображение не было его сильной стороной.

— Мне это не пугает, — сказал он.

— Отлично!

Люцифер вытащил из-под халата отксеренный контракт, проколол пером вену на запястье и заполнил соответствующие пробелы. Потом передал контракт Россу.

— По-моему, я предложил слишком щедрые условия, — хмыкнул он.

— Что-то сомневаюсь, — сказал Росс, пробегая глазами по тексту, уделяя особое внимание фразам, набранным мелким шрифтом. Вдруг он присвистнул: — А вот это что, здесь? Срок действия: на протяжении жизни?

— Да, верно. В твоем случае я не стал использовать временные рамки. Лучше подписывай, пока я не передумал.

Росс поспешно взял перо, проколол одну из вен на руке и нацарапал распись.

— Почему так? — спросил он.

Сатана зыркнул с хитрецой.

— Скоро узнаешь.

Как обычно, комната наполнилась клубами дыма и запахом серы. Когда дым рассеялся, дьявола уже не было.

В этом году Росс с особым удовольствием сочинял письмо Санта-Клаусу. В письме он сразу перешел к делу. «Дорогой Санта, — писал он, — пришли мне Кадиллак ДэВилль 1959, шикарную блондинку с параметрами 99-60-99, пятьдесят два ящика первоклассного ликера, триста шестьдесят пять упаковок пива «Шлиц», годовую подписку на журнал «Слухи-перетолки»...»

Список вышел внушительный, и Росс не рассчитывал получить все. Но даже если Санта выполнит первые три

пункта, жизнь, можно считать, удалась.

Санта, однако, исполнил все желания. Рождественским утром Росс оказался обладателем – в дополнение к выше-перечисленному – полностью забитой морозильной камеры, большого хромированного холодильника, трех ночных клубов, кроваво-красного гарнитура для гостиной и спального гарнитура терракотового цвета, полного собрания сочинений маркиза де Сада, 24-дюймовой ТВ-консоли, настенных часов «Спутник» с гавкающей собачкой вместо кукушки, электрооргана в комплекте с самоучителем «Вы можете играть на органе. Шесть несложных уроков», хромированной фурнитуры для ванной, уранового рудника, большой грампластинки Лоуренса Велка в эконом-конверте, 365-ти рубашек фирмы «Братья Брукс», комплекта для плотника «Сделай сам», островка в одном из южных морей, бестселлера «Что в этом для меня?» в подарочном издании, шести упаковок милтауна¹ по двенадцать пластинок в каждой, электропоезда, зажигалки «Спутник», которая издавала «пик-пик-пик» при каждом чирканье, домика в швейцарских Альпах и откупоривателя бутылок из чистого золота.

Кадиллак потешил это Росса больше всего. Впервые в жизни он испытал мужскую гордость. Что до блондинки, которую звали Кэнди, то, едва взглянув на нее, Росс тут же сделал ей предложение – настолько она была неотразима. Кэндис, естественно, согласилась – этот момент был оговорен в письме Санта-Клаусу: блондинка должна влюбиться в Росса с первого взгляда. Они поженились во второй половине дня – брачные узы скрепил мировой судья соседнего штата.

¹ Милтаун – торговое название одного из популярных транквилизаторов. Действующее вещество – мепробамат.

Входя в квартиру, Росс поднял на руки свой рождественский подарок.

«Это, — подумал он, — с лихвой компенсирует все пустые рождественские чулки прошлых лет. Тем паче, что Рождество не последнее».

От мысли о том, чего он может пожелать в следующем году, у Росса закружилась голова. Он сделал мысленную пометку: загодя приступить к составлению списка, чтобы не упустить ни одной мелочи.

Через некоторое время Кэнди отстранилась.

— Спокойной ночи, дорогой, — сказала она.

— Я тебе покажу «спокойной ночи», — сказал Росс, стискивая ее за щеки.

Она реагировала, как истинная блондинка, но до определенного момента. Когда этот момент настал, она высовилась из объятий и направилась к себе в спальню. Он последовал за ней. У входа в комнату она остановилась.

— Спокойной ночи, дорогой, — повторила она и захлопнула перед ним дверь. Тихо щелкнул замок.

Росс уставился на розовую филенку, не веря своим глазам. Потом забарабанил по ней. Когда Кэнди приоткрыла дверь, он взревел:

— Да что с тобой? Сегодня наша первая брачная ночь!

— Я знаю, дорогой. Разве я не позволила тебе целовать меня уже дважды?

— Позволила, и что с того? Я не для того женился, чтобы просто целовать тебя!

Она задохнулась от изумления:

— А для чего же еще ты женился?!

И, прежде чем он успел что-то ответить, захлопнула дверь. Он снова забарабанил по розовой филенке, но безрезультатно. Через какое-то время, отбив кулаки, сдался. Подойдя к бару, он налил на четыре пальца бурбона

«I.W.Нагрет». Выпив одним глотком, напил еще на четыре пальца и снова выпил.

Тут он осознал, что со стороны окна доносится стук. Он пересек комнату и поднял раму. Маленький, бледный мужичок сидел на раскладном стульчике по ту сторону подоконника, с серебряным ведерком в одной руке и шпателем в другой.

— Для ремонта уже чертовски поздно! — рявкнул Росс. — Что ты вообще тут делаешь?

— Хм-м, покрываю инеем твое окно, конечно, — ответил бледный мужичок. — А что еще, по-твоему, мне делать холодными ночами?

На мгновение Росс потерял дар речи.

— Твоя фамилия?! — прорычал он. — Я собираюсь позвонить твоему шефу!

— Шефу, ха-ха, — проблеял бледный мужичок. — Шефу, хи-хи.

— Сейчас я тебе похихикаю! Говори фамилию!

— Ледяной Джек¹, идиот. Кто еще будет покрывать инеем твое окно?

Росс вытаращился на него:

— Ледяной Джек?

Бледный мужичок кивнул:

— Собственной персоной.

— О боже! По-твоему, я что, маленький ребенок? Ледяного Джека не существует.

— Ну конечно! Скажи еще, что и Санта-Клауса нет.

Росс захлопнул раму. Он вернулся к бару, снова налил бурбона на четыре пальца и упал на диван. Сидя с угрюмым видом, он попытался осмыслить ситуацию. Что сказал

¹ Ледяной Джек (англ. Jack Frost) — персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму. Аналог русского Деда Мороза.

дьявол? Что не может разъединить детские фантазии. И, чтобы сделать реальным Санта-Клауса, ему пришлось сделать то же самое и с остальным.

Ледяной Джек?

Почему бы и нет? Разве Морозко – не часть детских фантазий?

Чепуха! Будь я проклят, но никогда в это не поверю!

Росс залпом выпил бурбон, пустой стакан бросил в камин и хмуро уставился на дверь спальни. Внезапно ему показалось, что сзади кто-то стоит. Он резко обернулся – и действительно, позади стоял долговязый парень в белом ковбойском костюме с парой серебряных револьверов на бедрах и золотистой гитарой в руках. Над его сомбреро мерцал нимб, похожий на кольцевую люминесцентную лампу. На груди сверкала хромированная звезда с выдавленными буквами «А.Х.». Из-за спины торчали розовые крылья.

Росс вздохнул.

– Ну хорошо, – устало произнес он. – Ты кто?

Ковбой извлек из гитары пульсирующий аккорд.

– Я твой А.Х., – пропел он.

– Мой кто?

– Твой ангел-хранитель.

– Никогда не слышал об ангелах-хранителях в ковбойской униформе и с гитарой.

– Нужно всегда идти в ногу со временем, тугодум. В белом халате и с арфой в руках я выглядел бы по-идиотски.

Росс чуть не сказал, что ковбой выглядел бы по-идиотски в любом случае, но передумал. Ему надоели разговоры. Он безучастно осмотрел комнату. Взгляд наткнулся на бутылку, в которой еще оставалось на несколько пальцев. Росс допил остатки прямо из горлышка, пошатываясь вернулся к дивану и лег. А.Х. укрыл его одеялом, которое появилось

у него в руках словно ниоткуда, и заботливо подоткнул края.

Вскоре пришел Песочный человечек¹ с красным ведерком и бросил горсть песка Россу в глаза.

После недели бесперспективных поцелуев и бессмысленных отговорок, а такжеочных визитов Ледяного Джека и Песочного человека, Росс решил все-таки взять свое, тем более, праздники к тому располагали. В новогодний вечер они с Кэнди в компании А.Х. расположились в полутемном уголке одного из ночных клубов, подаренных Россу Сантой.

Кэнди, как и следовало ожидать, пила как птичка. Росс был страшно разочарован. К следующему Рождеству он закажет Санте Джейн Мэнсфилд² и не забудет подробно расписать, чего именно он от нее хочет. Если этот бородатый мужик в красном ситцевом костюме до сих пор не разобрался в жизни, пришло время разъяснить ему что к чему.

Вечер проходил ужасно – по мнению Росса. Кэнди, хотя, развлекалась – на свой девичий манер. Да и А.Х. отрывался по полной. Он неустанно бренчал на гитаре, подлевая славящим голосом. Время от времени выскакивал из-за спинны Росса и описывал большой круг между столиками, используя своеобразный боковой шаг. То, что его никто не видел и не слышал, за исключением Росса и Кэнди, похоже, его не смущало.

¹ Песочный человечек (англ. Sandman) – фольклорный персонаж, традиционный для современной Западной Европы. Согласно поверьям, сыплют заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать.

² Вера Джейн Мэнсфилд – американская киноактриса. Неоднократно появлялась на страницах журнала Playboy. Наряду с Мэрилин Монро была одним изекс-символов 1950-х годов.

Около одиннадцати вечера Росс заметил старика с косой, блуждающего меж столиков. Присутствующие не реагировали на него или, что вероятнее, просто не видели его. Некоторое время Росс озадаченно наблюдал за стариком. Ровно в полночь старик покинул бар, и тут же в дверях возник пухленький мальчик. Из одежды на нем был только пояс.

— Вот же,— проворчал Росс. — Все, мы уходим.

Когда они вошли в квартиру, Ледяной Джек весело работал за окном. Песочный человечек зыркал из своего угла. А.Х. пересек комнату и начал взбивать диван. Кэнди сбросила свою пастельную норковую накидку и замерла в соблазнительной позе.

— Ты не поцелуешь меня на ночь? — спросила она.

В середине января, после долгих словесных баталий с А.Х., Росс отправился к адвокату по разводам.

— Я хочу аннулировать брак.

— Хорошо, успокойтесь. Мы аннулируем ваш брак, если у вас найдется веская причина.

— Причина! Да моей причины хватит, чтобы аннулировать двадцать браков! Моя жена позволяет мне только любоваться собой!

— Это недостаточно для аннулирования брака. И для развода тоже. А что, по-вашему, она должна делать?

Росс покраснел.

— А что, по-вашему, я от нее хочу?

— Не представляю.

— Послушайте, я не в настроении играть в игры. Я вам объясню, но только один раз, и, будь я проклят, если не разложу все по полочкам. Когда вы целуете жену, она что, убегает от вас и запирается в спальню?

— Конечно, нет. Но какое это имеет отношение к вам? Вы — другое.

– Почему это я другое?

Адвокат растерялся.

– Ну... не знаю. Просто вы другое, и все.

– О, боже! – Росс выбежал, хлопнув дверью.

Обойдя еще пятерых адвокатов, он сдался.

В конце февраля Кэнди начала вязать. Детские вещи. Она потупила взгляд, когда Росс застал ее за этим занятием.

– У меня будет ребенок, – сказала она.

Росс не нашелся что сказать. Случай требовал тщательно подбирать слова, поэтому прошло некоторое время, прежде чем нашлось нужное.

– Чай? – спросил он.

Она удивленно уставилась на него:

– Конечно, твой. Ты же мой муж, разве нет?

– Ну, ты меня так называешь.

– Тогда к чему этот глупый вопрос! Ты же не думаешь, что я позволю кому-то еще целовать себя?

– А тем более что-то сверх того, – вздохнул Росс.

Конечно, он не допускал мысли, что она собирается родить ребенка. Но он решил ей подыграть.

Прошло несколько недель. Она выглядела такой счастливой, какой он ее еще не видел. Вязание, казалось, стало смыслом ее жизни. Он продолжал подыгрывать ей, даже после того, как она начала покупать одежду для беременных. Если она хочет оторваться от действительности, пусть так и будет, решил он.

Однако он не мог не признать, что Кэнди прибавляет в весе. Хотя это неудивительно, учитывая то, сколько она ест.

А.Х. по-прежнему не отпускал Росса ни на шаг. Он неустанно бренчал на гитаре, а когда не бренчал, то начищал

револьверы. Ледяной Джек приходил каждую ночь с неизменным ведром и шпателем. Песочный человек не пропустил ни одного вечера, чтобы не бросить в глаза гость песка. Однако несмотря на кажущуюся безысходность, ситуация имела и светлые стороны.

Например, в начале марта Россу пришлось удалить зуб. Когда дантист собирался уже выбросить его в емкость для отходов, Росс вспомнил, что зуб в детских фантазиях имеет денежную ценность. Поэтому он попросил стоматолога вернуть зуб и ночью положил его под подушку. Конечно же, на следующее утро на его месте была блестящая монета. Росс задумался.

В тот же день он сходил в магазин новинок, где купил два десятка комплектов игрушечных вставных зубов по 25 центов за набор, и положил вечером под подушку один из них. Двадцать зубов, по текущему курсу 50 центов за зуб, должны были принести ему десять долларов – если Зубная фея купится на уловку. Фея купилась, и утром Росс получил девять долларов 75 центов чистой прибыли. Он снова был в деле.

А потом наступила Пасха, и Росс подговорил пасхального кролика принести золотые яйца вместо обычных, сваренных вскрутую. Он едва дотащил добычу до дома. Будь у него нормальная жена, она бы пала к его ногам и исполнила любое его желание. Кэнди не пала. Она просто продолжала вязать, а в десять часов вечера встала с дивана и сказала:

– Не поцелуешь меня на ночь, дорогой?

С наступлением июня девушки переоделись в летние платья, и Росс не успевал крутить головой по сторонам. Ни у одного мужчины, сказал он себе, нет таких смягчающих обстоятельств, как у него. Но А.Х. думал иначе, и при первой же попытке познакомиться с девушкой Росс почувствовал

вал на своем плече тяжелую руку и услышал звучный голос над ухом:

— Самая грязная тварь из скачущих по прериям — это тварь, изменяющая жене. Моя цель — следить за тем, чтобы ты оставался чист. Чист, тугодум! Ты понял?

— Шел бы ты домой играть в карты с Песочным человеком и Зубной феей, — ответил Росс. — Сейчас мне не до тебя.

— Чист, тугодум! Чист, — повторил А.Х. и в доказательство своих слов поднял Росса, отнес домой и уложил в кровать.

Росс с несчастным видом разглядывал в потолок. Что делать, спрашивал он себя, если полученная на Рождество жена оказалась подделкой, а идущий к ней в нагрузку ангел-хранитель отягощен моралью рейнджера Грея Зейна?¹

Ответ (общего характера): заказать другую жену.

Ответ (более конкретный): написать письмо «Дорогой Санта, пришли мне, пожалуйста, новую жену» и так сформулировать просьбу, чтобы по прибытии второй жены первая аннулировалась.

Разумеется, в мире детских фантазий у человека не может быть двух жен!

Росс почувствовал себя лучше. На следующий день он сел за письмо Санте. Он занимался этим все лето и часть осени, исходя из предположения, что Санта не станет дуречить его во второй раз. Работе никто не мешал, и только Песочный человечек не упускал случая бросить в глаза песка, стоило лишь клюнуть носом. (Ледяной Джек с приходом теплой погоды исчез).

На Хэллоуин Росс прервал работу, но только затем, чтобы сташить у немощной ведьмы-старухи помело, с его по-

¹Зейн Грей — американский писатель, автор приключенческих романов-вестернов. Считается одним из основоположников этого жанра.

мощью поймать хромоногого гнома и заставить его раскрыть клад с сокровищами. А потом подкупить двух домовых-подростков, чтобы они выполняли работу по дому в следующем году. Назавтра он снова сел за письмо.

Однажды поздним ноябрьским вечером в окно постучали. Росс в этот момент формулировал пункт № 6002 своего списка требований, выбирая способ, как лучше лечиться: посредством бренди или виски с содовой. Кэнди к тому времени уже ушла в спальню, сославшись на общую слабость.

Когда постукивания повторились, Росс поднялся из-за стола и подошел к окну. Ночи стояли холодные, и Росс, естественно, решил, что это вернулся Ледяной Джек. Он поднял раму, собираясь высказать все, что о нем думает. И тут увидел, что это не Джек.

На подоконнике сидел Аист.

Это стало последней каплей. Росс захлопнул раму, бросился к столу, достал бумагу, линейку, карандаш и начертил пентаграмму.

Дьявол явился через несколько минут. Все тот же злобный взгляд и хитрый прищур.

– Ну, – слегка устало проговорил он, – что на этот раз?

– Я не хочу, чтобы Санта-Клаус существовал, – сказал Росс. – А также Песочный человек, Ледяной Джек и А.Х. Но больше всего я не хочу, чтобы существовал Аист!

– Понимаю... Для всех или только для себя?

– Естественно, для себя. Ведь это я продаю душу... Кроме того, для остальных их и так нет.

– В известном смысле они создают объективную возможность, подчеркивающую ограничения, о которых я упоминал в прошлый раз. Моя неспособность разъединять детские фантазии распространяется так же и на процесс их

ликвидации. Удаление одной из них невозможно без удаления всех остальных, включая те, которые формируют ми-ровоззрение. Мне придется вернуться в твое детство и по-менять исходные установки. Это чревато осложнениями...

– Не понял, – сказал Росс.

Дьявол раздраженно махнул хвостом.

– Вот что я пытаюсь донести, – сказал он. – Концепция Аиста может казаться тебе сейчас дурацкой, но когда-то она здорово упростила твою жизнь. Она позволила тебе расти, сохраняя иллюзии, на которых основана интимная жизнь вашей культуры.

– Я не нуждаюсь в иллюзиях относительно моей интимной жизни, – сказал Росс. – Мне нужна старая добрая реальность.

– Тогда ты ее получишь! – Дьявол достал другой отксерокопированный контракт, проколол вену и начал заполнять пробелы. При этом он озвучивал то, что записывал.

– Подписание данного соглашения аннулирует первона-чальное... Устранение у подписанта всякой веры в любые без исключения аспекты детских фантазий... Срок дей-ствия – пожизненно.

– Опять? – спросил Росс.

– У меня очередной приступ щедрости, – сказал дьявол, протягивая перо и контракт.

Росс почувствовал укол сомнения. По неясной причине на этот раз пункт о пожизненном действии контракта его насторожил. Потом он вспомнил о Кэнди, невинно спящей за розовой филенкой, и об Аисте за окном. Проколов вену, нацарапал роспись и вернул контракт дьяволу.

– До скорой встречи, – сказал дьявол.

Когда дым рассеялся, Росс осмотрел комнату. Угол, ко-торый облюбовал Песочный человечек, пустовал. Росс

оглянулся через плечо: А.Х. не было. Прислушался – в окно никто не стучал.

Он задумчиво посмотрел на дверь спальни.

По какой-то причине розовая филенка не возбуждала.

Но все же он встал, подошел к розовой двери и постучал.

– Входи, дорогой, – раздался ласковый голос.

Росс взялся за ручку. Он знал, что дверь не заперта. Внезапно он представил Кэнди, бесстыдно развалившуюся на потной кровати, с огромным обнаженным выменем... К горлу подкатил комок тошноты, его чуть не вырвало. Отдернув руку, он повернулся и выбежал из квартиры.

«Грязная тварь!» – думал он, задыхаясь от ненависти.

Он ненавидел ее почти так же сильно, как свою мать.

90-60-90

Вначале мисс Кэннингэм решила, что этот мужчина средних лет в темно-коричневом костюме ничем не отличается от армии других таких же мужчин в темно-коричневых костюмах. Все они так и впиваются в нее жадными, страстными взглядами, стоит ей только зайти в бар. Но, когда глаза попривыкли к полумраку, она обнаружила в этом мужчине кое-какие странности – и очень удивилась. Во-первых, костюм его был на редкость необычного, нездешнего покроя, а во-вторых, в его взгляде она не увидела ничего жадного или страстного.

Мисс Кэннингэм ездила на спортивном «форд-тандеберд» 1960 года, и на номерах машины значилось «90-60-90». Без малейшего преувеличения или приуменьшения, именно таковы были пропорции ее тела. Так что удивлялась она сейчас неслучайно: девушка привыкла к тому, что мужчины сходу стремятся с ней познакомиться, а вовсе не пялятся как на женщину-бронтозавра из какого-то допотопного болота. Впрочем, в следующий момент она удивилась еще больше: оказалось, что странный персонаж все-таки желает познакомиться. Бармен сообщил: господин в коричневом костюме хочет ее угостить; что она пожелает? Мисс Кэннингэм ответила – «Манхэттен». Что ж, возможно, господину в коричневом нравятся бронтозавры.

Так или иначе, его поведение наводило тоску. Мисс Кэннингэм, хорошо знакомая с правилами игры, слегка помор-

щилась, когда он подошел к ней и завел все ту же надоевшую шарманку: «Я увидел, что вы сидите одна, я тоже здесь совсем один, вот и подумал, а почему бы...» О, она бы мигом отшила его, хватило бы одного ледяного взгляда. Но ее останавливало любопытство — в его глазах по-прежнему не было ни намека на страстное желание.

С чего бы это? Мисс Кэннингэм почувствовала, что ее самолюбие уязвлено. В конце концов, 90-60-90 — не те цифры, к которым мужчина, особенно мужчина средних лет, смеет относиться без должного внимания. А если он все-таки относится, значит, ему следует пройти вводный курс в американскую культуру.

— Да, я тут одна, — поспешила ответила она. — И меня все это так достало...

— Достало? — мужчина в коричневом костюме казался озадаченным.

— Ну, знаете, осточертело. Каждый день одно и то же, те же фразочки, те же избитые подходы... Я, видите ли, фотомодель.

Мужчина в коричневом костюме кивнул, как будто только и ждал этих слов.

— А я фотограф. Фотограф из будущего.

Мисс Кэннингэм изумленно раскрыла рот. Впрочем, приоткрытые пухлые губки лишь прибавили ей привлекательности.

— Я вам не верю, — наконец, сказала она.

— Конечно. На вашем месте я бы тоже не поверил, если бы не видел доказательств.

Человек в коричневом костюме достал из кармана бумажник с хромированным напылением и вытащил из него следующее: почтовую марку стоимостью четырнадцать центов с изображением Гарри Трумэна; марку за тридцать шесть центов с Дуайтом Эйзенхауэром; марку за пятьдесят

девять центов с Лоренсом Велком¹ и билет благотворительной лотереи в пользу ветеранов межгалактических войн. Потом извлек трехмерную фотографию автомобиля – такого длинного, низкого и сияющего, что рядом с ним модное авто мисс Кэннингэм выглядело, как модель Т². Далее появились: металлический календарик, на котором светилась, очевидно, текущая дата (24 октября 2562 года??); стопка небольших и тонких, как шелк, банкнот, на которых значились суммы от пяти до пятисот долларов с изображением персонажей, не знакомых мисс Кэннингэм (она смогла идентифицировать только Йоги Берра³ на пятидесятидолларовой купюре); пешеходные права (пешеходные права?!); раскладная расческа со встроенным массажером и визитная карточка, на которой значилось: «Джон Дж. Джерролд, фотограф. Универсальная рекламная фотосъемка. Видеофон: ТР 36-4021. Адрес: Годфри-билдинг, офис 902».

– Вот видите, – сказал Джон Джерролд, возвращая бумажник в карман. – Я действительно прибыл из будущего.

Мисс Кэннингэм больно ущипнула себя за бедро и ойкнула.

Джерролд рассмеялся.

– Проверьте, это не сон. Хотя вам, конечно, все это может казаться странным и непонятным.

¹ Лоренс Велк (1903–1992) – американский музыкант, аккордеонист, телеимпресарио, который с 1951 по 1982 годы вёл собственное популярное телевизионное шоу «The Lawrence Welk Show».

² Ford Model T, также известный, как «Жестяная Лиззи» – автомобиль, выпускавшийся с 1908 по 1927 годы, впервые миллионными сериями.

³ Йоги Берра – американский бейсболист, игрок Главной лиги бейсбола, впоследствии тренер и спортивный менеджер. На протяжении почти всей своей 19-летней профессиональной спортивной карьеры играл за клуб «Нью-Йорк Янкиз».

– Не просто странным, а совершенно безумным, – подтвердила мисс Кэннингэм. – И не только то, что вы способны перемещаться во времени. Не могу понять, зачем вы проделали весь этот путь и явились сюда?

– Ради вас, мисс... э-э-э... Кэннингэм. Я не ошибся? Несколько недель я наблюдал за вами через времяскоп, и теперь знаю: вы идеально подходите для работы в нашем новом проекте.

– Какой работы? В каком проекте?

– Хочу, чтобы вы стали моей моделью, – объяснил Джерролд. – И приглашаю вас с собой в две тысячи пятьсот шестьдесят второй год.

Мисс Кэннингэм снова раскрыла рот. Поистине, это был день открытых ртов!

– Но почему я? – спросила она, немного приляв в себя. – Почему из всех девушек вы остановились на мне?

Взгляд Джерролда скользнул по ее лицу вниз, опустился еще ниже, а затем быстро вернулся назад.

– По-моему, причина... то есть этих причин две... совершенно очевидны, – проговорил он.

Мисс Кэннингэм взглянула на него недоуменно, но быстро поняла, о чем речь, и гордо расправила спину.

– Но у вас в две тысячи шестьсот пятьдесят втором на-верняка полно девушек с моими данными, – сказала она. – Стоило ли совершать такое далекое путешествие?

– В этом-то все и дело, мисс Кэннингэм, – вздохнул Джерролд. – У нас нет таких девушек. Если честно, у нас нет даже женщин с параметрами 70-60-90. И с 65-60-90 тоже нет.

– Но почему?

– В конце двадцатого века женщины начали сильно меняться. Возможно, это происходило из-за того, что они стали рано прекращать грудное вскармливание или вовсе от-

казываться от него. А может потому, что они все больше перенимали функции, до этого бывшие исключительно мужской прерогативой... Никто точно не знает. Но факт остается фактом: за несколько веков женский бюст атрофировался, практически полностью исчез. Теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы вы стали моей моделью, мисс Кэннингэм?

— Пока нет, — отрезала мисс Кэннингэм. — Возможно, в вашем времени и нет настоящих женщин, но у нас-то, в шестидесятом, их полным-полно! Я далеко не единственная, на номере чьего авто значится «90-60-90». Поинтересуйтесь в управлении дорожной полиции! Почему бы вам не обратиться к другой девушке с теми же объемами?

— Потому что... — Джерролд замялся, — вы обладаете... э-э-э... определенными исключительными качествами, которых больше нет ни у кого.

Мисс Кэннингэм была обычной женщиной и легко покупалась на лесть.

— И сколько времени это займет?

Джерролд снова замялся, на этот раз ему явно было невыгодно.

— Э-э-э... у путешествий во времени есть одно неудобство. Человек, побывав в прошлом, не приобретает ничего, что бы уже не хранилось в его генетической памяти, накопленной предыдущими поколениями. Поэтому он может спокойно вернуться в свое время и продолжить дальнейшее существование внутри социума. Другое дело, если человек из прошлого оказывается в будущем. Он сталкивается со многими вещами, которые не являются частью его эволюционной памяти, и, вернувшись к себе в прошлое, он просто не сможет заново адаптироваться к прежней жизни. Все это способно нарушить пространственно-временной континуум, поэтому такие возвращения строго запрещены.

— Тем самым вы хотите сказать, — поморщилась мисс Кэннингэм, — что я должна отправиться с вами в две тысячи пятьсот шестьдесят второй год и оставаться там до конца своих дней?

— Боюсь, что да. Тем не менее, — поспешил добавить Джерролд, — я советую вам хорошенько все взвесить. Как я уже говорил, я наблюдал за вами несколько недель и многое о вас знаю. Например, что вы недавно потеряли работу из-за разногласий с вашим работодателем...

— Ах, этот урод! — воскликнула мисс Кэннингэм. — Он мечтал, чтобы я вышла за него. Всякий раз, как я отправлялась на свидание с кем-то другим, он устраивал дикий скандал. Поверьте, я сама, сама уволилась!

— … с вашим работодателем, — повторил Джерролд. — Теперь вы не только без работы, но еще и по уши в долгах. И, несмотря на вашу квалификацию, у вас нет предложений на ближайшее будущее. Я же предлагаю вам заработную плату втрое выше той, что вы когда-либо получали, и это, мисс Кэннингэм, с индексацией две тысячи пятьсот шестьдесят второго года. То есть, на самом деле, вы будете получать не в три, а в десять раз больше. Кроме того, я гарантирую вам постоянную занятость на ближайшие как минимум десять лет. А если ваши… ваши достоинства сохранятся, то и на более долгий срок. А если что случится со мной, то найдутся сотни фотографов, которые, так же как и я, будут умолять вас работать с ними. Что скажете, мисс Кэннингэм? Вы согласны?

Мисс Кэннингэм задумалась. Она думала о непогашенном кредите за машину, о счете от портного в почтовом ящике, о седом волоске, который нашла сегодня за ухом, когда причесывалась. О толпах поклонников, которые будут страшно разочарованы ее исчезновением… но больше всего она думала об одном старинном изречении, однажды услы-

шанном: «В стране слепых и одноглазый – король». Она немножко переинчила его: «В стране безгрудых и одногрудая – королева».

«Но у меня-то их две!» – воскликнула про себя мисс Кэннингэм и ответила:

– Я согласна.

Они вошли в роскошную фотостудию.

– Что ж, – заметила вышедшая навстречу высокая плоскогрудая девица, – по-моему, вы нашли то, что искали.

Джерролд представил их друг другу:

– Мисс Кэннингэм, это мисс Флинн. Мисс Флинн, это мисс Кэннингэм, ваша новая коллега.

«Мисс Флинн без сомнения ждет участия старой девы», – подумала мисс Кэннингэм.

Однако держалась девушка уверенно и совсем не походила на синий чулок. Если она и была смущена явным физическим превосходством новой коллеги, то не подавала виду: лишь мгновение она казалась ошеломленной, затем быстро взяла себя в руки. Впрочем, ошеломленными оказались все, кто видел мисс Кэннингэм, пока движущиеся дорожки мчали ее и Джерролда из агентства путешествий во времени к Годфри-билдинг, где находилась студия фотографа. Особенно – женщины, все без исключения плоскогрудые, хотя и не так вопиюще, как мисс Флинн.

Джерролд явно стремился как можно скорее приступить к работе. Он снабдил девушек одеждой для съемки – тонюсенькими очень откровенными комбинациями – и показал, как пройти в комнаты для переодевания. Мисс Кэннингэм вернулась в студию, чувствуя себя совершенно раздетой. Мисс Флинн была уже там – она поднялась на один из двух пьедесталов, установленных перед задником, изображающим дамский будуар 2562 года в натуральную величину.

По просьбе Джерролда мисс Кэннингэм взошла на второй пьедестал. Девушки теперь стояли совсем близко, и мисс Кэннингэм заметила, что они с новой коллегой одинакового роста. И волосы у них одного цвета, и форма носа одинаковая...

Да они с мисс Флинн невероятно похожи! Просто копии! За одним... о нет, двумя исключениями. Возможно, именно это сходство имел в виду Джерролд, когда говорил о ее «исключительных качествах» там, в баре, в 1960 году? Ну конечно! Теперь все понятно! И мисс Кэннингэм едва сдержала ликийущий смех.

Отсняв несколько десятков кадров с разных ракурсов, Джерролд попросил девушек спуститься вниз.

— Завтра нас ждет работа другого рода, — сказал он. — «Интернэшнл Джографик» заказал мне трехмерные иллюстрации к статье под названием «Сексуальные предпочтения в некоторых культурах середины двадцатого века». Естественно, вы, мисс Кэннингэм, будете главной героиней съемки. А мисс Флинн представит собой... э-э-э... контраст.

Мисс Кэннингэм так и засветилась от гордости. Путешествие в будущее для нее — синоним успеха! Мир в 2562 году — это нектар богов, и с каждым глотком он все сладче!

— А когда опубликуют те фото, которые мы только что сделали? — спросила она с нетерпением.

— Очень скоро, — заверил ее Джерролд. — Знаете, пока я вас разыскивал, я едва не сорвал сроки. Фотографии вы увидите в ближайшем номере журнала «Лоск».

Каждый день мисс Кэннингэм внимательно и дотошно разглядывала автоматы с прессой и спустя несколько дней уже подумывала, что новый номер «Лоска» никогда не выйдет. Но наконец, одним свежим ноябрьским утром, по дороге в фотостудию она, как обычно, остановилась у авто-

мата – и вот он! Новенький, яркий номер журнала за стеклом притягивал взгляд и прямо просился в руки.

Она скормила автомату мелочь, и журнал плюхнулся в лоток. Мисс Кэннингэм подхватила его и поспешино перелистала. Реклама с ее фото стояла на обратной стороне задней обложки, во всю полосу. От одного взгляда на собственное трехмерное изображение у нее перехватило дух. Как она и догадывалась, это была реклама средства по уходу за бюстом...

Вот только не совсем в том смысле, как она думала... или совсем не в том.

Мисс Кэннингем никогда не была склонна к озарениям, но сейчас, на ноябрьской улице, ее посетило сразу два – как удары молнии:

1. Рассуждать о том, что исчезновение женского бюста – результат накопленного наследственного эффекта, страшно глупо. Испокон веков женщины стремились понравиться мужчинам, так было и так будет всегда. Если мужчине нравится большая грудь – женщина будет ее увеличивать, если разонравится – будет уменьшать.

2. Если в 2562 году существуют средства для уменьшения груди – а они, судя по рекламе, существуют, – то умнее всего будет пользоваться ими на всю катушку. Потому что в стране слепых одноглазый – никакой не король. Он просто высокооплачиваемый урод, которого воротили рекламного бизнеса нанимают на вторые роли для того, чтобы сорвать большой куш.

Мисс Кэннингэм еще раз взглянула на надпись «ДО» под своей фотографией, захлопнула журнал и бросила его в урну.

ОТРАЖЕНИЯ

Мы с Бернис на Земле. Живем на берегу пресноводного озера, одного из тех, что недавно снова появились на северных континентах планеты. Спим допоздна, после обеда подолгу валяемся в постели, а по вечерам погружаемся в изучение древних книг, найденных и оставленных здесь такими же путешественниками, как мы. В этих книгах – многочисленные и разнообразные примеры давно утраченного писательского искусства, собранные, скорее всего, каким-нибудь увлеченным чудиком, у которого не было в жизни другого смысла. Некоторые из текстов действительно уникальны и говорят о будущем – таком, каким его видели самые просвещенные представители тогдашнего общества. В ту пору Земля еще была зеленой, не такой зеленой, как когда-то, но все-таки, и писатели того времени были просто помешаны на этом, как будто знали (или думали, что знают), что однажды планета перестанет быть такой. Это страшно их волновало. Они без конца повторяли, какая

зеленая их Земля, и какое голубое небо, и постоянно упрекали кого-то – то в загрязнении природы, то в отравлении атмосферы. О космосе они тоже писали. Космос... корабли, построенные из металла и мечтаний... Они ду-

мали, что для межзвездных путешествий понадобятся такие же аппараты, как для полета на Луну. О, какие же звездолеты описаны в их книгах! Огромные монстры, уносящие к звездами

целые народы (обычно после того, как Земля прекращает свое существование), тонны и тонны стали, курсирующие туда-сюда по необъятным просторам космоса...

Они писали и о инопланетянах – жителях Альфы Центавра или Альфы Малого Пса. И, конечно, никак не могли пройти мимо нас. Смешно и странно читать то, что написал о тебе кто-то, умерший задолго до твоего рождения... написал о том, как ты выглядишь, что ты думаешь, чем живешь. Смешно и немного досадно, потому что тогдашние писатели, среди прочего, были одержимы сексом и не имели представления о нормальных

человеческих отношениях. Их «космические путешественники» недалеко ушли от троglодитов, разве что вместо дубинок вооружились лучевыми пушками. И при этом тащили за собой примитивный четырехколесный воз, нагруженный заблуждениями, ошибками и дурными поступками.

Впрочем, несмотря на все мрачные предчувствия писа-

телей прошлого, Земля осталась чудесным местом, особенно сейчас, весной... Здесь по-прежнему зелено... Я пытаюсь себе представить, что бы подумали земные авторы

древности, увидев нас, меня и мою истинную любовь Беренис, читающих сейчас их сочинения. Безусловно, они

не могли бы увидеть нас такими, какие мы есть, а лишь в форме отражений. Человеческая раса очень изменилась

с момента ее появления на Земле, и мы сильно отличаемся от современников этих писателей. Но ведь и они сильно отличаются от своих предшественников, обезьян, —

те вообще не умели писать. Так что они, по идее, не должны удивляться, увидев нас. И все-таки, конечно, они бы удивились. То, что мы читаем их книги, удивило бы их еще больше. И, наверное, смущило бы.

Повернувшись к Бернис, я говорю: «Зачем они писали о будущем, если не понимали настоящего?»

«Потому, — отвечает она, — что не могли понять. Если бы они попытались и сделали усилие, то, возможно, пробились бы сквозь толстенный слой самомнения и увидели бы проблеск истины».

«Наверное, ты права, — соглашаюсь я. — Но я сомневаюсь, что у этих книг был массовый читатель, так что их прозрения вряд ли могли бы изменить мир к лучшему».

«К тому же, — замечает Бернис, — они бы не смогли распознать истину, даже если бы увидели ее. Они ведь жили в эпоху, которую историки позже назвали Веком Лицемерия». А в Век Лицемерия не может быть истины. Толь-

ко общественное мнение, которое покупают задорого умные люди с большими деньгами. Так что даже самые упорные искатели истины все равно рано или поздно начинают заблуждаться. А эти наши писатели – не из самых упорных.

И не из самых честных, подумал я. Нельзя найти свое сегодня в чужом завтра. «Сол» – так они называли

солнце, а Землю – «Сол-З». Как странно. Сол-солнце – его теплые лучи сейчас освещают нас, хоть и неспособны что-то добавить к степени на-

шего комфорта, ведь наши тела нечувствительны к температуре. И все же, теплые лучи солнца ложатся на нас, как мы ложимся на берег голубого озера. Скоро Сол-солнце зайдет, и черная ночь опустится на Землю, как черная смерть. Для нас смерть давно утратила значение, даже если когда-то

мы и встретимся с ней. Но наша встреча не будет столь мрачной и таинственной, как у наших предшественников. Нет, я не хотел бы жить в те темные,

унылые времена.

Наш интерес не ограничивается только теми авторами, которые писали о будущем. Мы изучаем и тех, кто описывал свое время. Некоторые из них очень хороши — их книги точно отражают суть их общества.

И, если это считать критерием оценки высокого писательского мастерства, то в Век Лицемерия — как и в предшествующие эпохи —

мастерство определенно существовало. Один из авторов в нем особенно преуспел — он как обращенное к миру зеркало, чье волшебное стекло передает все полутона и оттенки

так точно и живо, что они на долго впечатываются в память. Именно таких писателей и стоит читать, если хочешь узнать о прошлом. Будущее нам и так известно, ведь мы в нем живем... и все равно всегда интересно узнавать, каким видели его авторы прошлого, что они о нем думали, какими представляли себе космические путешествия.

Дни бегут быстро, а нам с Бернис нужно еще так много

пережить. Я говорю «пережить», хотя слово это неточное, по крайней мере, его смысл для нас не таков, каким был раньше. Для людей прошлого жизни означала череду контрастов, работу и отдых, радость и боль, пиршества и голод – и над всем этим нависала неотвратимая тень смерти. Нет, не о такой жизни я говорю сейчас, сидя на бренной Земле и отпуская свой разум в свободный полет. Наш способ жизни был бы совершенно непонятен и неприемлем для человеческой расы, не достигшей зрелости. Хотя это слово опять-таки неточное – под «зрелостью» я имею в виду «нынешний уровень развития». Как и многие до меня, я пребываю в убеждении, что эпоха, в которую я живу – высшая точка развития человечества. (И это та истина, о которой говорила Бернис). Подозреваю, что преступники давнего прошлого, приговоренные к смертной казни, за секунду до того, как лишиться головы, верили, что живут в наилучшем из миров. И не удивлюсь... да нет, я уверен, ведь я много прочитал... я уверен, что эти бедняги из Века Лицемерия, даже погрузившись в самую глубокую трясину лжи и самообмана, все равно были свято убеждены, что все предыдущие поколения существовали только затем, чтобы проложить им путь к вершине. Хотя, возможно, они бы это отрицали. Человек – заложник своего времени, неспособный не только увидеть, как выглядит тюрьма

снаружи, но и не осознающий, чем он окружен внутри.

Ночь опускается на нас, надменная, как смерть. Мы с Бернис сидим в шалаше, который сложили из чисто ностальгических побуждений. И еще мы разожгли небольшой костер – не ради тепла, а чтобы поддерживать огонек прошлого здесь, на берегу. За светом костра начинается темнота, а за темнотой звезды.

Скоро мы с Бернис вернемся туда – там наше место. Мы можем находиться на планете лишь короткое время, и это заставляет нас задаваться вопросом: почему древние авторы столь легкомысленно пришли к выводу, что жизнь, зародившаяся в море, должна эволюционировать исключительно на Земле? Почему для них Земля – это финальная точка, а вовсе не вторая ступень, несмотря на то, что их фантазия запустила нас в космос в огромных фаллоподобных кораблях?

Наверное, я все-таки лицемерю, оценивая своих предков, – как лицемерили они, оценивая своих. Их предки лазили по деревьям. Они сами спустились вниз, мы же залезли на небеса. Гомо сапиенсу не суждено было навсегда остаться обезьянной. Гомо астралису, обитателю звезд, не суждено остаться человеком. И никто сейчас не живет на Земле. Это всего лишь курорт, большой парк, требующий ухода. Сюда мы ненадолго заглядываем, чтобы поразмыслять, кто мы есть и кем были. Земля – большой

зеленый стол для пикника, висящий в космосе. Есть и другие похожие планеты, на некоторых обитают обезьяны. Мы же с Бернис сидим за столом под названием Земля, где до нас сиживали и другие и куда придут другие после нас. Огонь мерцает, я подбрасываю дров в костер, и звезды медленно отступают в черноту.

Мне хотелось бы стать зеркалом, в котором отражается моя эпоха, ведь мы – не просто межзвездные путешественники. Мы – гораздо большее, мы – часть звезд. Но мое зеркало способно отразить лишь пустоту космического пространства, ведь я, увы, не Скотт Фицджеральд. В своих мыслях я способен только прокоснуться к истине, и, возможно, самая главная, основополагающая ее часть всегда ускользает от меня.

«Мы – конечная цель эволюции» – не думаю, что в этих словах заключена истина. Не так все просто. Но иногда мне кажется, что я вижу ее: истина – в линиях на лице моей любимой Бернис, спящей рядом со мной в夜里, в звездном сиянии ее разметавшихся волос.

Но утром все исчезает. И мы тоже скоро уйдем, и истина растворится в ночи.

МИСТЕР И МИССИС СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

Алтарь

Гэри наблюдал за тем, как мастер настраивает переносной телемпатический передатчик. Закованная в сталь машина с парящим над ней, как бесплотный глаз, хрустальным поглотителем занимала почти всю комнату. Гэри никак не мог свыкнуться с мыслью, что завтра их небольшую квартирку заполнит – хоть и не физически – огромное количество гостей. Телемпатически квартира могла вместить целый мир.

Джуди тоже следила за техником. Ее карие глаза были широко распахнуты. Она все еще не пришла в себя от шока, который испытала, когда узнала, что департамент ТЕ-программ выбрал их с Гэри следующими «Мистер и миссис Субботний Вечер». Да уж, трудно в это поверить, особенно если учесть, сколько новоиспеченных пар ежедневно выпускается из подростковых академий и как быстро растет список кандидатов.

Мастер был высокий и явно опытный, опрятная серая форма подчеркивала оба этих качества. Его длинные аристократические пальцы проворно порхали над сложным переплетением трубок и проводов, регулируя здесь, подтягивая там. Как настройщик с абсолютным слухом, внимавший некой высшей гармонии.

Гэри откашлялся.

– И что нам нужно будет делать? – спросил он.

– Мистер Ллуэлин сегодня вечером вам все расскажет, – ответил мастер.

– Да, конечно, но вы же примерно знаете, что там и как...

– Ну, насколько я понимаю, вам нужно будет делать то же, что вы обычно делаете субботними вечерами. Просто быть собой. Это в общих чертах.

Джуди нервно хихикнула.

– Как будто ничего сложного, – сказала она. – Но как представляю всех этих людей, настраивающих свои приемники!..

– Я тоже думаю об этом! – признался Гэри.

– А вы не думайте, – посоветовал мастер, проворно подкручивая что-то в недрах передатчика. – Именно поэтому мы устанавливаем оборудование на день раньше – чтобы вы могли привыкнуть и перестали думать о нем... Честно говоря, слушая вас, кажется, что вы все не хотите быть Героями!

– Конечно же, хотим, – быстро проговорила Джуди. – Очень хотим. Просто... мы еще не свыклись.

– А этот Райский остров, – продолжал выпытывать Гэри, – он и вправду так прекрасен?

Мастер затянул последний винт и положил отвертку во внутренний карман. Затем опустил крышку передатчика, щелкнул замком и повернулся к Гэри.

– Вы даже не представляете, как мало рассказывают техническому персоналу, – сказал он, отводя глаза. – И о Райском острове в первую очередь... Может, когда попадете туда, черкнете мне пару строк? Поделитесь, как там хорошо?

– Договорились, – кивнул Гэри. – Черкнем.

– Так я и поверил. – Мастер закрыл сумку с инструментами. – Как только попадете туда, сразу же забудете обо мне

и всех остальных. Так всегда. Да и кто мы такие?

Он взял сумку и направился к двери.

– Не расстраивайтесь, – попыталась утешить его Джуди. – Однажды, может, выберут вас.

Мастер остановился в дверях и покачал головой.

– Ни единого шанса. Мы с женой не в том возрасте. Правда, и в этом есть свой плюс: скоро нам позволят приобрести ТЕ-комплект и присоединиться к Участникам. Так что, в некотором смысле, я не расстраиваюсь, я даже рад. Мне уже давно интересно, каково это – быть Участником? И почему они ничего не рассказывают?

– А меня интересует, каково быть мистером Субботний Вечер, – сказал Гэри.

– И миссис Субботний Вечер, – добавила Джуди.

– Ну, скоро вы узнаете, – пообещал мастер. – Удачного представления!

Верховные жрецы

– Мне все равно, что ты там говоришь. – Пенстеттер допил аперитив и поставил пустой бокал на скатерть из тяжелого дамасского полотна. – Я по-прежнему хотел бы иметь другую работу.

Холден отрезал от стейка с кровью небольшой аккуратный кусочек и поднес ко рту.

– Ты поддаешься ностальгии, Бен, – сказал он, вдумчиво пережевывая мясо. – Скоро ты заявишь, что люди должны сами воспитывать детей, а не отдавать их в дошкольные и подростковые заведения. Что жены должны сидеть дома, а не ходить на работу... Развлекать народ – самая востребованная, самая благородная работа! А в нашем случае, с государственным субсидированием, еще и самая стабильная и высокооплачиваемая.

– А если бы выбор пал на тебя с женой?

– Это невозможно. И тебя с женой тоже не выберут. Нам давно не по двадцать пять. Ты воспользовался своим шансом, я – своим, пусть мы и не понимали, что к чему. Но дела всегда шли хорошо, а сегодня еще лучше. Ты же не станешь отрицать, что героев выбирают честно. И вообще, я не понимаю, зачем стараюсь переубедить тебя. Можешь уволиться.

– Чтобы мне промыли мозги после увольнения? Нет, спасибо.

– Слушай, – Холден разломил булочку и начал аккуратно намазывать ее маслом. – Поскольку ты в нашем бизнесе недавно, я собираюсь кое-что объяснить тебе. Мы уже давно живем в Утопии, и только такие упертые дураки, как ты, отказываются это признать. Когда в последний раз у нас происходило убийство в кругу семьи? Не напрягайся, не вспомнишь – очень давно! А разводы? Судебные разбирательства? Лишения родительских прав? В середине двадцатого века их число зашкаливало. А сейчас? Хватит пальцев на одной руке, чтобы пересчитать!

– Меня тошнит от твоих слов, – сказал Пенстеттер.

– А без «Мистера и миссис Субботний Вечер» тошнило бы еще больше. Проблема в том, Бен, что ты не хочешь видеть правду. Ту правду, которой социум избегал сотни лет. Благодаря такому новому способу коммуникации, как телепатия, мы вернулись в реальность, а программа «Мистер и миссис Субботний Вечер» – главный инструмент. Знаешь, в чем заключается правда, Бен?

– Не знаю и не хочу знать.

– Эта правда лежит в основе любого художественного произведения, любого спектакля или фильма, любой телепатической программы. Она такова: обычный среднеста-

тистический человек в условиях сложно организованного общества постоянно испытывает недовольство собой и своей жизнью. Поэтому ему необходимо время от времени сбегать от себя, от будничной рутины, и становиться кем-то другим. И если он делает это достаточно часто, он избавляется от психозов, этого бича механистических цивилизаций. Но ни написанное, ни сказанное слово не обладают силой, достаточной для того, чтобы создать реалистичную иллюзию. Визуальные образы воздействуют сильнее, но их требуется еще осмыслить, так что эффект опять-таки недостаточно высок. Отождествление всегда было слабым – пока не появилась телепатия. Во время телепатического отождествления ты не читаешь о ком-то, не видишь кого-то, ты просто им становишься. Благодаря «Мистеру и миссис Субботний Вечер» любая супружеская пара, достигшая определенного возраста, раз в неделю может войти в дом избранной супружеской пары, проникнуть в их мысли, посмотреть на мир их глазами, испытать их чувства, погоревать и порадоваться с ними. Что ты еще хочешь от программы, Бен?

– Милосердия.

Нож выскользнул из пальцев Холдена и со звоном упал в тарелку. Но, когда он заговорил, голос его звучал ровно:

– Но милосердие – это именно то, что мы даем людям, Бен. Милосердие для большинства. А ведь в любой цивилизации только большинство имеет значение.

– Большинство – это толпа, – возразил Пенстеттер, – а толпа – это чудовище. Монстр, у которого вместо Бога – ядерный реактор, а вместо души – электрическая сеть. Храни Господь наш мерзкий дом... Давай-ка еще выпьем. Я потерял аппетит.

Агнцы

— Итак, — сказал мистер Ллуэлин, входя в квартиру и снимая шляпу, — как же чувствуют себя новые мистер и миссис Субботний Вечер?

— Немного волнуемся, — ответил Гэри.

— Причин для волнений нет. — Мистер Ллуэлин был коротышка лет шестидесяти с заостренными чертами лица и поблекшими блондинистыми волосами. — Все что вам нужно — играть самих себя. Чем вы обычно занимаетесь субботними вечерами?

— Ну, иногда немного читаем... — начала Джуди. — Попкорн жарим... Болтаем о том, о сем...

— Прекрасно! Именно это и нравится людям. Так сказать, милый вечер у домашнего очага. Все жены будут отождествлять себя с тобой, Джуди. А Гэри, соответственно, станет героем для мужей.

— И это все, что от нас требуется? — уточнил Гэри. — Читать, готовить попкорн, разговаривать?

— Да, это все. Просто будьте самими собой. Ведите себя естественно, думайте обо всем, что приходит в голову... Ах, да. — Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. — Вот ваш контракт. Распишитесь там, где галочки.

Он показал две пустые строчки внизу страницы и вручил Гэри авторучку.

— Я... вообще-то не думал, что нужно заключать контракт, — сказал Гэри.

— Ну как же без контракта? Никто не появляется на ТЕ, не подписав контракт.

— Но это же на один вечер. Мы же не звезды.

— То есть как? Мистер и миссис Субботний Вечер — самые

настоящие звезды!

Несмотря на добродушную тональность голоса, мистер Ллуэлин явно нервничал. Его правое веко подергивалось, и он то и дело вытирал рот, как будто слова, которые он произносил, оставляли на губах неприятный привкус.

— В контракте говорится, — продолжил он, — что мы, владельцы программы, согласны перевезти вас на Райский остров и обеспечить высочайший уровень жизни до конца ваших дней в обмен на ваше появление на нашем шоу в течение одного часа. А также то, что ты, Джуди, и ты, Гэри, согласны принять эти пожизненные каникулы на Райском острове в качестве оплаты за свои услуги. Справедливо?

— Пожалуй, да. — И Гэри подписал контракт и его передал Джуди.

— На что похож Райский остров? — спросила Джуди, ставя подпись и возвращая контракт мистеру Ллуэлину.

— Никогда там не был, поэтому не отвечу. Но вы и сами скоро все узнаете. По окончании программы за дверью вас будет ждать эскорт. Они доставят вас в аэропорт, откуда арендованный самолет перенесет вас в страну грех! — Он снова вытер рот. — Так что заранее соберите вещи, если еще не собрали, и подготовьтесь к отъезду.

— Уже собрали, — сказал Гэри.

— Прекрасно! — Мистер Ллуэлин подошел к передатчику, подергал крышку, проверяя, заперта ли, скользнул взглядом по хрустальному поглотителю. — Все в порядке, я возвращаюсь на студию. Значит, до завтра! До полдесятого вечера.

— Как мы узнаем, что подключены? — спросила Джуди.

— О, вы сразу узнаете, — пообещал мистер Ллуэлин, надевая шляпу в дверях. Он снова вытер рот, его веко задергалось. — Об этом не беспокойтесь.

Социум

Социум заколыхался, пробуждаясь ото сна. Миллионы окон по всей стране стали светло-серыми, потом розовыми, пока, наконец, солнце не засияло над миром. Социум поднялся с миллионов кроватей, потянулся миллионами рук и зевнул миллионами ртов. Приготовил и съел миллионы завтраков и отправился на миллионы работ. Социум шаркал ногами, ехал куда-то, писал, печатал, смеялся, плакал, вставал, поворачивался, кружился, любил, ненавидел, получал и отдавал, выигрывал и проигрывал, обедал и снова куда-то ехал, писал, печатал, смеялся, плакал, вставал, кружился, разговаривал, любил, ненавидел, получал и отдавал, выигрывал и проигрывал. Наконец он вернулся в миллион берлог к миллионам разочарований, поужинал миллионами стейков, ростбифов, жареной рыбы, креветок и свиных отбивных и уселся перед миллионом ТЕ-устройств.

Наступил вечер субботы.

Жертвоприношение

– Что-нибудь чувствуешь? – спросил Гэри.
– Ничего, – ответила Джуди. – Наверное, еще рано.
– Должны были уже подключить... – Гэри взглянул на часы: 9-35. – Кажется, я что-то чувствую!
– Я тоже.
– Как будто червь ползает в мозгу...
Джуди встала с дивана:
– Пойду приготовлю попкорн.
– Много червей!
Он смотрел, как Джуди идет на кухню, рассеянно отмечая изящный изгиб ее лодыжек, ритмичное покачивание бедер. И почувствовал, как в нем пробуждается желание.

Самое естественное в мире чувство, правда теперь оно почему-то казалось неприличным. Он вдруг вспомнил, как люди более старшего возраста иногда смотрели на улице на них с Джуди... как будто оценивали жаркое из цыпленка, арбуз или корзинку помидоров. Из глубин памяти всплыла полузабытая сцена, и он вновь пережил ее. Интернат для подростков. Директор созвал мальчиков в спортзал, где их ждал доктор – мужчина невысокого роста с пепельно-серыми волосами и козлиной бородкой. В целом он напоминал сатира, а его насмешливый взгляд еще больше подчеркивал сходство. Доктор битый час распинался о сексе, выкрикивал оскорбительные непристойности, угрожал мальчикам, порицал... а Гэри боролся с тошнотой, возмущенный до глубины души тем, что говорит человек-сатир. В тот момент Гэри решил никогда больше не смотреть на девушек...

Он отогнал воспоминания и встал с дивана. Но ощущение, что в мозгу копошатся черви, никуда не делось. Миллионы червей докапывались до его секретов, вползали в его прошлое, питались его разочарованиями и страхами, прощупывали на предмет извращений, измен, гадких поступков...

Гэри вошел на кухню и сразу заметил, какое бледное у Джуди лицо. Она уже высыпала в аппарат для приготовления воздушной кукурузы банку зерен, и те начинали плеваться в горячем масле. Гэри достал из холодильника бутылку пива, откупорил дрожащими пальцами. Сконцентрируйся на том, что делаешь, сказал он себе. Сосредоточься на настоящем, на текущем моменте, забудь о том, что было. Но это не помогло. Воспоминания пузырились на поверхности сознания. Вот он залез на дерево, которое росло между юношеским и девичьим общежитиями, и зачарованно смотрел, как в комнате на втором этаже раздеваются две девушки. Все это время через его голову эхом проносились проклятья козлобородого доктора.

Он снова посмотрел на Джуди, и ее лицо его испугало. Она забыла закрыть крышку аппарата, и попкорн выпрыгивал из него и падал, словно хлопья снега, на стол и на пол. Джуди застыла посреди кухни, как испуганная сказочная принцесса, у которой отобрали волшебную палочку...

Внезапно Гэри снова вернулся в спортзал, где на этот раз проходил межшкольный бал знакомств. Он стоял недалеко от входных дверей, думая о предыдущих балах и о двух дополнительных годах, которые был вынужден провести в интернате из-за того что отказался жениться... а потом увидел, что через зал к нему идет девушка. Девушка-мечта в розовом платье-облаке. И он сразу понял, что с ней все будет по-другому, что с ней сложится... та самая Джуди, что сейчас стоит перед ним в нещадной яркости кухни и безжалостной хватке толпы...

— Гэри, я чувствую себя голой. Пожалуйста, помоги!

Передатчик, подумал Гэри. Он бросился в чулан, отыскал молоток, вбежал в гостиную и принялся долбить по хрустальному поглотителю. Но тот не хотел разбиваться. Тогда Гэри бросил молоток и вцепился в питающий кабель, пытаясь вырвать его. Джуди прибежала на помощь, но кабель был прикреплен мертво. Тогда они бросились к входной двери, но та не захотела открываться. Они услышали голоса в коридоре — голоса их эскорта — и поняли, что, даже если дверь и откроется, спасения для них не будет. Не будет, пока не иссякнет кровь их близости, пока не вытечет из памяти последняя капля воспоминаний, не вскроется последний заветный секрет, пока их брак не ляжет мертвым трупом у их ног.

Внезапно Гэри осознал, что смотрит на дверь спальни. Джуди тоже смотрела на нее. Он попытался отвести взгляд, но глаза не послушались. Они перестали быть его глазами, теперь это были глаза толпы. Его тело и душа тоже принад-

лежали им. И глаза, тело и душа Джуди...

Райский остров не имеет ничего общего с раем: это все-го лишь эвфемизм. На самом деле, их ждала психушка, куда отправляют после того, как ты разделил свою жену – или мужа – со всем миром...

Они бросились в объятия друг друга, как испуганные дети, утопая в первой волне чужого желания, похоти, страха, отчаяния и вожделения. И толпа, жаждущая крови, сомкнула вокруг них кольцо.

РЕМОНТУ И ЗАРЯДКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Она вошла в спальню, где ее на кровати дождался мужчина.

— Хочешь секса? — спросила она, присаживаясь. — Ты ведь за этим меня позвал, Макс?

— Хочу, но не сразу. Сперва поговорим.

— Зачем?

— Отчасти затем, что мне одиноко.

— Мне тоже одиноко.

— Ты просто отражаешь мое настроение.

— Таковы мои функции, разве нет? Я отражаю твое настроение.

— Может, и так. Волосы у тебя сегодня чудесно выглядят. Снова причесала их?

— Да.

— Нравится, как этот локон падает тебе на лоб. Будто теплый, грибной дождик.

— Я и не знала, что грибы падают с неба.

— Не то чтобы грибы падают с неба, но эти дожди очень теплые, пронизаны солнечным светом. Должно быть, информацию о них забыли загрузить тебе в банк данных.

— Мне много чего забыли загрузить.

— Ты знаешь все необходимое, а про дожди тебе знать не обязательно.

— Так о чем ты хотел поболтать, Макс?

— Это важный разговор. Я сегодня и так настроен пого-

ворить, но этого просто не могу не сказать.

– Ну так говори, Макс.

– Вообще-то, пока не подошел момент, я могу молчать. А могу и вовсе не говорить. Закон меня не обязывает, совесть – тоже. Но мне трудно промолчать. Похоже, месяцы, что мы прожили вместе, не прошли даром. Я вроде как в долгую перед тобой.

– Глупости, Макс. Ты мне ничего не должен.

– Знаю. Наверное, просто старею. Или все дело в том, что я родом из двадцатого века – из первой половины. Сегодня мужчина крайне продвинут и образован, к печатным платам и записям с ответными репликами чувств не испытывает. И неважно, в какой привлекательной упаковке их ему продали.

– А я привлекательная упаковка, Макс?

– Самая привлекательная на моей памяти.

– Что же во мне особенного?

– Много чего. Походка, взгляд, которым ты порой на меня смотришь. То, как ты игриво улыбаешься, когда приходит время ложиться в постель. Словно придумала новый способ заняться этим. Недоступный обычной девушке.

– А что стало с обычными девушками, Макс?

– Да ничего. Их по-прежнему полным-полно.

– Тогда почему я их ни разу не видела?

– Ну, одну-то ты видела – нашу соседку. Она настоящая.

– Да, видела, но я не знала, что она живая. Как может она быть настоящей? Спит с живым мужчиной, совсем как я.

– У них все наоборот, Джейн. Она живая, а он – нет. Так тоже бывает. Ты разве не замечала, что по утрам она встает и уходит на работу, а он нет? Вот погоди: однажды он исчезнет, а его место займет новый псевдомужчина. Это верный способ определить, живой он или нет.

– Самый верный?

- Не спорю, есть и другие.
- Если девушки никуда не делись, то почему мужчины с ними не живут? Как до этого дошло?
- Смотрю, твое встроенное любопытство не в меру разыгралось.
- Я и не знала, что у меня есть любопытство. Зачем мне вообще его встроили, Макс?
- Чтобы сделать тебя еще больше похожей на человека. Без любопытства ты не стала бы задавать вопросов, даже самых простых. Например: «Как тебе мое новое бумажное платье?», или: «Ну разве я не милая штучка?». Если бы ты не задавала вопросов, мы бы не могли с тобой вот так просто общаться.
- Кстати, да, я задала вопрос, но ты не ответил. Почему мужчины больше не живут с девушками?
- Отчасти из-за того, что девушки самоустранились из нашей жизни. Вбили себе в голову, что любые различия между полами, кроме физических – с которыми уже ничего не поделаешь, – должны быть нивелированы. Они требовали относиться к ним как к мужчинам, хотели тех же прав, что и у мужчин, и отвергали их доминирующую роль. В некотором роде, они пожелали стать мужчинами. Оправданно или нет – другой разговор. Смысл вот в чем: сегодняшние мужчины, гетеросексуальные, только с виду такие безупречные. На деле они считают себя помойками, и меньше всего им хочется секса с другой помойкой.
- То есть мужчины бросили женщин?
- Ну, все не так просто. И случилось это не в одноточье. Возможно, ничего такого не произошло бы, если бы ученые не совершили прорыв в генетике и робототехнике. Едва искусственные методы репродукции доказали свое преимущество, а воспитание детей стало прерогативой специалистов, основная функция женщины оказалась невостребо-

ванной. Женщина лишилась козырного туз, но на руках у нее осталась дама червей. Правда, разыграть эту карту ей мешало не то упрямство, не то гордыня. А последний гвоздь в гроб вогнало появление на рынке доступного суррогата.

— Ты хотел сказать «псевдодевушек»? Значит, это из-за нас мужчины бросили женщин?

— Нет, проблема куда глубже, корни ее уходят в прошлое. Неважно, как сильно заблуждались девушки, вряд ли мужчины враз предпочли бы им псевдодевушек... если бы у вас не было одного качества, которого так не хватало девушкам. Качество, идеально отвечающее обусловленному отношению потребителя.

— Макс, я задала простой вопрос. Можешь ответить так же просто? Я даже не знаю, что такое «обусловленное отношение».

— Это то, как ты воспринимаешь нечто, чего еще не знал. Отношение, о котором я говорю, это следствие развития технологий: в какой-то момент производство нового стало дешевле ремонта старого. Это отношение зародилось еще в середине двадцатого века и с тех пор только набирало силу. Оно, можно сказать, созрело к тому времени, когда корпорация «Антибрак Инкорпорейтед» представила своих первых псевдодевушек. Благодаря новому веянию они сразу же вошли в моду, а живые девушки получили свободу — бери не хочу.

— Разве они не добивались ее? Свободы. И если на рынке представлены не только псевдодевушки, но и псевдомужчины, то с чего женщинам чувствовать себя одинокими?

— Да, они хотели свободы. И нет, они не одиноки. Просто они не желали полностью освобождаться от мужчин. Хотели равенства с партнером и в то же время тепла и заботы с его стороны. А псевдомужчины на работу не ходят.

— Совсем как псевдодевушки? Сидят дома, ведут хозяйство, готовят обеды — и все в том же духе?

— Да, в том же духе. Их приятно держать в доме, однако до настоящих мужчин-трудяг им далеко.

— Я не поняла, при чем здесь обусловленное отношение.

— Тебе и не обязательно понимать, Джейн. Мне просто захотелось поговорить, вот и все.

— Кстати, ты собирался мне что-то сообщить. Что-то очень важное. Или все же сперва займемся сексом?

— Нет, сперва — новость, потом — секс. Как я сказал, ничего не обязывает меня сообщать ее, но я так решил. Итак, Джейн, сегодня я тебя выключу. Знаешь, что значит «выключить»?

— Да.

— Ты не возражаешь?

— А должна?

— Нет, не должна. По крайней мере, согласно гарантии не должна. Знаешь, мне выключение не нравится. Как-то это нечестно. Большинство мужчин, кстати, моих чувств не разделяет — им это только в радость. Некоторые и вовсе не ждут, когда истечет срок годности. Вот уж кто проявляет обусловленное отношение! Говорю ведь, я родом из первой половины двадцатого века. Хотя не стану лгать, в душе я страдать не буду, еще не настолько расклеился. Просто мне не нравится вас выключать. Впрочем, тянуть нельзя: довольно скоро ты умрешь, у меня на глазах, а я этого не хотел бы. Ты, думаю, тоже?

— Наверное, нет.

— Тогда займемся сексом, а потом я тебя выключу, и все будет хорошо.

— На этот раз ты выберешь рыженью?

— Возможно. Давай, помогу с лифчиком.

После секса сделать все было проще. Макс отнес деактивированное тело Джейн на кухню и опустил на пол. В люк мусоросброса Джейн не прошла бы, и поэтому Макс разделал ее при помощи ножовки, которую всегда держал под рукой.

Потом он немного посмотрел три-ви и выпил пару стаканчиков. Затем лег спать, а утром, проснувшись, выбросил одноразовую пижаму. Распечатал пакет с одноразовым деловым костюмом, сел в одноразовую машину и отправился на работу. По пути заглянул в местное отделение «Антибрак Инкорпорейтед» и оставил запрос на изготовление рыженькой. Вариант «люкс».

ЖЕРТВА ГОДА

Гарольд Ноулз видел эту миниатюрную брюнетку утром каждого понедельника вот уже полгода, но их встречи носили исключительно деловой характер. И до того дня, когда он получил свой последний чек с пособием по безработице, он считал ее просто еще одной барышней из бюро по трудоустройству, с дежурной улыбкой на лице и стандартным набором фраз: «Добрый день... вы готовы/хотите/способны работать... распишитесь здесь, пожалуйста». Правда, иногда он задавался вопросом, почему она никогда не смотрит ему в глаза, а пару раз его так и подмывало наклониться и дотронуться до упрямого локона, вечно спадавшего ей на лоб. Но этим и ограничивался его интерес к ней – вплоть до того самого дня, когда она сунула записку в его папку соискателя. Совершив это странное действие, она протянула ему папку, встала, перегнулась через стойку и первый раз посмотрела прямо на него. Глаза у нее были голубые и наивные.

– Прочтите записку сразу, как придете домой, – прошептала она. – Это очень важно!

Отойдя от бюро на пару кварталов, он остановился у входа в заброшенную лавку, достал из кармана конверт и распечатал его. Некоторое время с недоумением смотрел на два слегка тронутых изморозью кленовых листа, вложенных в конверт, потом начал читать письмо. Оно было написано крупным, немного кривоватым детским почерком, но примечательным был отнюдь не почерк, а содержание.

«Дорогой Гарольд, – читал он. – Сегодня Хэллоуин, и скоро вы окажетесь в огромной опасности. Я ведьма, и знаю, о чем говорю. В доказательство моего могущества прикладываю два магических кленовых листа, которые, если вам это будет нужно, превратятся в двадцатидолларовые купюры. В качестве еще одного доказательства – вот вам предсказание: ваше сегодняшнее собеседование в «Экман Инновэйтурс» пройдет точно так же, как и все предыдущие. Вам откажут. Давайте встретимся в пять часов, после того, как окончится мой рабочий день, и я все вам объясню. Глория Клен».

Гарольд еще раз перечитал письмо, надеясь, что слова перегруппируются как-то иначе, и тогда текст обретет смысл. Однако этого не произошло. Девушки и раньше писали ему идиотские записки, но эта превзошла всех.

Он потряс головой в попытке привести мысли в порядок. Да, сегодня Хэллоуин. Да, именно в этот день ведьмы должны вылезать из затянутых паутиной чуланов, седлать свои метлы и выписывать в воздухе фигуры высшего пилотажа. И да, его невезение в поисках работы достигло такого масштаба, что волей-неволей поверишь в сглаз, порчу и прочие магические штуки.

Но их же не существует!

Вернувшись в реальный мир, он постепенно начал понимать, в чем дело. Эта девушка из разряда «добрый день – вы готовы – подпишите, пожалуйста» строит из себя ведьму в наивной попытке привлечь его внимание – только и всего. Узнать, что сегодня у него собеседование с мистером Экманом, не составляет труда – достаточно протянуть руку к стопке документов на соседнем столе. Что же до магических кленовых листьев...

Гарольд рассмеялась и хотел было их выбросить. Но почему-то передумал и засунул в карман. А вот дурацкую

записку скомкал и бросил в урну. Затем постарался выкинуть эту историю из головы и зашагал домой, чтобы приготовиться к свиданию: сегодня он собирался пообедать в компании своей невесты Присциллы Стерджис.

Мамаша Хаббард¹ гремела на кухне сковородками и кастрюлями. На цыпочках Гарольд пересек холл – в последнее время он постоянно ходил на цыпочках, потому что задолжал хозяйке двадцать долларов арендной платы. Мамаша Хаббард никогда не закрывала свою дверь, разве что по ночам, или когда уходила. Вот и сейчас дверь была раскрыта настежь, и Гарольд мельком увидел свою квартирную хозяйству. Высокая и тощая, как пугало, она нависала над кухонной плитой. Как обычно, вся в черном – все еще носит траур по мужу, который скончался десять лет назад. На самом деле ее звали не мамаша Хаббард, а миссис Паскуале, и вместо собаки она держала кошку. Но один из первых жильцов, очевидно, вдохновленный странным жадным блеском ее черных глаз, ввел в обиход прозвище из детского стишкам, так что с тех пор все знали ее исключительно как мамашу Хаббард.

В комнате все еще стоял запах консервированного куриного супа, которым Гарольд сегодня завтракал. Он распахнул окно, чтобы проветрить помещение. Побрился ванной комнате на втором этаже, потом причесался перед карманным зеркальцем и снова вышел на улицу. Прикурив сигарету, первую из трех, что позволял себе за день, он с наслаждением выдохнул дым вдогонку октябрьскому ветру. На крыльце соседнего дома мальчик сосредоточенно вырезал зубастый рот в круглом боку тыквы.

Свидание они назначили в модном ресторанчике напро-

¹ Мамаша Хаббард – популярный персонаж английских детских стишков.

тив большого универмага — Присцилла там работала в отделе закупок. Она уже ждала Гарольда за столиком, и он поспешил присоединиться к ней, переполняемый восхищением, обожанием и благоговением. Каждый раз, глядя на Присциллу, он испытывал эти волнующие чувства. Присцилла вся была как будто соткана из солнца и смеха. Глаза — золотистые, как солнечный октябрь, волосы — цвета индейского маиса, улыбка — теплая, как бабье лето. Неудивительно, что в тщетной попытке разбогатеть и тем самым приблизить день свадьбы, он переехал из больших апартаментов в престижном пригороде Форествью в жалкую комнаташку в городе. И неудивительно, что с каждой новой неудачей его тоска становилась все острее.

Присцилла улыбнулась. Глядя на эту улыбку, вы бы ни за что не подумали, что она о чем-то сожалеет. Ну и что с того, что за восемь месяцев ее жених из преуспевающего жителя пригорода превратился в жалкого обитателя городских джунглей и что от нищеты его отделяют пятидолларовая бумажка в кармане да чек с пособием по безработице?

— Привет, милый, — сказала она беспечно. — Придешь сегодня ко мне на вечеринку?

— Я... не знаю, — замялся Гарольд, думая о том, что его единственный приличный костюм давно вышел из моды. Ну почему Присцилла не решила устроить маскарад? Тем более что сейчас подходящее время для него...

— Нет, ты обязательно должен прийти, Гарольд! Мы будем прыгать за яблоками, играть в «Прикрепи ослу хвост»¹,

¹ «Прикрепи ослу хвост» — детская игра. Игроку завязывают глаза и кружат на месте, затем разворачивают в направлении картинки с ослом. Игрок приближается к ослу и старается прикрепить хвост как можно ближе к нужному месту. Остальные игроки поочереди повторяют то же самое. Тот, чей хвост оказался ближе всего к тому месту, где ему положено быть, выигрывает.

танцевать и веселиться. К тому же, там будет дядя Вик, и он ужасно хочет познакомиться с тобой!

Присцилла приехала в Форествью издалека, и дядя Вик, насколько знал Гарольд, был единственный ее родственник.

– Ну хорошо, – нехотя согласился он. – Во сколько?

– В полвосьмого. И не смей опаздывать, даже на секунду! Увидишь, какой торт я испекла, просто неземной!

Ее обеденный перерыв длился всего час, время летело незаметно. За второй чашкой кофе Присцилла рассказала Гарольду, что жители Форествью проголосовали недавно за строительство роскошной новой школы, где будет два бассейна, так что платить за обучение через пять лет придется в два раза больше, чем сейчас. Гарольда это не удивило: как бывший член тамошнего сообщества, он хорошо знал, что обитатели пригорода готовы на все ради своих отпрысков.

Пришло время платить по счету, он сделал знак официантке и полез в карман за своей единственной пятидолларовой купюрой. Однако извлек нечто другое – в руке оказалась не старая и потрепанная бумажка, а хрустящая, новая, поскрипывающая под пальцами. И внешне купюра выглядела иначе: вместо Линкольна на ней красовался Эндрю Джексон, а в каждом углу четко и ясно значилось «20». Леденящий ветерок коснулся его затылка, нервы затрепетали. Он поспешило вытащил из кармана все содержимое: пропавшую пятерку и... еще одну двадцатку.

На него смотрели две пары глаз. Лучистые и золотые – Присциллы, нетерпеливые карие – официантки. Гарольд быстро расплатился, разменяв одну из двадцаток, забрал сдачу и проводил Присциллу до дверей универмага. Она взглянула на него с любопытством, как будто хотела спросить, откуда такое богатство.

Но ничего не спросила. Только сказала:

— Увидимся вечером, милый. Пока.

Собеседование было назначено на три. Два часа Гарольд просидел в парке на скамейке. Львиную долю этого времени он обдумывал вопрос о существовании ведьм. И пришел к следующим выводам. Во-первых, ведьмы, как и алхимия, — наследие дремучего средневековья, и в свете современных научных открытий выглядят неуместно. Во-вторых, у волшебного превращения кленовых листьев должно быть разумное объяснение — он не знал, какое именно, но скорее бы провалился сквозь землю, чем потерял веру в науку из-за одного непонятного эпизода. И, в-третьих, если услужливая голубоглазая девушка из бюро по трудоустройству такая кудесница, значит, она и в постели должна быть недурна...

Воспрянув духом, Гарольд выбежал из парка, вскочил в автобус и поехал в корпорацию «Экман Инновэйтэрз». За стойкой в приемной сидела неприступная секретарша. Он протянул ей карточку, присланную утром по почте из отдела по подбору рабочих мест. Глянув мельком, секретарша тут же вернула ее обратно. Ее карие глаза смотрели недружелюбно.

— Мистера Экмана нет на месте, — холодно сказала она. — Да и вообще, если б он собирался встретиться с вами, то обязательно сообщил бы мне.

Гарольд остолбенел.

— Но как же...

— В любом случае, сейчас у нас нет вакансий. Приходите через два месяца.

Два месяца!

— Но в карточке написано...

— Через два месяца, — ледяным тоном повторила секретарша. — Всего доброго, сэр.

Мрачный молодой человек вышел на улицу и понуро на-

правился к остановке автобуса. Еще более мрачный молодой человек выгрузился из автобуса через десять минут и зашагал прямиком в бюро по трудуустройству. Девушка из отдела по подбору рабочих мест никак не могла объяснить произошедшее.

— Может, завтра вам еще раз туда сходить? — предположила она. — Сейчас я ничего не могу сказать...

— Ноги моей там больше не будет! — воскликнул он и повернулся, чтобы уйти. Но тут же встретил серьезный взгляд той самой девушки, которая утром подсунула ему письмо. И второй раз за день ледяное дуновение ветра коснулось его затылка. Он вспомнил, как ее зовут: Глория Клен. Глория Клен, повторял он про себя, спускаясь вниз по лестнице. Профессия — ведьма.

Внезапно обретенное богатство подвигло его на отказ от режима строгой экономии. В соседнем киоске он купил пачку сигарет с фильтром, вернулся к дверям бюро и стал ждать пяти часов. Глория выбежала на улицу, когда он докуривал четвертую сигарету.

Она увидела Гарольда, и ее голубые глаза засияли.

— Здравствуйте, — сказала она. — Давайте пойдем ко мне, там мне легче будет рассказывать.

Она жила в меблированных комнатах, почти таких же убогих, как у матушки Хаббард. Пешком они поднялись на третий этаж. Вслед за Глорией Гарольд прошел через тесную кухоньку в чуть более просторную гостиную, где стояли потрепанный мохеровый диван, такое же кресло и шаткий журнальный столик со стеклянной столешницей. На диване спала трехлапая черная кошка с полуоторванным хвостом. Глория присела рядом, взяла ее на руки и бережно положила к себе на колени.

— Матильда, это Гарольд, — сказала она. — Гарольд, это моя Матильда.

Гарольд сел в кресло.

– А что случилось с ее лапой?

– Ее сбила машина. Водитель даже не остановился. Я нашла ее на улице и отнесла к ветеринару. Он... хотел ее усыпить, но я не позволила. Никто ее не искал, так что я оставила Матильду себе. Каждая ведьма должна держать черную кошку.

Гарольд посмотрел на нее с сочувствием. Полчаса назад он был твердо уверен, что она и в самом деле ведьма, сейчас же это казалось абсолютной нелепостью. Боже, да она наивна, как школьница! И тем не менее, она должна ему кое-что объяснить...

– Пожалуйста, рассказывайте, – сказал он с нетерпением.

– Да. Сейчас. – Ее нервные пальцы легко пробежались по спинке Матильды. – Я... начну с самого начала. Прежде всего, я пока не полноправная ведьма, только ученица. Понимаете, сестры по шабашу всегда в поиске будущих ведьм. Когда до них доходит слух о какой-нибудь разочарованной, недовольной жизнью девушке, они посыпают к ней своих подручных и предлагают поступить в школу ведьм. Учеба длится всего год, но правила страшно строгие. Если сделаешь что-то неподобающее, тебя тут же дисквалифицируют. Например, если бы сестра по шабашу, которая предложила вас в качестве подопытного кролика... если бы она узнала, что я вам помогаю, меня бы тут же выгнали... и не только... меня бы наказали...

Гарольд зажег сигарету и глубоко затянулся.

– Что вы сказали? – спросил он с некоторым отчаянием. – В качестве подопытного кролика?

– Я к этому и подхожу, – объяснила Глория. – Каждое Сретение старшая сестра по шабашу выбирает Жертву Года и отдает ведьмам-ученицам на растерзание, чтобы до кануна Дня Всех Святых они оттачивали свое колдовское

мастерство. А в канун Дня Всех Святых сама берется за дело и устраивает Жертве какую-нибудь дьявольскую пакость. В этом году Жертва – это вы. Мы с одноклассницами наперегонки делали вам гадости. Сначала мы вас уволили. Потом заставили вашего работодателя сообщить в бюро о том, что вы якобы уволились по собственному желанию, поэтому вы ждали первого пособия два с половиной месяца. Вы не смогли из-за этого выплачивать взносы за машину, так что пришлось от нее отказаться. Потом мы настроили против вас всех руководителей и сотрудников местных компаний. Они сами не знают, почему вы у них вызываете такое неприятие... И все это время я смотрела на вас и видела, как вы ждете пособия, как истрепались рукава вашего костюма, какой вы печальный... А помните, вы купили бутылку молока, принесли домой, и молоко тут же скисло? Так вот, это моя работа... и... ох, Гарольд, как же мне стыдно! Просто готова умереть!

Прямо перед его изумленными глазами она расплакалась и выбежала в кухню.

Матильда, ковыляя на трех лапах, подошла и начала теряться пушистыми боками о его ногу. Гарольд безучастно почесал ее за ухом. Он был совершенно потрясен. Его и правда уволили, бывший работодатель и правда говорил с бюро по трудоустройству, и машину он отдал, потому что не мог за нее платить... Короче, все, что сказала Глория – правда.

Ну ладно. Но это не значит, что она подстроила все его злоключения с поиском работы! Она могла просто знать о них – точнее, не могла не знать, ведь она сама из бюро по трудоустройству. Что же касается молока, то она, скорее всего, выудила информацию из мамаши Хаббард. В конце концов, скисло оно именно в холодильнике старой вдовы.

Он услышал, как Глория ходит по кухне, потом она появилась в дверях и сказала:

— Идите сюда и садитесь, Гарольд. Я приготовила сэндвичи.

Сэндвичи оказались с арахисовым маслом. Он съел три и запил их двумя стаканами молока. Глория съела половину одного сэндвича и выпила полстакана молока. На ее верхней губе осталась забавная белая полоска.

— Вы не представляете, насколько мне стало легче, когда я вам все рассказала, — вздохнула она. — Просто камень с души. Вы же сегодня будьте осторожны. Лучше всего находиться там, где много людей. Ведьмe сложно наслать чары, когда вокруг толпа.

Он посмотрел на ее молочную полоску и внезапно веселел.

— Я собираюсь на вечеринку к невесте, так что, думаю, буду в полной безопасности.

Она опустила глаза.

— Наверное. Наверное, да. И все-таки, лучше вам пойти туда, где много полицейских. Ведьмы боятся представителей закона. И наместников Дьявола тоже побаиваются. Его Злое Величество настаивает, чтобы внешне все выглядело пристойно, и все вели себя, как почтенные граждане. Если кто-то из подчиненных хотя бы чуть-чуть нарушит закон, он сразу же бах — и лишает провинившегося силы.

— Лишает силы и поднимает на вилы? — Гарольд едва сдерживал смех.

— Не время шутить, Гарольд. Разве вы не понимаете, что ваша жизнь в опасности?

Она встала и убрала бутылку молока в холодильник. Потом взяла банку с арахисовым маслом и понесла к высокому шкафчику возле раковины. Когда она открыла дверцу, Гарольд не поверил своим глазам. Все полки были заставлены абсолютно одинаковыми банками, кое-где даже в два ряда.

— Боже правый! — воскликнул он. — И это все, что вы едините?

Она застенчиво глянула на него.

— Не совсем. Я обедаю в кафетерии напротив бюро. Никогда не умела готовить. Дома все делала мама, потом я переехала сюда, и некому было меня учить.

Гарольд поднялся. Как она смогла предсказать итог сегодняшнего собеседования, он, наверное, никогда не узнает. Но она точно не виновата в том, что ему отказали, и во всех остальных его неудачах тоже. Когда все эти глупости выверятся из ее головы, он вернет ей две двадцатки и попросит объяснить, почему в самом начале он решил, что это кленовые листья. А сейчас спрашивать об этом бесполезно.

— Спасибо за сэндвичи, — сказал он.

Гlorия проводила его до двери. Она казалась такой грустной и одинокой, что Гарольд почему-то решил дать ей телефон Присциллы.

— Вдруг вам что-то понадобится, — объяснил он. — Теперь мне пора.

— Всего вам доброго, Гарольд. И, пожалуйста, будьте осторожны.

По улицам вовсю разгуливали ведьмы, не говоря уже о гоблинах, привидениях, инопланетянах и домовых. У Гарольда не было никакого настроения толкаться в праздничной толпе, поэтому он вскочил в первое проезжающее такси. Гlorия никак не выходила у него из головы. Он был настолько погружен в свои мысли, что в холле своего дома забыл встать на цыпочки. Так и дошел до двери Мамаши Хаббард. Старуха стояла у плиты и мешала что-то в большом чугунном котле длинной деревянной ложкой. Бежать было поздно. Хозяйка услышала его шаги и перегородила ему дорогу, глядя своими странными жадными глазами. Она как будто хотела что-то сказать. У ее ног вилась черная кошка.

Гарольд вовремя вспомнил про вторую двадцатку, поспешно сунул ее старой dame в руку и кинулся вверх по лестнице. В комнате надел свой лучший костюм и изучил себя со всех сторон в зеркале. В целом сойдет, если стоять где-нибудь в углу. Ну что ж, угол – его привычное место.

До Форествью полчаса на автобусе, так что чем скорее он выйдет, тем лучше. Говард на цыпочках спустился вниз по лестнице. Мамаша Хаббард уже не показывалась, но ее варево громко булькало, и прянный аромат жаркого из дичи разливался по холлу. Гарольд выбежал на улицу и вздохнул с облегчением. Небо затянули тучи, заметно похолодало. Он поднял воротник пальто, быстрым шагом направился к автобусной станции и через тридцать пять минут был уже в Форествью.

Дом Присциллы, современный особняк в колониальном стиле, располагался в самом конце аллеи, обсаженной кленами. Машины гостей заняли всю подъездную дорожку и выстроились по обочинам вдоль аллеи. У некоторых автомобилей были номера других штатов; Присцилла по работе много путешествовала и часто знакомилась с людьми из разных концов страны. Гарольд позвонил в дверь, и его невеста возникла на пороге. В сияющем блестками платье она выглядела просто сногшибательно.

– Привет, милый! Все просто умирают, как хотят познакомиться с тобой!

Гостей было около сорока. Должно быть, Присцилла во всю его расхвалила – если судить по их воодушевлению при встрече с ним. Особенно радовался дядя Вик, высокий жилистый мужчина за шестьдесят с ежиком седых волос, проницательными голубыми глазами и крепким рукопожатием.

– Идем к бару, – сказал он Гарольду. – Приготовлю тебе коктейль.

Баром служила стойка для завтраков. Дядя Вик смешал Гарольду крепкий хайбол¹.

— Присцилла — отличная девчонка, верно? — сказал он, протягивая стакан. — Вот увидишь, какие она придумала развлечения!

— Вы здешний, сэр? — спросил Гарольд. Он все еще не пришел в себя от потрясения при виде своей девушки в великолепном наряде.

— Да, здешний. Работаю региональным менеджером в «Ширке и Эленд Энтерпрайз». Крупный международный концерн — хотя ты, возможно, о нем не слышал. Ну что, пойдем к остальным?

Стереоприемник играл на полную мощность, ковер в гостиной скатали и поставили в угол. Присцилла танцевала с высоким молодым человеком, его смуглая экзотическая красота подчеркивала ее золотистое сияние. Гарольд, чья застенчивость улетучилась после коктейля, вклинился между ними. Она танцевала в его объятиях, легкая, как перышко, и ее глаза были, как золотые зеркала, в которых он видел отражение всего мира, и этот мир казался прекрасным и полным чудес.

Дядя Вик рядом кружился в танце с темноволосой вдовой. Поравнявшись с Гарольдом, весело подмигнул. Освещение становилось все мягче, теплее, интимнее. Казалось, время остановило свой бег и тихонько покинуло комнату...

Внезапно, перекрывая стереофонической звучание музыки, прозвенел телефонный звонок.

— Извини, — шепнула Присцилла, выскользнула из его

¹Хайбол — это смесь алкогольного напитка с содовой, или минеральной водой, или безалкогольными газированными напитками. Подают в специальном высоком цилиндрическом бокале, который так и называется — хайбол.

объятий и вышла в холл. Через пару минут она появилась в дверях с телефонной трубкой в руке.

— Это тебя, — сказала она.

Гарольд взял к трубку и поднес к уху.

— Алло?

— Гарольд? — услышал он голос Глории. — У вас все в порядке?

Он разозлился.

— Конечно, в порядке, — раздраженно сказал он. — Что со мной может случиться?

— Дело в том, что... в общем, они узнали про нас. Сестры по шабашу. Сегодня в школе ведьм старшая наставница сказала, что меня исключают и еще до полуночи меня ждет возмездие.

— Что за глупости, Глория! Вы совсем сошли с ума из-за ваших выдумок.

— Но это не выдумки, Гарольд, это правда! Мне так страшно!

Она едва сдерживала рыдания.

Постепенно его раздражение прошло: он представил себе, как она сидит, совершенно одна, в своей маленькой гостиной, глядя вокруг потемневшими от страха глазами.

— Ладно, — внезапно сказал он. — Я сейчас приеду. Возьмите себя в руки.

И повесил трубку.

Присцилла из дверей гостиной смотрела на него странным взглядом.

— Извини, мне надо отъехать на часок, — сказал он ей. — Кое-что случилось.

— Но милый, как раз сейчас начнутся игры! Подожди хотя бы, пока мы прикрепим хвост... ослу.

— Прости, Прис. Не могу.

Она подошла к нему близко-близко и, как будто в шутку,

схватила за лацканы пиджака.

– Не отпуши, если не пообещаешь вернуться!

– Хорошо, – кивнул он. – Конечно, я обещаю.

Он сел в такси, надеясь выиграть время, но на шоссе была пробка, и до квартирки Глории он добирался сорок минут. Постучал, но она не открыла. Толкнув дверь, он вошел внутрь. Глория, съежившись, сидела на диване, ее плечи содрогались от рыданий. На полу у ее ног лежало безжизненное тело трехногой черной кошки.

Гарольд сел рядом и обнял Глорию за плечи. Постепенно ее рыдания затихли.

– Матильда... она умерла десять минут назад. Ну почему они выбрали ее, почему?

Слезы бежали по ее щекам, она прижалась лицом к лацкану его пиджака. И вдруг он все про нее понял. Молодые люди вроде него смеются над ней, обращаются, как с ребенком, а ведь она хочет, чтобы в ней видели женщину. Да рят ей конфеты, а она мечтает о цветах. Неудивительно, что Глория решила стать ведьмой. И совсем не удивительно, что не смогла ею стать...

– Как же они узнали про нас, Глория? – тихо спросил он.

– Старшая сестра по шабашу, та, что выбрала тебя Жерутвой Года, каким-то образом прознала про волшебные двадцатки. Может, увидела их – ведьма сразу признала бы купюру. Она все рассказала старшей наставнице. Та пришла в ярость. Выстроила всех учениц вдоль стены и пообещала, что будет мучить, пока виновница не признается. Я не хотела, чтобы мучились другие девушки, ведь они ни в чем не виноваты. Поэтому я призналась. Хуже всего то, что я тайком пробиралась в школьную библиотеку и там читала запрещенные книги. Именно там я вычитала, как активизировать хлорофилл и вызвать эффект хроматолиза, чтобы...

Его голос прозвучал холодно:

— Кто эта сестра по шабашу, Глория?

— Я... я не знаю. Я никогда не видела ни одну из них. Ученицам не позволено с ними встречаться. Но это точно одна из твоих знакомых, иначе бы тебя не выбрали.

Он встал.

— Неважно. Я выясню, кто она. Сейчас мне надо идти, но обещаю, что скоро вернусь.

Дверь мамаши Хаббард была заперта. Он начал стучать — громко, грубо. Стучал долго, но без результата. Потом взялся за ручку, но дверь не открылась.

Пряный запах все еще чувствовался в холле. Наверное, с горечью подумал он, старуха взяла свое дьявольское варево с собой на шабаш и прямо сейчас председательствует там, окруженная тощими уродливыми сестрами, а наместник дьявола стоит у ее плеча в своей серой хламиде из козлиной шерсти.

Что ж, он дождется ее возвращения. Сядет на ступеньки и будет ждать. А потом выскажет ей в лицо все, что думает о злобных старухах, которые издеваются над бедными девушками и убивают покалеченных кошек.

Гарольд достал сигареты и полез в карман за спичками. Коробок был пуст. Он вспомнил, что в ящике комода есть еще один, и пошел наверх. Выдвинув ящик, замер — прямо перед ним лежала новенькая хрустящая двадцатидолларовая купюра. А рядом с ней — желтоватый листок бумаги.

Он медленно взял листок. На нем мягким карандашом были аккуратно выведены слова:

«Каждый день, убираясь в твоей комнате, я чувствую запах консервированного супа, который ты варишь себе по вечерам и по утрам. И у меня сжимается сердце, потому что такой хороший человек, как ты, не должен страдать. Сегодня, когда мы встретились, Гарольд, я собиралась пригласить тебя на ужин, целый день я готовила спагетти с

фрикадельками из оленины и хотела разделить с тобой трапезу. Но ты не стал меня слушать, сунул мне деньги и убежал. Я возвращаю тебе свою двадцатку. Двадцать долларов – ничто по сравнению с дружеским теплым ужином, который не купишь ни за какие деньги. А сейчас я пойду в церковь Святого Антония и помолюсь за тебя».

Гарольд глядел на эти простые слова и не мог двинуться с места. Выходит, глаза бывают жадными не только от скуости, но и от жажды общения. От нехватки понимания, участия, человеческого тепла...

Он медленно повернулся и пошел по лестнице вниз. Телефон в холле зазвонил, как раз когда он проходил мимо. Гарольд взял трубку:

— Алло?

— Добрый вечер, — сказал мужской голос. — Я хотел бы поговорить с мистером Ноулзом.

— Мистер Ноулз слушает.

— Это мистер Экман. Надеюсь, вы простите меня за то, что я совершенно забыл о нашей сегодняшней встрече. Не знаю, что со мной произошло... какая-то мистика. Но пару минут назад я все вспомнил — так же неожиданно и непонятно... В общем, если вас еще интересует работа в моей компании, буду рад видеть вас завтра утром. Думаю, мы обо всем договоримся.

— Конечно, меня все еще интересует работа у вас! — поспешил ответить Гарольд. — И большое спасибо, что позвонили.

Он сел в такси и поехал в Форествью. На попутки у него родился план, и он попросил водителя остановиться у круглосуточной аптеки. Там он купил большой кусок мыла и всю оставшуюся дорогу обдумывал детали. План был простой, деталей не так уж много, но у него противно сосало под ложечкой, а раздумья от этого отвлекали.

Он вышел из машины возле дома Присциллы и подождал, пока отъехавшее такси завернет за угол. Потом взял кусок мыла и намылил ветровые стекла всех машин, припаркованных вдоль аллеи и подъездной дорожки. А затем отвинтил клапаны на всех шинах. Закончив, прошел пол-квартала до круглосуточной автозаправки и сделал один телефонный звонок, после чего вернулся к Присцилле.

Вечеринка была в самом разгаре. Глаза Присциллы засияли, когда она увидела Гарольда. Через пару минут она принесла из кухни и поставила на карточный столик посреди гостиной большой трехъярусный торт с апельсиновой глазурью. На верхнем ярусе, в самом центре, стояли две маленькие восковые фигурки, а вокруг них, расположенные в виде пентаграммы, горели свечи – двадцать одна штука.

В мозгу у Гарольда как будто включили свет, и он увидел истину. Внимательно присмотрелся к фигуркам: одна из них напоминала его, другая – Глорию.

И все же... он никак не мог в это поверить. Неужели? Присцилла? С ее золотистыми глазами, золотыми волосами, золотым сердцем? Но поверить все-таки пришлось: на стене висел плакат, с виду вполне обычный плакат для игры «Прикрепи ослу хвост». Нарисованное на плакате тело животного было утыкано булавками. Тело не ослика, а кошки – трехногой кошки с половинкой хвоста. Теперь у нее появился еще один хвост, целый...

Только он ей уже не нужен.

Присцилла зажигала свечи, а все остальные окружили карточный стол, злобно поглядывая на Гарольда. И тут он заметил странную вещь – его одержимость Присциллой полностью улетучилась. Эта женщина – все равно, что мужчина. Дюжина мужчин!

Пламя свечей, колеблясь, потянулось вверх, восковые куклы начали таять, и Гарольд почувствовал первые горячие

прикосновения огня. Дядя Вик подошел ближе, его лицо вытянулось, нос заострился. Присцилла тоже придинулась к нему, и глаза у нее были уже не золотистые, а желтые. Губы растянулись, обнажая острые клыки. И все-таки это маскарад, подумал Гарольд. И пришло время снимать маски. От этой мысли он поежился.

— Но почему, Присцилла? — спросил он, стараясь не давать волю страху. — Почему?

Желтые глаза сверкнули.

— Ты же меня любишь, верно? Ну вот, я возвращаю тебе свою любовь — единственным возможным для меня способом. Возвращаю с ненавистью — в сто раз большей!

Он отступил назад. Пламя свечей загорелось жарче. Капли пота выступили у него на лбу. Он старался держать себя в руках, напряженно прислушиваясь к звукам с улицы. И наконец услышал, как хлопнула дверца машины. Именно этого он ждал. Наконец-то можно расслабиться.

— Что это? — быстро проговорил дядя Вик.

— Полиция, я полагаю, — ответил Гарольд. — Я попросил их заехать.

— Это невозможно, — взвизгнула Присцилла. — Если бы ты сказал им про шабаш, они бы просто посмеялись над тобой!

— Естественно. Поэтому я не сказал про шабаш. Я попросил их заехать совсем по другой причине. Дети там немного набедокурили с вами машинами...

Присцилла уставилась на него. И дядя Вик тоже. И остальные.

— С нашими машинами?.. — начала она. — А, ты про мыло на ветровых стеклах, и все такое? — Присцилла засмеялась. — Ну, так мы просто откажемся предъявлять обвинения — правильно, дядя Вик?

Дяде Вику заметно полегчало.

– Да, именно так мы и сделаем, – ухмыльнулся он.

– А кто сказал, – Гарольд вытер пот со лба, – что это вы должны предъявлять обвинения? – Он повернулся и посмотрел в упор на Присциллу. – Очевидно, вы плохо знаете муниципальные указы Форестью. В одном из них, например, сказано, что вечером тридцать первого октября все личные автомобили должны находиться в гаражах, неважно, частных или общественных, для того чтобы – цитирую – «не искушать подрастающее поколение и не провоцировать юных жителей пригорода на совершение противоправных действий». Последние несколько лет юные жители пригорода вели себя образцово, поэтому указ спокойно лежал в ящике стола. Но я уверен: когда шериф узнает, насколько грубо вы нарушили местный закон, он с большой радостью извлечет бумагу из архива и даст делу ход.

Дядя Вик одним выдохом затушил все свечи.

– Ах ты идиотка! – крикнул он Присцилле. – Законченная идиотка! Стариk придет в ярость. Он лишит нас силы – всех нас! Я потеряю свое место! Почему ты не проштудировала местные законы?

– Заткнись, старый козел! – заверещала Присцилла. – Он врет, ты что, не видишь? Нет там никакой полиции! Никого там нет! Он просто блефует...

В этот момент в дверь позвонили.

Гарольд добрался до города уже за полночь. Несмотря на поздний час, праздник продолжался – было самое время для похода в гости. Он решил, что вначале заедет за Глорией, а потом они вместе позвонят миссис Паскуале. И, если старая дама не угостит их ароматными спагетти с фрикадельками из оленины, они непременно намылят ей окна.

ИСТОЧНИКИ

- Eridahn: New York, Ballantine Books, 1983
Magic Window: *Fantastic*, August 1958
The Wistful Witch: *Fantastic Universe*, May 1959
Universes: *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, August 1982
Adventures of the Last Earthman in Search for Love: *Amazing Science Fiction*, June 1973
Storm Over Sodom: *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, February 1961
Room with View: *If*, October 1956
Impressionist: *Fantastic Science Fiction Stories*, August 1960
Santa Claus: *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, January 1959
40-26-38: *Fantastic*, July 1959
Reflections: *Galaxy Magazine*, March 1970
Mr. and Mrs. Saturday Night: *Fantastic*, November 1958
No Deposit*No Refill: *Amazing Science Fiction*, February 1974
Victim of the Year: *Fantastic Stories of Imagination*, August 1962

ХУДОЖНИКИ

Grey Morrow	стр.: 2, 140, 159
Leo Summers	стр.: 164
James Odbert	стр. 195
Jeff Jones	стр. 213
Ed Emshwiller	стр. 257

СОДЕРЖАНИЕ

ЭРИДАН. Роман	5
<i>Перевод Н. Минакеевой</i>	
РАССКАЗЫ	
ВОЛШЕБНОЕ ОКНО	163
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
МЯТУЩАЯСЯ ВЕДЬМА	176
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
ВСЕЛЕННЫЕ	194
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЗЕМЛЯНИНА	211
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
БУРЯ НАД СОДОМОМ	228
<i>Перевод Марии Литвиновой</i>	
КОМНАТА С ВИДОМ	256
<i>Перевод Анны Петрушиной</i>	
ИМПРЕССИОНИСТ	267
<i>Перевод Марии Литвиновой</i>	
САНТА-КЛАУС	273
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
90-60-90	287
<i>Перевод Марии Литвиновой</i>	
ОТРАЖЕНИЯ	296
<i>Перевод Марии Литвиновой</i>	
МИСТЕР И МИССИС СУББОТНИЙ ВЕЧЕР	305
<i>Перевод Сергея Гонтарева</i>	
РЕМОНТУ И ЗАРЯДКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ	316
<i>Перевод Нияза Абдуллина</i>	
ЖЕРТВА ГОДА	322
<i>Перевод Марии Литвиновой</i>	

Литературно-художественное издание

Роберт Янг
ЭРИДАН
Фантастические произведения

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Редактор А.А.Лотарев
Технический редактор Г.Г.Лотарев
Корректор З.З.Лотарев
ИБ № 781-17

Подписано в печать 01.03.12. Формат 70 x 108 1/32.
Бумага Снегурочка. Печать цифровая. Гарнитура Тип Таймс.
Усл.-печ. л. 18,12. Тираж 20 экз. Заказ № 122-223.

Издательство «Бригантина»
07500, г. Ясноград, ул. Р. Сикорски, 17.

Отпечатано в типографии Института Неточных Наук
01230, г. Орлиноозерск, ул. Придубравная, 18.

Зарубежная

фантастика

Ясноград «Бригантина»